

Сборник научных статей
по итогам работы
Международного научного форума

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Москва 2026

Коллектив авторов

Сборник научных статей по итогам работы
Международного научного форума
**НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Москва, 2026

УДК 330

ББК 65

С56

Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (г. Москва, 26 февраля 2026 г.). / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. — Москва: Издательство Инфинити, 2026. — 144 с.

У67

DOI 10.34660/INF.2026.77.22.125

Сборник материалов включает в себя доклады российских и зарубежных участников, предметом обсуждения которых стали научные тенденции развития, новые научные и прикладные решения в различных областях науки.

Предназначено для научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов вузов, государственных и муниципальных служащих.

УДК 330

ББК 65

DOI 10.34660/INF.2026.77.22.125

© Издательство Инфинити, 2026

© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Синергизм органических кислот и маннанолигосахаридов в оптимизации микробиоты кишечника сельскохозяйственной птицы

Мусин Алмаз Газнавиевич, Гадиев Ринат Рабилович,

Хазиев Данис Дамирович, Мустафин Азат Сагитович 8

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Характеристика нежелательных явлений при химиотерапии больных туберкулезом с множественной лекарственной устойчивостью возбудителя

Рыжкова Оксана Александровна 16

Технологии будущего в лечении хронических ран

Шамилов Марк Дамирович 22

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

Формирование профессиональных компетенций будущих тренеров-преподавателей в условиях цифровизации образования

Донсков Вадим Дмитриевич, Барахова Галина Павловна 28

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Оценка надежности систем пожарной автоматики в процессе эксплуатации

Аюбова А. С., Ганижев Р. Г., Максимов Г. Т., Денильханов А-Х.Х. 34

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Влияние иностранных инвестиций на экономический рост Республики Армения

Гукасян Лилит Мкртычевна 37

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-правовые основы механизма международного признания государств

Кулумбегова Лина Темуриевна, Котаева Анна Феликсовна 45

Искусственный интеллект как инструмент формирования политического сознания: теоретические основания и практические кейсы <i>Яманова Ольга Александровна</i>	49
--	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Уголовная ответственность за совершение преступлений с использованием дипфейков <i>Таймазов Абдуллабек Умалатович, Муталлиев Салман Арсенович</i>	56
К вопросу о понятии параллельного финансового расследования <i>Кушербаева Салтанат Сагатовна</i>	62

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РРА в управлении персоналом: институциональные изменения и трансформация коммуникационных практик <i>Тибейкин Степан Евгеньевич</i>	69
---	----

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Образовательные функции СМИ в современной культуре <i>Семилет Тамара Алексеевна, Базарнова Екатерина Максимовна</i>	75
Коррекция звукопроизносительных навыков у детей с дизартрией по средствам развития самоконтроля <i>Егиян Марина Александровна</i>	84
Методы и приемы диагностики и коррекции звукопроизносительных навыков <i>Егиян Марина Александровна</i>	90

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Эволюция парадигмы инженерного мышления на современном этапе: от инструментального решения задач к системному управлению сложностью <i>Волкова Екатерина Александровна, Волков Федор Николаевич</i>	98
Источниковый прорыв российской исторической науки первой половины 1990-х годов: Великая Отечественная война <i>Умавов Рамазан Габибович</i>	102

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Символика образа Лэшера в цикле Райс Энн “Мейферские ведьмы” и его экранизации

Романчук Любовь Анатольевна, Дябина Владислава Николаевна 107

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Функциональное разграничение Search Engine и Research Engine для машинного и традиционного (антропогенного) перевода

Никитина Вероника Владимировна 126

Лексический повтор как разновидность речевой избыточности

Светличная Влада Юрьевна 131

Экспрессивность как параметр дифференциации оценок в научном диалоге

Чалова Оксана Николаевна 139

**СИНЕРГИЗМ ОРГАНИЧЕСКИХ КИСЛОТ
И МАННАНОЛИГОСАХАРИДОВ В ОПТИМИЗАЦИИ
МИКРОБИОТЫ КИШЕЧНИКА
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПТИЦЫ**

Мусин Алмаз Газнавинович

*кандидат сельскохозяйственных наук, генеральный директор
Общество с ограниченной ответственностью
«ЭйВи НутриСмарт»,
г. Оренбург, Россия*

Гадиев Ринат Равилович

*доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Башкирский государственный аграрный университет,
г. Уфа, Россия*

Хазиев Данис Дамирович

*доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Башкирский государственный аграрный университет,
г. Уфа, Россия*

Мустафин Азат Сагитович

*кандидат сельскохозяйственных наук, консультант
по птицеводству
Общество с ограниченной ответственностью «Оллтек»,
г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования влияния комплексной кормовой стратегии на микробиоценоз двенадцатиперстной кишки кур-несушек. Установлено, что сочетанное применение органических кислот и маннанолигосахаридов оказывает выраженный пребиотический эффект, выступая эффективным инструментом модуляции кишечного микробиоценоза птицы. Обоснована роль бензойной кислоты как первичного фактора трансформации микрофлоры, в то время как «Актиген» создает оптимальный фон для реализации метаболического потенциала симбионтов. Наиболее благоприятный функциональный статус экосистемы кишечника достигается при включении в рацион концентрированной бензойной кислоты (750 г/т), защищенной бензойной кислоты (200 г/т)

и маннанолигосахаридов (400 г/т). Итоговый сдвиг бактериального сообщества в сторону усиления симбионтных функций свидетельствует о переходе микробиоты на более высокий качественный уровень, что способствует повышению общей физиологической резистентности птицы.

Ключевые слова: бензойная кислота, маннанолигосахариды, Актиген, куры-несушки, микробиота, двенадцатиперстная кишка.

Введение. Во многих странах использование антибиотиков в рационах птицы в нетерапевтических целях законодательно запрещено. Это стимулировало разработку альтернативных решений, включающих продукты растительного происхождения и их производные, пробиотики, пребиотики и органические кислоты. Органические кислоты рассматриваются как эффективный кормовой инструмент для улучшения функций желудочно-кишечного тракта. Исследования подтверждают, что органические кислоты способствуют росту и поддержанию здоровья кишечника у поросят-отъемышей, цыплят-бройлеров и продуктивности кур-несушек [1]. Они являются оптимальной альтернативой антибиотикам, так как их действие начинается непосредственно в корме за счет снижения уровня pH [2]. Данный эффект не только повышает абсорбцию питательных веществ, но и подавляет развитие патогенных микроорганизмов как в самом рационе, так и в пищеварительном тракте птицы [3].

Бензойная кислота, являющаяся простейшим представителем ароматических карбоновых кислот, при включении в рационы бройлеров способствует интенсификации роста живой массы и повышению эффективности конверсии корма. При этом следует учитывать дозозависимый эффект: избыточные концентрации данного продукта могут оказывать депрессивное влияние на физиологическое состояние и продуктивность поголовья. В отличие от концентрированной формы, инкапсулированная (защищенная) бензойная кислота, производимая в виде микрогранул, подвергается диссоциации преимущественно в дистальных отделах кишечника. Это обеспечивает пролонгированное поддержание низкого уровня pH в двенадцатиперстной и тощей кишках, формируя оптимальные условия для развития резидентной симбионтной микрофлоры [4].

Маннанолигосахариды являются производными клеточных стенок дрожжей. Они способствуют оптимизации морфологии кишечных ворсинок, что коррелирует с повышением продуктивности сельскохозяйственной птицы. Глобальный вызов в виде растущей антибиотикорезистентности патогенов за последние двадцать лет инициировал поиск эффективных альтернатив кормовым антибиотикам. В ряду таких решений особое место занимает препарат «Био-Мос» [5], а также его усовершенствованная генерация — «Актиген», представляющий собой высокоочищенную фракцию маннанов с повышенной биологической активностью.

Анализ доступной литературы подтверждает эффективность различных кормовых добавок в модуляции кишечной микробиоты, что благоприятно сказывается на продуктивности птицы. Тем не менее, вопросы комбинированного влияния органических кислот и маннанолигосахаридов именно на яичную продуктивность кур-несушек остаются недостаточно освещенными. Данный пробел в научных знаниях определил актуальность и научную новизну представленного исследования.

Цель. Оценить степень влияния органических кислот и маннанолигосахаридов в составе комбикормов кур-несушек на микробиоту кишечника. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- изучить синергическое воздействие бензойной кислоты в разных формах — концентрированной и коатированной — на состав резидентной микрофлоры двенадцатиперстной кишки;
- изучить возможность получения усиливающего эффекта от добавления маннанолигосахаридов в комбинации с бензойной кислотой.

Материал и методика исследования. Исследования на курах-несушках, продолжительностью 9 месяцев, проводились в условиях экспериментального птичника ФГБОУ ВО Башкирский ГАУ, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия, в период с начала января до конца сентября 2025 г. Для проведения эксперимента методом случайной выборки было сформировано 3 группы кур-несушек кросса СуперНик по 42 головы в каждой. Возраст птицы в начале эксперимента составил 245 дней. Применялась следующая стратегия кормления: рацион контрольной группы не предполагал наличия дополнительных кормовых добавок, был взят за базовый; в рацион птицы опытной 1 группы вводили 750 г концентрированной бензойной кислоты на 1 т корма совместно с 200 г/т бензойной кислоты в защищенной форме; опытная 2 группа получала 750 г концентрированной бензойной кислоты в сочетании с 200 г/т защищенной бензойной кислоты и 400 г/т маннанолигосахаридов в форме «Актигена».

Экспериментальная часть работы, направленная на изучение состава микробиоты двенадцатиперстной кишки кур-несушек, была реализована на базе ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр животноводства — ВИЖ имени академика Л. К. Эрнста» (Московская обл., г. о. Подольск). Сбор биологического материала для микробиологических исследований осуществляли в заключительной фазе экспериментального периода в ходе планового убоя и вскрытия птицы контрольной и опытных групп. Процедуру эвтаназии выполняли в строгом соответствии с этическими нормами, используя метод цервикальной дислокации. Для минимизации рисков возникновения посмертных аутолитических процессов и обеспечения максимальной сохранности клеточных структур и микробного профиля, незамедлительно

после убоя производили срединную лапаротомию с последующей полной эвисцерацией органов брюшной полости. Анатомическую идентификацию двенадцатиперстной кишки проводили на основе топографических ориентиров, верифицируя искомый отдел по характерной петле, анатомически охватывающей поджелудочную железу. Полученный цифровой материал обрабатывали методом вариационной статистики с помощью компьютерной программы Microsoft Office Excel.

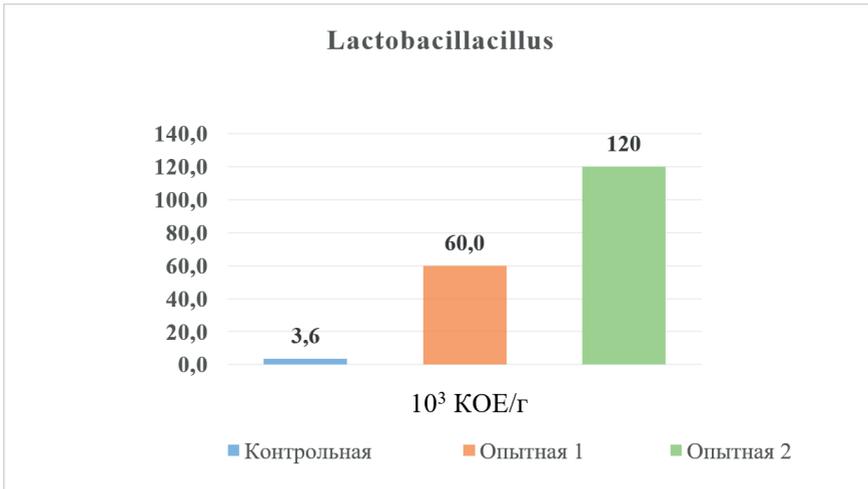

Рисунок 1. Содержание лактобактерий в микробиоте двенадцатиперстной кишки кур-несушек

Результаты исследования. Микробиоценоз тонкого отдела кишечника птицы характеризуется высокой степенью лабильности, выступая в роли индикатора адекватности нутритивного обеспечения и стабильности условий микроклимата. Учитывая, что проксимальные отделы кишечника являются первичной зоной активной интеракции поступающего химуса с резидентными микробными сообществами, детальный мониторинг их количественного и качественного состава рассматривается как ключевой инструмент прогнозирования дисбиотических состояний и своевременного реагирования на экспансию условно-патогенной микрофлоры [6]. Наглядная иллюстрация трансформации микробного пейзажа двенадцатиперстной кишки кур-несушек в зависимости от стратегии кормления (контрольная и опытные группы) представлена в виде графических данных на рисунках 1-4.

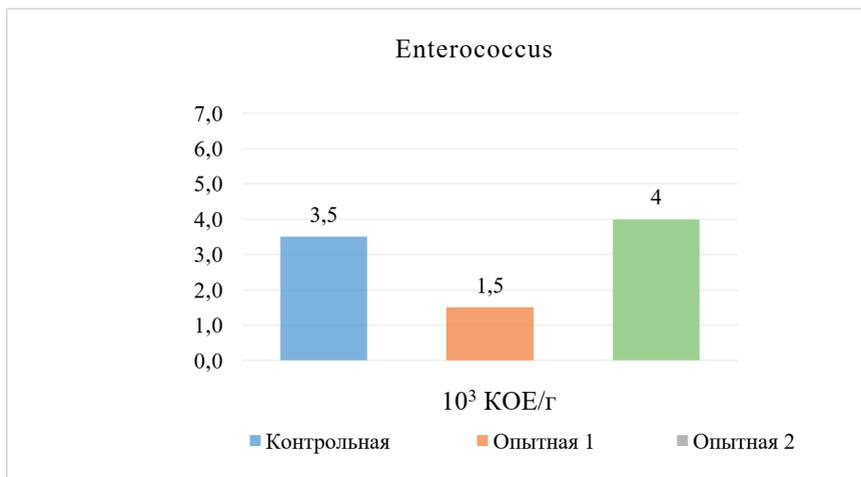

Рисунок 2. Содержание энтерококков в микробиоте двенадцатиперстной кишки кур-несушек

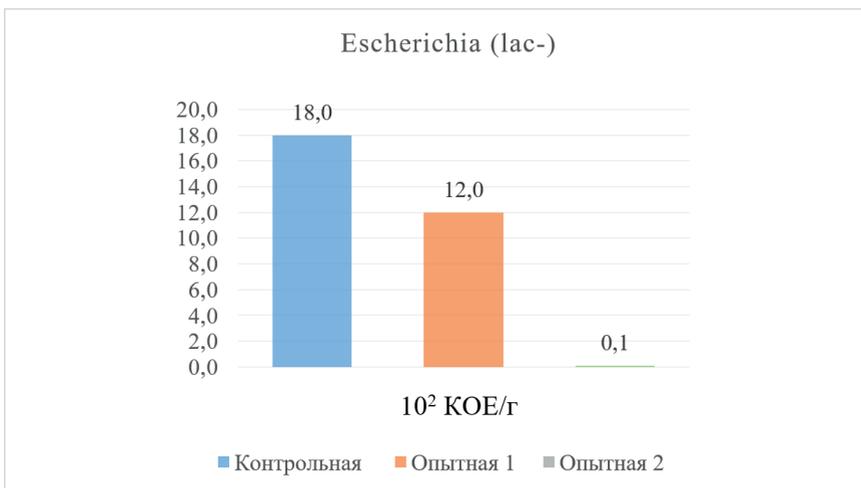

Рисунок 3. Содержание лактозотрицательной кишечной палочки в микробиоте двенадцатиперстной кишки кур-несушек

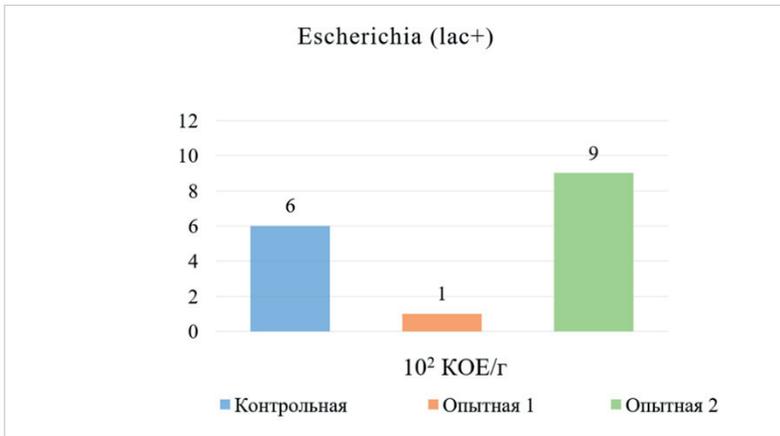

Рисунок 4. Содержание лактозоположительной кишечной палочки в микробиоте двенадцатиперстной кишки кур-несушек

Анализ кишечного микробиоценоза опытной птицы позволил выявить основные функциональные группы микроорганизмов: лактобактерии (*gen. Lactobacillus*), энтерококки (*gen. Enterococcus*), лактозоположительная и лактозоотрицательная кишечные палочки (*gen. Escherichia, lac+*, *lac-*). Как видно из представленных на рисунках данных, в контрольной и опытных группах лактобактерии являются доминирующим родом, что подтверждает их ключевую роль в нормофлоре ЖКТ птицы. В характере межгрупповой динамики можно наблюдать экспоненциальный рост количества представителей нормальной микрофлоры в опытных группах по сравнению с контролем: лактобактерий (от $3,6 \times 10^3$ КОЕ/г в контрольной до $120 \times 13 \times 10^3$ КОЕ/г в опытной 2 группе), энтерококков (от $3,5 \times 10^3$ КОЕ/г в контрольной до $4,0 \times 10^3$ КОЕ/г в опытной 2 группе), лактозоположительной кишечной палочки (от $6,0 \times 10^2$ КОЕ/г в контрольной до $9,0 \times 10^2$ КОЕ/г в опытной 2 группе). При этом была отмечена отрицательная межгрупповая тенденция в плане количественного соотношения по лактозоотрицательной кишечной палочке, ее количество снизилось с $18,0 \times 10^2$ КОЕ/г в контрольной до $0,1 \times 10^2$ КОЕ/г в опытной 2 группе.

Полученные данные подтверждают синергический эффект двух форм бензойной кислоты — защищенной и незащищенной, и препарата на основе маннанолигосахаридов «Актиген» в формировании микробиоценоза двенадцатиперстной кишки кур-несушек. Зафиксированные изменения позволяют классифицировать данные факторы как обладающие выраженным пребиотическим потенциалом. Апробированная кормовая стратегия обеспечила достоверный

рост популяций доминирующих симбионтов — лактобактерий, энтерококков и типичной (лактозоположительной) кишечной палочки, при одновременном ингибировании условно-патогенных лактозоотрицательных колиформ.

Механизм наблюдаемого эффекта носит комплексный характер. Вероятно, подавление широкого спектра патогенной микрофлоры, присущей нормофлоре кишечника птицы, посредством комплексного воздействия бензойной кислоты на уровень pH (незащищенной — в верхних отделах желудочно-кишечного тракта, начиная с зоба, и защищенной — в нижних отделах кишечника, включая толстую кишку) улучшает условия для жизнедеятельности лактобактерий. В свою очередь, маннанолигосахариды, являющиеся «ловушкой» для лактозоотрицательной кишечной палочки, сыграли положительную роль в конкурентном исключении в пользу лактозоположительной кишечной палочки и, возможно, энтерококков.

Таким образом, если воздействие органическими кислотами является первичным инструментом трансформации микробиоты кишечника кур-несушек, маннанолигосахариды создают желаемый фон для реализации метаболического потенциала полезной микрофлоры. Итоговый сдвиг микробного сообщества в сторону усиления симбионтных функций свидетельствует о переходе экосистемы кишечника на более высокий функциональный уровень.

Выводы. Апробированная кормовая стратегия, основанная на сочетанном применении органических кислот и маннанолигосахаридов, демонстрирует выраженный пребиотический эффект, оптимизируя микробный состав двенадцатиперстной кишки кур-несушек. Совместное использование концентрированной и защищенной форм бензойной кислоты в комбинации с пребиотиком «Актиген» способствует формированию благоприятного микробиоценоза кишечника, улучшая его качественные и количественные показатели. Установлено, что применение в кормлении кур-несушек комбинации биологически активных добавок в виде концентрированной бензойной кислоты в количестве 750 г/т корма, защищенной бензойной кислоты в количестве 200 г/т и маннанолигосахаридов в дозировке 400 г/т позволяет получить наиболее благоприятный микробный пейзаж кишечника.

Список использованных источников.

1. Partanen, K. H., and Z. Mroz. 2005. *Organic acids for performance enhancement in pig diets. Nutr. Res. Rev.* 12:117-145.
2. Diao, H., P. Zheng, B. Yu, J. He, X. B. Mao, J. Yu, and D. W. Chen. 2015. *Effects of benzoic acid and Thymol on growth performance and gut characteristics of weaned piglets. Asian Austral. J. Anim.* 28:827-839.

3. Qin, S. T., H. Zhang, X. F. Tang, and Y. Wang. 2007. *The Physiology function of acidifier and how to Select acid from different acids*. *Chin. J. Anim. Nutrition* 19:515-520.

4. Y. Gong et. al. *Effect of benzoic acid on production performance, egg quality, intestinal morphology, and cecal microbial community of laying hens* // *Poultry Science*. 2021. 100:196-205.

5. *Effect of yeast based mannan oligosaccharide (Actigen™) supplementation on growth, carcass characteristics and physiological response in broiler chickens*. — M. Waqas et al. — *Indian Journal of Animal Research*, 53 (2019), pp. 1475-1479.

6. Скворцова, Л. Н. *Функции микрофлоры желудочно-кишечного тракта сельскохозяйственной птицы [Текст] / Л. Н. Скворцова // Научный журнал КубГАУ. — 2020. — № 161 (07). — 8 с. — DOI: <http://dx.doi.org/10.21515/1990-4665-161-005>.*

ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ ПРИ ХИМИОТЕРАПИИ БОЛЬНЫХ ТУБЕРКУЛЕЗОМ С МНОЖЕСТВЕННОЙ ЛЕКАРСТВЕННОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ ВОЗБУДИТЕЛЯ

Рыжкова Оксана Александровна

*кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры фтизиатрии
Астраханский государственный медицинский университет*

Минздрава России,

г. Астрахань, Россия

Аннотация. В последние годы в Астраханской области, как и по России в целом наметилась положительная тенденция по снижению основных эпидемиологических показателей, но по сей день еще остается напряженная ситуация по выявлению случаев туберкулеза с множественной лекарственной резистентностью возбудителя. При высоких экономических затратах на лечение больных туберкулезом, вызванным лекарственно устойчивыми штаммами возбудителя к противотуберкулезным препаратам эффективность излечения у данной категории лиц к сожалению невысока и одной из причин отсутствия эффективности является плохая переносимость пациентами ПТП с появлением нежелательных побочных реакций. Результаты проведенного исследования показали, что на фоне проводимого лечения у большинства пациентов (56% случаях) отмечались нежелательные побочные реакции на прием ПТП. Чаще всего отмечались: кардиотоксичность –19%, гиперурикемия –16% и нейротоксичность –13%, что требовало отмены причинного препарата и замены его на другой ПТП. Причинами неблагоприятных реакций в основном явились: линезолид –19%, левофлоксацин, амикацин, пирразинамид по 16% случаев. Переносимость ПТП при лечении туберкулеза определяется в том числе и наличием сопутствующей патологии, которая была в данной группе больных установлена в 82% случаях.

Ключевые слова: противотуберкулезные препараты, лекарственная устойчивость, микобактерия туберкулеза, туберкулез органов дыхания

Актуальность. Лекарственная устойчивость МБТ к противотуберкулезным препаратам становится причиной заболеваемости и смертности от этого заболевания во всем мире и в РФ в том числе. Несмотря на улучшение за последнее десятилетие эпидемиологических показателей по туберкулезу в России, ситуация с туберкулезом, вызванным лекарственно-устойчивыми штаммами МБТ остается весьма напряженной, особенно среди впервые выявленных больных (1). Туберкулез, вызванный МБТ с множественной лекарственной резистентностью является наиболее тяжелым проявлением данного заболевания, часто принимает затяжное, прогрессирующее течение и требует лечения в особых стационарных условиях (2,3). При высоких экономических затратах на лечение эффективность излечения данной категории лиц к сожалению невысока и одной из причин отсутствия эффективности является плохая переносимость пациентами ПТП с появлением нежелательных побочных реакций (4,5).

Цель исследования: оценить частоту и структуру нежелательных побочных реакций на ПТП у больных туберкулезом органов дыхания в интенсивную фазу лечения на стационарном этапе проводимой терапии.

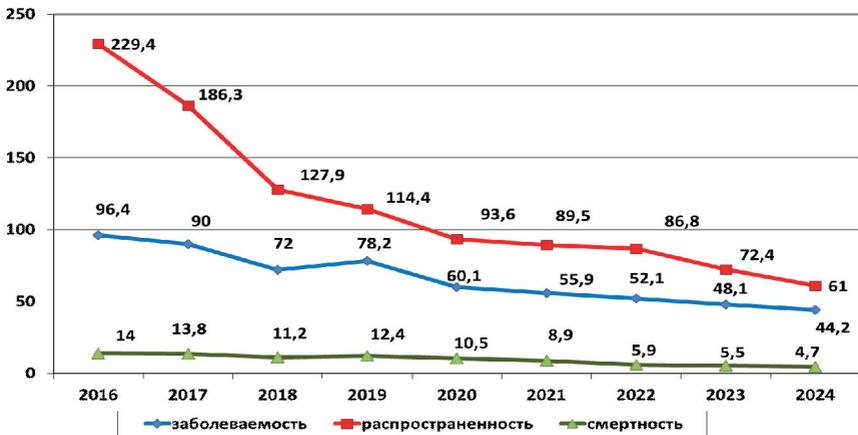

Рис. 1. Основные эпидемиологические показатели по туберкулезу в АО в период с 2016 по 2024 г.

Материалы и методы исследования. Объект исследования: 55 больных туберкулезом легких с множественной лекарственной устойчивостью МБТ в возрасте от 23 до 75 лет ($46,3 \pm 1,78$), находившиеся на стационарном этапе лечения в стационарном отделении № 1 ГБУЗ АО ОКПТД г. Астрахани.

Методы исследования: стандартные и дополнительные методы исследования (бактериологические и бактериоскопические, физикальные, рентгенологические, лабораторные, эндоскопические и т. д.).

Результаты и обсуждение. За последние несколько лет в Астраханской области, как и по всей России в целом отмечается улучшение эпидемиологической ситуации по туберкулезу (рис. 1.)

За 2024г в стационарном отделении № 1 ГБУЗ АО ОКПТД пролечено 278 больных туберкулезом органов дыхания, из них 121 пациент (44%) с туберкулезом, вызванным возбудителем туберкулеза с множественной лекарственной устойчивостью к ПТП. При проведении проспективного рандомизированного открытого клинического исследования 55 больных туберкулезом органов дыхания с множественной лекарственной устойчивостью МБТ установлено, что преобладали мужчины 82%, в возрасте до 55 лет (78%). Городских жителей- 53%, сельских- 47%.Неработающих больных 69%, из них 15 пациентов, что составило 39% имели инвалидность по туберкулезу. Вредные привычки (употребление алкоголя, табакокурение) отметили у себя 42 пациента (76%). Большая часть пациентов была выявлена при обращении 64%, при прохождении флюорографического обследования- 22% человек и по контакту (семейному)-14%. Впервые выявленных больных было 58%. По рентгенологической картине заболевания в легких: в 73% случаях регистрировалась деструкция и в 76% процесс носил распространенный характер, занимающий в легких более двух сегментов. По клиническим формам туберкулеза преобладали инфильтративная 45%, фиброзно-кавернозная 24% и диссеминированная 20% (рис. 2.)

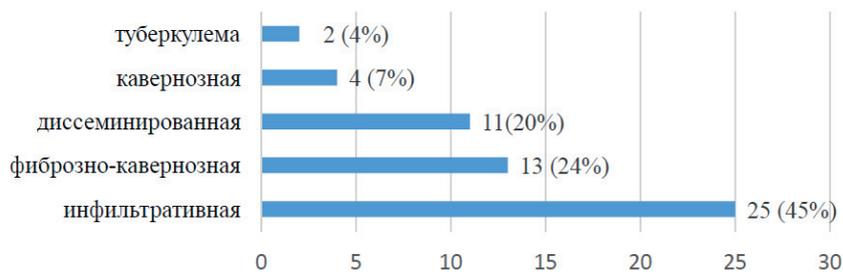

Рис. 2. Клинические формы туберкулеза органов дыхания (n=55), абс., %

Симптомы интоксикации и респираторного синдрома отмечены были у 84% больных. С осложнениями туберкулезный процесс протекал у 52% пациентов (туберкулез бронхов, кровохарканье/кровотечение, легочно-сердечная недостаточность, плеврит). Сопутствующая патология

установлена в 82% случаях, из них два и более заболевания имели 67% больных (хронические заболевания сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, мочевыделительной системы). Все пациенты были с установленным бактериовыделением (бактериоскопическими и бактериологическими методами). По структуре лекарственной устойчивости МБТ к ПТП: преобладала комбинация из двух основных ПТП (изониазида и рифампицина) –22%. Комплексное лечение пациентов проводилось комбинациями из 5-6 ПТП с учетом данных лекарственной чувствительности МБТ и индивидуальной переносимости ПТП в течении 6-8 месяцев по интенсивным фазам режимам лечения согласно клиническими рекомендациям (КР «Туберкулез у взрослых», 2024гг), Утверждение схем лечения проводилось на ЦВК ГБУЗ АО ОКПТД с консультацией клинического фармаколога. Чаще всего, в формировании схем лечения применялись препараты: бедаквелин 95%, линезолид 85%, циклосерин или тирезидон 84%, деламаид 60%, фторхинолоны 55%. Нежелательные побочные реакции на фоне проводимого лечения наблюдались в 56% случаях, что потребовало отмены или замены ПТП. Отмечались следующие нежелательные реакции: кардиотоксичность –19% (изменения на ЭКГ, гипертензией); гиперурекемия –16% (с болевыми синдромами в суставах); нейротоксичность –13% (головные боли, парестезии, бессонница, угнетение настроения); эозинофилия –13% и бронхоспазм –10%, миелосупрессия по анализам крови (эритропения, тромбоцитопения) –10%, нефротоксичность (протеинурия, цилиндрурия- нефротический синдром), оптикотоксичность (снижение зрения, выпадение полей зрения) и диспепсический синдром (рвота, диарея) в 6% случаях (рис. 3).

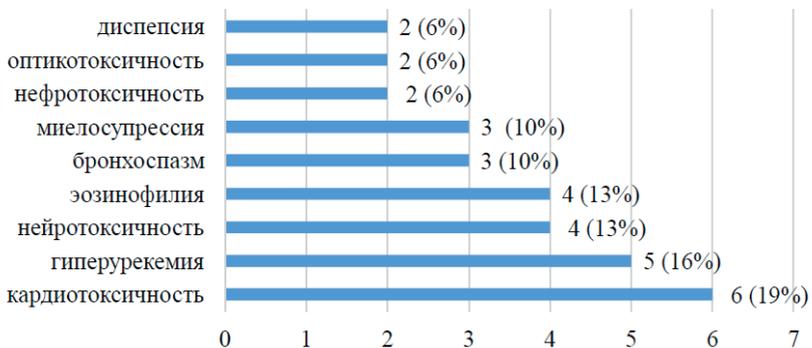

Рис. 2. Нежелательные побочные реакции, установленные во время проводимого лечения у обследуемых больных туберкулезом органов дыхания (n=55), абс., %

Из препаратов, явившимися причинами возникновения нежелательных реакций установлены: линезолид (19%), левофлоксацин (16%), амикацин (16%), пиперазид (16%), перхлорон (13%), циклосерин (13%), ПАСК (6%). По окончании интенсивной фазы лечения закрытие полостей деструкции отмечено у 68% больных, из числа имеющих распад в легких и прекращение бактериовыделения у 78% пациентов.

Заключение. В Астраханской области не смотря на положительную динамику по снижению основных эпидемиологических показателей, остается напряженная ситуация по выявлению случаев туберкулеза с множественной лекарственной резистентностью возбудителя, в том числе среди впервые выявленных больных туберкулезом органов дыхания. Результаты проведенного исследования показали, что на фоне проводимого лечения у большинства пациентов (56% случаев) отмечались нежелательные побочные реакции на прием ПТП. Чаще всего отмечались: кардиотоксичность –19%, гиперурикемия –16% и нейротоксичность –13%, что требовало отмены причинного препарата и замены его на другой ПТП. Причинами неблагоприятных реакций в основном явились: линезолид –19%, левофлоксацин, амикацин, пиперазид по 16% случаев. Переносимость ПТП при лечении туберкулеза определяется в том числе и наличием сопутствующей патологии, которая была в данной группе больных установлена в 82% случаях. Лечение данной категории пациентов на стационарном этапе в результате комплексного подхода и контроля за приемом препаратов достаточно эффективно (закрытие полостей распада- 68%, абациллирование- 78%), но у части больных остается низкая приверженность к лечению, в том числе за счет возникших нежелательных реакций на прием ПТП.

Список литературы

1. Васильева И. А., Белоловский Е. М., Борисов С. Е., Стерликов С. А. Туберкулез с множественной лекарственной устойчивостью возбудителя в странах мира и Российской Федерации // *Туберкулез и болезни легких.* —2017-Т95- № 11-С.5-17.
2. Dean A., Cox H., Zignol M. *Epidemiology of drug-resistant tuberculosis// Adv.Exp.Med.Biol.- 2017-№ 1019- P. 209-220.*
3. Галкин В. Б., Стерликов С. А., Баласанянц Г. С., Яблонский П. К.. *Динамика распространенности туберкулеза с множественной лекарственной устойчивостью//Туберкулез и болезни лёгких.-2017.-№ 3.-С.5-12.*

4. Мордык Анна Владимировна Частота и патогенез неблагоприятных побочных реакций на противотуберкулезные препараты // Вестник современной клинической медицины. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chastota-i-patogenez-neblagopriyatnyh-pobochnyh-reaktsiy-na-protivotuberkuleznye-preparaty> (дата обращения: 24.02.2026).

5. Родина О. В. Нежелательные реакции при химиотерапии туберкулеза с множественной лекарственной устойчивостью возбудителя. Туберкулез и социально значимые заболевания. 2021;9(1):77-91. <https://doi.org/10.54921/2413-0346-2021-12-1-77-91>

ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО В ЛЕЧЕНИИ ХРОНИЧЕСКИХ РАН

Шамилов Марк Дамирович

студент

Уральский государственный медицинский университет

Аннотация. Современные портативные устройства для заживления раневых дефектов — это умные повязки, которые успешно сочетают в себе режим лечебной электростимуляции и физиологический мониторинг раневой среды для наиболее эффективного контроля за процессами лечения. В обзоре представлены данные о принципах работы и устройстве умной повязки, которая может контролировать различные биохимические и физиологические параметры раневой среды (температура, кислород, кислотность среды и др.) в режиме реального времени и их клиническое применение. Благодаря возможности неинвазивной диагностики и лечения ран, умные повязки могут играть важную роль в уходе и заживлении раневых дефектов.

Ключевые слова: электростимуляция, умная повязка, незаживающие раны.

Abstract. Modern portable devices for healing wound defects are smart dressings that successfully combine the mode of therapeutic electrostimulation and physiological monitoring of the wound environment for the most effective control of the treatment processes. The review presents data on the principles of operation and the device of a smart dressing that can control various biochemical and physiological parameters of the wound environment (temperature, oxygen, acidity of the environment, etc.) in real time and their clinical application. With the ability to non-invasively diagnose and treat wounds, smart dressings can play an important role in the care and healing of wound defects.

Keywords: electrostimulation, smart dressing, non-healing wounds.

Введение.

Одной из наиболее важных задач в настоящее время для системы здравоохранения является лечение длительно незаживающих ран. Это обусловлено снижением качества жизни пациентов, высокой смертностью и значимыми

финансовыми затратами в целом. По данным ВОЗ, около 2% населения всех возрастных групп страдают длительно незаживающими язвенным дефектами. Хронические раны имеют тенденцию к медленному и неэффективному заживлению, длительному воспалению и нарушению целостности внеклеточного матрикса более 12 недель. Все больший интерес научного сообщества в области репаративной медицины приобретает метод электростимуляции, являющийся на сегодняшний день одним из наиболее научно-обоснованных и передовых технологий в лечении раневых дефектов.

Технология умных повязок — современных портативных устройств для заживления раневых дефектов, успешно сочетает в себе режим лечебной электростимуляции и физиологический мониторинг раневой среды для эффективного контроля за процессами лечения. В ходе клинических испытаний система продемонстрировала многообещающие результаты в ускорении заживления раневых дефектов. Благодаря программному обеспечению медицинские работники могут дистанционно получать информацию об этапах регенерации и своевременной диагностике состояния раневой среды, а при признаках инфицирования ран осуществлять введение антибактериальных препаратов с помощью таргетной доставки лекарственных препаратов. Проведение научных исследований и своевременное внедрение высокотехнологичных устройств электростимуляции в области репаративной медицины будет способствовать снижению смертности пациентов с незаживающими ранами [1].

Процессы кожной репарации после травматизации включают в себя молекулярные и клеточные процессы. Первый этап — это гемостаз, в процессе которого происходит остановка кровотечения. Затем следует воспалительная фаза, в процессе которой увеличивается сосудистая проницаемость и благодаря чему происходит миграция иммунных клеток: нейтрофилов, макрофагов и лимфоцитов в раневую среду [2]. Во время пролиферативной фазы происходит активное привлечение в очаг фибробластов, вырабатывающих матрикс, как фактор роста других клеток [3]. В фазе ремоделирования сосудистая сеть, внеклеточный матрикс и коллаген полностью регрессируют [4]. В норме все этапы репарации длятся от нескольких дней до недель. В исследованиях показано, что использование электростимуляции в лечении ран значительно ускоряет процессы заживления [5].

Принцип работы умной повязки основан на диагностическом мониторинге состояния раневой среды с помощью специальных датчиков, которые могут измерять различные параметры, такие как температура, кислотность раневой среды (рН), уровень напряжения кислорода и наличие физиологических биомаркеров. Эту информацию можно использовать для оценки прогресса заживления раны и решения вопроса о необходимости

дополнительного лечения. По сравнению с традиционными методами, которые основываются только на визуальном осмотре и субъективных оценках лечащего врача, умные повязки предоставляют более точную и объективную информацию о процессах в ране. Контроль температуры позволяет получить информацию о местном кровотоке, инфекционном процессе и активации лимфоцитов [6]. Также было отмечено наличие взаимосвязи между повышением температуры и усилением фиброза и ангиогенеза [7]. P. Salvo и соавт. разработали датчики температуры с регистрацией изменений электрического сопротивления нанокompозита, состоящего из многослойных углеродных нанотрубок и поли(стирол-*b*-(этилен-со-бутилен)-*b*-стирола) для умных повязок в лечении диабетических язв стопы и на фоне венозной недостаточности [8].

Разработка D. Lou и соавт. представляла собой гибкую систему, которая может контролировать температуру раны в режиме реального времени, с беспроводным визуальным интерфейсом и свойствами, для поддержания регенерации тканей. Система могла оповещать о развитии осложнений при четырех температурных режимах: холод ($<37\text{ }^{\circ}\text{C}$), комфорт ($37\text{-}38,5\text{ }^{\circ}\text{C}$), перегрев ($>39\text{ }^{\circ}\text{C}$) и инфекция ($>39,5\text{ }^{\circ}\text{C}$) [9].

Кроме мониторинга температуры исследователями были разработаны мобильные растягивающиеся датчики для измерения кислотности среды (pH) и уровень мочевой кислоты, так называемые биохимические сенсоры.

Уровень pH кожи обычно находится в диапазоне от pH 4 до 6, что помогает предотвратить рост бактерий. При ранении ткани кислотность меняется до pH 7,4 и усиливая рост условно патогенной флоры [10]. Хронические раны имеют слабощелочной pH, что делает пациентов более восприимчивыми к бактериальным инфекциям. Бактериальные колонии стремятся повысить pH раны, чтобы создать более благоприятную среду для своего роста [11]. Таким образом, увеличение pH может быть использовано в качестве диагностического маркера начала инфекции. Метод, предложенный Фейром и соавт., измеряет концентрацию эндогенного биомаркера — мочевой кислоты для косвенной оценки pH раны [12].

Для обнаружения бактериальных штаммов были разработаны различные варианты датчиков, например, I. Ciani и соавт. использовали универсальный метод детекции импеданса и иммуноферментной идентификации *гомосерриновых* лактонов (HSL), связанных с бычьим сывороточным альбумином (HSL-BSA) [31]. Этот метод открыл возможности для дальнейшего развития электрохимического иммуноферментного анализа в лечении ран.

Для диагностики влажности раневой среды был разработан гибкий датчик Wound Science, состоящий из диоксида марганца (MnO_2) и оксид цинка (ZnO), с целью информирования пациента или медицинского работника

о необходимости своевременной замены повязки. Датчик помещался внутрь тканевой повязки с целью контроля уровня влажности в режиме реального времени. Когда сопротивление возрастало, система сигнализировала о необходимости замены перевязочного материала [13].

Ввиду нарушения кровообращения хроническая рана плохо снабжается кислородом, что нарушает ее заживление, поэтому мониторинг оксигенации имеет решающее значение в уходе за ранами. Для изготовления датчика для измерения напряжения кислорода, в одном исследовании, использовались электронная *гальваническая ячейка* и гибкая подложка из перилена С. Электрохимическая ячейка в своем составе содержала серебро в качестве катода и цинк в качестве анода. Калориметрический датчик кислорода был изготовлен для контроля уровня оксигенации на поверхности раны. Датчик прошел успешные испытания в рамках исследования степени интеграции кожного лоскута и обнаружения ишемии тканей [14].

Устройства электростимуляции используются в медицинской клинической практике как в дополнение к консервативным методам лечения и уходу за ранами, так и в монотерапии в виде одноразовых биоэлектрических устройств, визуально похожих на повязки, со встроенными электрическими схемами для заживления и антибактериального воздействия на раны.

Закключение. За последние несколько лет ввиду стремительного развития медицинских технологий достигнут значительный прогресс в разработке сенсорных и терапевтических систем. В представленном обзоре подчеркивается необходимость и важность мониторинга в реальном времени параметров раневой среды с использованием физических и химических методов для эффективного лечения ран с помощью умных повязок. Интеграция этих технологий способствует развитию технологий заживления и лечения ран, включая умные повязки с многофункциональными возможностями, которые могут контролировать заживление и лечение в одном устройстве. Управление заживлением ран выглядит многообещающим с разработкой интерактивных повязок, которые активно реагируют на состояние раны. Умные повязки обладают потенциалом значительного снижения риска раневых инфекций и минимизации времени заживления. Доставка лекарственных препаратов или терапевтических агентов непосредственно к месту раны, они способствуют более быстрому заживлению и минимизируют образование рубцовой ткани. Достижения в системах мониторинга и лечения ран значительно улучшат результаты лечения, снизят риски ампутации, инвалидизацию и повысят качество жизни пациентов, что позволит снизить нагрузку на систему здравоохранения. Крайне важно продолжить исследования в области инновационных технологий в лечении ран.

Литература/References

1. Zeng Q., Qi X., Shi G. et al. *Wound Dressing: From Nanomaterials to Diagnostic Dressings and Healing Evaluations*. *ACS Nano*. 2022; 16 (2): 1708-33. DOI: 10.1021/acsnano.1c08411
2. Serra M.B., Barroso W.A., da Silva N. N. et al. *From Inflammation to Current and Alternative Therapies Involved in Wound Healing*. *Int J Inflamm*. 2017; 2017: 3406215. DOI: 10.1155/2017/3406215
3. Darby I.A., Laverdet B., Bonté F. et al. *Fibroblasts and myofibroblasts in wound healing*. *Clin Cosmet Investig Dermatol*. 2014; 7: 301-11. DOI: 10.2147/CCID.S50046
4. Mayet N., Choonara Y. E., Kumar P. et al. *A comprehensive review of advanced biopolymeric wound healing systems*. *J Pharm Sci*. 2014; 103 (8): 2211-30. DOI: 10.1002/jps.24068
5. Kloth L. C. *Electrical stimulation for wound healing: a review of evidence from in vitro studies, animal experiments, and clinical trials*. *Int J Low Extrem Wounds*. 2005; 4 (1): 23-44. DOI: 10.1177/1534734605275733
6. Nakagami G., Sanada H., Iizaka S. et al. *Predicting delayed pressure ulcer healing using thermography: a prospective cohort study*. *J Wound Care*. 2010; 19 (11): 465-6, 468, 470. DOI: 10.12968/jowc.2010.19.11.79695
7. Martínez-Jiménez M.A., Aguilar-García J., Valdés-Rodríguez R. et al. *Local use of insulin in wounds of diabetic patients: higher temperature, fibrosis, and angiogenesis*. *Plast Reconstr Surg*. 2013; 132 (6): 1015e-1019e. DOI: 10.1097/PRS.0b013e3182a806f0
8. Salvo P., Calisi N., Melai B. et al. *Temperature- and pH-sensitive wearable materials for monitoring foot ulcers*. *Int J Nanomedicine*. 2017; 12: 949-54. DOI: 10.2147/IJN.S121726
9. Lou D., Pang Q., Pei X. et al. *Flexible wound healing system for pro-regeneration, temperature monitoring and infection early warning*. *Biosens Bioelectron*. 2020; 162: 112275. DOI: 10.1016/j.bios.2020.112275
10. Schneider L.A., Korber A., Grabbe S. et al. *Influence of pH on wound-healing: a new perspective for wound-therapy?* *Arch Dermatol Res*. 2007; 298 (9): 413-20. DOI: 10.1007/s00403-006-0713-x
11. Sridhar V., Takahata K. *A hydrogel-based passive wireless sensor using a flex-circuit inductive transducer*. *Sens Actuators, A*. 2009; 155 (1): 58-65. DOI: 10.1016/j.sna.2009.08.010
12. Phair J., Leach C. P., Cardoso M. F. et al. *Atmospheric pressure plasma treated carbon fibre weave: A flexible approach to wound monitoring*. *Electrochem Commun*. 2013; 33: 99-101. DOI: 10.1016/j.elecom.2013.04.024

13.Hossain I., Zahid S., Chowdhury M. A. et al. *Smart bandage: A device for wound monitoring and targeted treatment. Results in Chemistry.* 2023; 7: 101292. DOI: 10.1016 /j.rechem.2023.101292.

14.Li Z., Roussakis E., Koolen P. G. et al. *Non-invasive transdermal two-dimensional mapping of cutaneous oxygenation with a rapid-drying liquid bandage. Biomed Opt Express.* 2014; 5 (11): 3748-64. DOI: 10.1364/BOE.5.003748

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ ТРЕНЕРОВ-ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Донсков Вадим Дмитриевич

преподаватель-методист

*Рязанский филиал Московского университета Министерства
внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя,
г. Рязань, Россия*

Барахова Галина Павловна

старший тренер-преподаватель

*Спортивная школа олимпийского резерва Рязанской области
дополнительного образования «Олимпиец»,
г. Рязань, Россия*

Аннотация. *Статья посвящена теоретическому анализу проблемы подготовки тренерских кадров в эпоху цифровых преобразований. Рассматриваются современные подходы к пониманию цифровой трансформации высшего образования, предлагается авторское видение структуры профессиональных компетенций специалиста в сфере физической культуры. Обосновывается целесообразность применения уровневой модели оценки цифровых навыков, анализируются возможности цифровой педагогики в профессиональной подготовке будущих тренеров-преподавателей.*

Ключевые слова: *цифровизация, профессиональная подготовка, тренер-преподаватель, компетенции, цифровые технологии, педагогическая модель.*

Современное общество переживает период глубоких технологических изменений, которые затрагивают все сферы профессиональной деятельности. Система высшего образования, включая подготовку специалистов в области физической культуры и спорта, не остается в стороне от этих процессов. Перед вузами стоит задача подготовить тренеров-преподавателей, способных эффективно работать в новых условиях, где цифровые инструменты становятся неотъемлемой частью тренировочного процесса.

Анализ научной литературы и педагогической практики показывает наличие определенного противоречия. С одной стороны, активно развиваются

цифровые технологии, появляются новые средства видеоанализа, системы мониторинга состояния спортсменов, платформы для дистанционного взаимодействия. С другой стороны, существующие программы подготовки, переподготовки не всегда успевают адаптироваться к этим изменениям, что приводит к дефициту соответствующих компетенций у специалистов.

1. Цифровая трансформация как фактор обновления высшего образования

В научном дискурсе последних лет понятие цифровой трансформации образования приобрело особое значение. Исследователи сходятся во мнении, что данный процесс выходит далеко за рамки простого оснащения учебных заведений компьютерами или внедрения электронных учебников. Речь идет о глубоких изменениях, затрагивающих все компоненты педагогической системы.

По мнению В. В. Гриншкунa, одного из ведущих специалистов в данной области, цифровая трансформация влечет за собой пересмотр целей обучения, способов взаимодействия между участниками образовательного процесса, критериев оценивания достижений студентов. Технологии перестают быть лишь вспомогательным средством и начинают активно влиять на содержание и организацию учебной работы [1].

Для системы подготовки тренерских кадров это означает необходимость включения в учебные планы новых элементов, связанных с использованием специализированного программного обеспечения, методик анализа больших данных в спорте, основ работы с носимыми устройствами. Кроме того, меняются и методы обучения: все большее значение приобретают проектные формы работы, кейс-стади, построенные на реальных материалах тренировочного процесса.

Важным представляется и понятие «цифровой зрелости», которое вводит А. Ю. Уваров. Под этим термином понимается готовность образовательной организации и каждого отдельного специалиста к полноценному использованию цифровых возможностей в профессиональной деятельности. Достижение такого уровня требует не только технических навыков, но и сформированного мировоззрения, позволяющего видеть педагогический потенциал технологий [3].

2. Структура профессиональных компетенций современного тренера

Вопрос о том, какими именно компетенциями должен обладать тренер-преподаватель в эпоху цифровизации, остается открытым для научных дискуссий. Обобщая взгляды различных авторов, можно выделить несколько ключевых составляющих.

Базовым элементом выступает цифровая грамотность. Речь идет не просто об умении пользоваться компьютером или смартфоном, а о способности ориентироваться в информационном пространстве, критически оценивать найденные данные, соблюдать этические нормы при работе с информацией. Как отмечает Т. И. Рицкова, именно эти аспекты вызывают наибольшие затруднения у практикующих педагогов [2].

Следующий компонент — инструментальная компетентность. Специфика деятельности тренера требует владения особыми программами и устройствами, которые редко используются в других педагогических специальностях. Это платформы для видеоанализа движений, приложения для планирования нагрузок, системы мониторинга функционального состояния спортсменов. Каждый из этих инструментов требует отдельного освоения и понимания границ его применения.

Аналитическая компетентность особенно востребованной в условиях, когда тренировочный процесс сопровождается сбором большого количества данных. Умение интерпретировать эти данные, видеть за цифрами реальное состояние спортсмена, принимать обоснованные решения — важнейшее качество современного тренера.

Отдельного внимания заслуживает медиакомпетентность. Современный тренер часто выступает в роли создателя контента: готовит обучающие видео для спортсменов, ведет профессиональные блоги, участвует в онлайн-мероприятиях. При этом необходимо понимать и риски, связанные с публикацией информации в открытых источниках. Вопросы информационной гигиены и медиабезопасности, на наш взгляд, должны стать неотъемлемой частью профессиональной подготовки.

Завершает структуру рефлексивная компетентность. В условиях стремительного обновления технологий специалист должен быть готов постоянно учиться анализировать собственный опыт, корректировать свои подходы с учетом появления новых возможностей. Без этого качества любые полученные в вузе знания быстро устареют.

3. Уровневый подход к оценке цифровых навыков

Для диагностики того, насколько эффективно будущие специалисты используют цифровые технологии, удобной представляется SAMR-модель. Данная модель, адаптированная для российской образовательной практики Т. И. Рицковой, позволяет выделить четыре качественно различных уровня работы с технологиями [4].

Первый уровень — замещение. На этом этапе цифровой инструмент просто заменяет собой традиционный аналог, не привнося ничего принципиально нового. Например, тренер записывает план тренировки в электронном виде вместо того, чтобы писать его от руки. Функционально ничего не меняется, меняется лишь носитель информации.

Второй уровень — улучшение. Здесь технологии начинают давать определенные преимущества. Электронный план тренировки может содержать гиперссылки на видео с правильной техникой выполнения упражнений, автоматически рассчитывать суммарные нагрузки, формировать отчеты. Задачи остаются теми же, но решаются они удобнее и быстрее.

Третий уровень — изменение. Технологии начинают менять сам характер деятельности. Например, совместная работа тренера и спортсмена над планом тренировок в облачном сервисе позволяет учитывать мнение спортсмена, оперативно вносить коррективы, обсуждать детали в комментариях. Такая форма работы была бы крайне затруднительна без цифровых инструментов.

Четвертый уровень — преобразование. На этом этапе технологии открывают возможности, которые ранее просто не существовали. Анализ биомеханики движений с помощью искусственного интеллекта, персонализация тренировок на основе непрерывного мониторинга физиологических показателей — все это становится доступным только благодаря цифровым решениям.

Для профессиональной подготовки целевым является достижение будущими тренерами третьего и четвертого уровней, когда технологии становятся не просто инструментом, а частью профессионального мышления [5].

4. Практические аспекты цифровой подготовки тренеров

Вопрос о том, как именно следует организовать обучение будущих тренеров, чтобы сформировать у них необходимые компетенции, рассматривается в рамках цифровой педагогики. Данное направление, активно развиваемое А. А. Сафоновым и М. А. Сафоновой, исходит из того, что цифровые технологии меняют не только содержание, но и саму логику образовательного процесса [6].

В традиционной модели преподаватель выступал основным источником знаний. В цифровой среде его роль трансформируется: он становится наставником, который помогает ориентироваться в информационном пространстве, организует совместную работу, создает условия для самостоятельного открытия знаний студентами. Применительно к подготовке тренеров можно выделить несколько направлений такой работы. Во-первых, необходимо знакомить студентов с конкретными программами и устройствами, которые им предстоит использовать в профессиональной деятельности. Однако простого показа недостаточно — важно, чтобы будущие тренеры сами попробовали работать с этими инструментами в учебных ситуациях, приближенных к реальным.

Во-вторых, следует уделять внимание интерпретации данных. Мало научить снимать показания с датчиков — нужно сформировать умение понимать, что стоит за этими цифрами, как они соотносятся с самочувствием спортсмена, когда на них можно полагаться, а когда стоит довериться собственному наблюдению.

В-третьих, важно обсуждать этические аспекты использования технологий. Сбор данных о спортсменах, хранение этой информации, возможность ее передачи третьим лицам — все это требует осознанного подхода и соблюдения определенных правил. Формирование культуры информационной безопасности должно стать неотъемлемой частью подготовки специалистов.

Заключение

Проведенный теоретический анализ позволяет сделать ряд обобщений относительно проблемы формирования профессиональных компетенций будущих тренеров-преподавателей в условиях цифровизации.

Цифровая трансформация образования представляет собой многоаспектный процесс, затрагивающий цели, содержание и методы профессиональной подготовки. Она требует от специалистов не просто технических навыков, а качественно иного уровня готовности к работе в цифровой среде.

Структура профессиональных компетенций современного тренера включает цифровую грамотность, инструментальную компетентность, аналитические способности, медиакомпетентность и рефлексивные навыки. Каждый из этих компонентов требует целенаправленного формирования в процессе вузовской подготовки.

SAMR-модель может служить эффективным инструментом диагностики того, на каком уровне будущие специалисты осваивают цифровые технологии. Целевым ориентиром следует считать уровни изменения и преобразования, когда технологии становятся органичной частью профессиональной деятельности.

Список источников

1. *Избранные вопросы цифровой трансформации образования: монография / под ред. Л. Л. Босовой, Ю. В. Вайнштейн, В. В. Гриникуна.* — Москва: ИНФРА-М, 2024. — 188 с.
2. *Рицкова Т. И. Дефициты цифровых и информационных компетенций. исследования и результаты Карпова У. В., Рицкова Т. И. В книге: Формирование функциональной грамотности школьников: Трансфер дидактических решений. Коллективная монография. Сер. «Новая дидактика» Под научной редакцией Е. И. Смирнова. Ярославль, 2022. С. 164-165.03*
3. *Уваров А. Ю., Авдеева С. М., Тарасова К. В. Цифровая зрелость участников образовательного процесса // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 218-243.*
4. *Рицкова Т. И. SAMR-модель уровней использования цифровых технологий как базовый принцип в формировании программ ДПО по цифровой трансформации образования для педагогов высшей школы Рицкова Т. И. В сборнике: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. сборник статей четырнадцатой национальной научно-практической конференции. Ярославль, 2022. С. 42-46.04*

5. Рицкова Т. И., Разумова А. Б., Сеницын И. С. Цифровая трансформация высшего образования: новый взгляд на конфигурацию образовательного процесса и взаимодействия Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117). С. 56-63.107
6. Сафонов А. А., Сафонова М. А. Цифровая педагогика: практический курс. Москва: Юрайт, 2025. 285 с.
7. Кузнецов А. А. и др. Цифровые технологии в педагогической деятельности: учебное пособие — Москва: ИНФРА-М, 2025. — 222 с.

ОЦЕНКА НАДЕЖНОСТИ СИСТЕМ ПОЖАРНОЙ АВТОМАТИКИ В ПРОЦЕССЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Аюбова А. С.,
Ганижев Р. Г.,
Максимов Г. Т.,
Денильханов А-Х.Х.

Академия Государственной противопожарной службы МЧС РФ

В статье рассмотрены основные положения, возможности и перспективы использования функционально-параметрического подхода теории надежности в задачах обеспечения эксплуатационной надежности, безопасности и живучести технических устройств автоматических установок пожарной автоматики.

Ключевые слова: *установки пожарной сигнализации, автоматические установки пожаротушения, надежность, параметр, постепенный отказ, случайный процесс, прогнозирование состояния и надежности, техническая система, условия работоспособности.*

Abstract. *In clause substantive provisions, opportunities and prospects of use of the functional — parametrical approach of the theory of reliability in problems of maintenance of operational reliability, safety and survivability of technical devices of automatic installations of fire automatics are considered.*

Key words: *installations of the fire signal system, automatic installations, reliability, parameter, gradual refusal, casual process, forecasting of a condition and reliability, technical system, conditions of serviceability.*

По мере увеличения рисков возникновения пожаров повышаются требования к системам их автоматического контроля, обнаружения и тушения. Несвоевременное обнаружение очага пожара и включение систем пожаротушения может привести к непредсказуемым последствиям. В частности, из-за недостаточной надежности элементов и систем автоматической пожарной сигнализации и пожаротушения. В настоящей статье предложен метод расчета состояния (надежности) систем пожарной автоматики (СПА) с параметрическими отказами на прогнозируемый момент времени для планирования технического

обслуживания, предупредительных ремонтно-восстановительных или регламентных работ, позволяющих поддерживать требуемый уровень надежности.

Оценка состояния СПА на фиксированный момент времени для планирования этих работ является весьма сложной вероятностной задачей, в особенности для малых промежутков времени [1].

Предлагаемые модели для оценки нестационарного состояния установок пожарной автоматики позволяют рассчитывать состояние систем на краткосрочный и долгосрочный периоды, сроки обновления их технической базы, а также плановые сроки замены их элементов с использованием относительно простой в вычислительном отношении схемы.

В современной теории надежности можно выделить несколько методологических направлений, доминирующее положение среди которых занимает вероятностно-статистическое направление. Его методология базируется на эмпирически установленном факте статистической устойчивости частоты отказов, позволяющем активно использовать аксиоматику теории вероятностей и теории массового обслуживания.

Расчет надежности в рамках вероятностно-статистического подхода основан на построении структурной схемы надежности исследуемой системы (модели надежности). При построении модели надежности системы для каждого ее элемента допускаются обычно лишь два возможных состояния — полной работоспособности или полного отказа. Точно так же предполагается, что и система может находиться лишь в двух состояниях — полной работоспособности или полного отказа. Всякая возможность частичного функционирования всей системы или ее элементов исключается. Таким образом, любая реальная система при расчетах ее надежности заменяется некоторой логической (булевой) моделью. Различные ее модификации, — например, модель в виде дерева отказов и даже Марковская модель с конечным множеством состояний — не меняют принципиального характера модели надежности. Основной расчетной характеристикой надежности элементов таких моделей является интенсивность отказов [2].

Методы этого направления достаточно просты, удобны для инженерных расчетов и не требуют в большинстве своем применения современных средств вычислительной техники, так как решение основных задач в рамках этого направления удастся получить в замкнутой форме.

В то же время двухуровневые модели, используемые при вероятностно-статистическом подходе, не отражают связи показателей надежности с выполнением объектом заданных функций, т.е. модели не функциональны. Процесс же раз- работки технических объектов в большинстве своем связан с исследованиями, основанными именно на функциональных моделях (физических, математических или комбинированных). Функциональная модель надежности должна отражать связи между заданными функциями (выходными

параметрами) системы и параметрами ее элементов; между заданными функциями системы и эксплуатационными факторами; между функциями элементов и физико-химическими процессами, вызывающими изменения их параметров в процессе эксплуатации; между различными видами априорной информации о процессах изменений параметров элементов и системы в целом.

Заметим также, что использование вероятностно-статистического подхода не дает положительных результатов при решении задачи обеспечения надежности уникальных объектов, систем пожарной сигнализации и пожаротушения как систем ответственного назначения, для которых отказы не являются массовым и статистически устойчивым явлением. Наиболее общим и перспективным представляется исследование вопросов надежности технических систем с позиций теории блуждания точки в фазовом пространстве. Модель надежности этого типа была предложена Б. В. Гнеденко в работе [3]. Она позволила обнаружить глубокую связь теории надежности с общей теорией случайных функций и сформулировать методологию подхода, который можно назвать функционально-параметрическим (ФП-подходом).

Функционально-параметрический подход естественным образом следует из общепринятого определения надежности как свойства объекта сохранять в установленных пределах значения всех параметров, характеризующих его способность выполнять требуемые функции в заданных режимах и условиях применения. В соответствии с этим математическая модель для расчета надежности должна отражать связь показателей надежности с выполняемыми объектом функциями, условиями и временем эксплуатации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пицык, В. В. *Методика расчета состояния измерительных систем с параметрическими отказами [Текст]* / В. В. Пицык, Л. В. Суховерхова, Е. Г. Гамаюнов. // *Метрология* — 2011. — № 10 — С. 45-56.
2. О. В. Абрамов. *Возможности и перспективы функционально-параметрического направления теории надежности* // *Информатика и системы управления*, 2014., № 4((42)). *Надежность и техническая диагностика*. -С.64-77.
3. Гнеденко Б. В., Беляев Ю. К., Соловьев А. Д. *Математические методы в теории надежности*. -М.: Наука, 1965.
4. Назаров Д. А. *Использование областей работоспособности для оптимального выбора номиналов параметров* // *Информатика и системы управления*. — 2011. - № 2. — С. 59-69.
5. Абрамов О. В. *Анализ и прогнозирование техногенных рисков* // *Информатика и системы управления*. — 2012. — № 3. — С. 97-105.

DOI 10.34660/INF.2026.73.60.047

ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Гукасян Лилит Мкртычевна

кандидат экономических наук, доцент

Филиал Московского государственного университета

им. М. В. Ломоносова в городе Ереван

***Аннотация.** В статье исследуется влияние прямых иностранных инвестиций на экономический рост Республики Армения в условиях малой открытой экономики. Рассматриваются основные тенденции и динамика иностранных инвестиционных потоков за 2015-2024 гг., их отраслевая и структурная характеристика, а также география стран-инвесторов. Особое внимание уделяется роли прямых иностранных инвестиций как фактора накопления капитала и технологического трансфера в контексте модели экономического роста Солоу. На основе официальных статистических данных проведён количественный анализ взаимосвязи между объёмами прямых иностранных инвестиций (в процентах к ВВП) и темпами роста реального ВВП Республики Армения. Для оценки силы и направленности зависимости использован коэффициент линейной корреляции Пирсона. Полученные результаты свидетельствуют о наличии положительной корреляционной связи средней и выше средней силы, что подтверждает значимость иностранных инвестиций как одного из факторов экономического роста при сохранении его многофакторного характера.*

***Ключевые слова:** прямые иностранные инвестиции, экономический рост, ВВП, инвестиционная политика, модель Солоу, Республика Армения.*

***Abstract.** The article examines the impact of foreign direct investment (FDI) on the economic growth of the Republic of Armenia in the context of a small open economy. The study analyzes the main trends and dynamics of foreign investment flows over the period 2015-2024, their sectoral and structural composition, as well as the geography of investor countries. Special attention is given to the role of foreign direct investment as a factor of capital accumulation and technological transfer within the framework of the Solow economic growth model. Based on*

official statistical data, a quantitative analysis of the relationship between foreign direct investment (as a percentage of GDP) and the growth rate of real GDP in the Republic of Armenia is conducted. The Pearson linear correlation coefficient is used to assess the strength and direction of this relationship. The results indicate the presence of a positive correlation of medium to above-average strength, confirming the significance of foreign investment as one of the factors contributing to economic growth, while maintaining its multifactor nature.

Keywords: *foreign direct investment, economic growth, GDP, investment policy, Solow model, Republic of Armenia.*

Влияние иностранных инвестиций на экономический рост Республики Армения

В современной экономической теории прямые иностранные инвестиции рассматриваются как важный фактор накопления капитала и технологического прогресса, особенно для малых открытых экономик [Solow, 1956, pp. 65-70; Romer, 1990, pp. 71-75]. Для Республики Армения иностранные инвестиции имеют особое значение, поскольку способствуют росту валового внутреннего продукта (ВВП), созданию рабочих мест и развитию таких приоритетных отраслей, как энергетика, промышленность и информационные технологии.

Исторически Армения сформировала открытую инвестиционную политику, направленную на создание благоприятной инвестиционной и деловой среды, повышение доверия инвесторов и интеграцию экономики в мировые рынки. Иностранные инвестиции в Республике Армения защищены специальным законодательством, в том числе Законом РА «Об иностранных инвестициях», а государство предоставляет инвесторам различные экономические льготы и формы поддержки, включая налоговые стимулы и иные преференции.

Армения стремится стать привлекательной инвестиционной платформой, прежде всего для инвесторов, заинтересованных в высокотехнологичных проектах, экспортно-ориентированных инициативах и интеграции с рынками Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Согласно основным тенденциям последних лет, соотношение прямых иностранных инвестиций к ВВП в 2024 году, по оценочным данным, достигло минимального уровня — около 0,3% ВВП, а в 2025 году продемонстрировало умеренный рост до приблизительно 0,6% ВВП. Это свидетельствует о том, что масштабы инвестиционной активности остаются сравнительно низкими.

В первой половине 2025 года ведущими направлениями иностранных инвестиций стали оптовая и розничная торговля (различные виды торговой деятельности), добыча металлических руд, а также сектор воздушного транспорта.

В отдельные годы в динамике инвестиционных потоков наблюдаются спады, обусловленные как глобальными экономическими событиями (в частности, пандемией), так и региональными рисками безопасности. По обобщённым оценкам, в 2023 году общий объём прямых иностранных инвестиций составил около 443 млн долларов США с существенной отраслевой и географической дифференциацией.

В долгосрочной перспективе значительную долю иностранных инвестиций в Республике Армения традиционно формировали российские компании — в 2019-2024 гг. на них приходилось около 60-65% общего объёма инвестиций.

В 2025 году значительная часть инвестиционного притока поступила из:

- Казахстана;
- Люксембурга;
- Канады, преимущественно в финансовом и горнодобывающем секторах.

В то же время по ряду традиционных источников (таких как ОАЭ и США) наблюдаются как периоды активного инвестирования, так и отток или сокращение вложений в зависимости от реализуемых проектов и общей конъюнктуры.

В целом динамика иностранных инвестиций в Армении за последнее десятилетие характеризуется волатильностью, обусловленной внутренними экономическими изменениями, региональными рисками и глобальными экономическими кризисами.

Таблица 2.1 — Динамика прямых иностранных инвестиций в Республике Армения (2015-2024 гг.)

Год	Общий объём ИИ, млн долл. США	Доля ПИИ, %	Годовое изменение, %
2015	480	85	—
2016	430	82	-10,4
2017	520	88	+20,9
2018	610	90	+17,3
2019	590	87	-3,3
2020	370	80	-37,3
2021	480	84	+29,7
2022	690	91	+43,8
2023	640	89	-7,2
2024	670	90	+4,7

Из таблицы видно, что в 2020 году был зафиксирован резкий спад инвестиций, обусловленный пандемией и ростом экономической неопределённости.

В 2021-2022 гг. наблюдалось существенное восстановление инвестиционной активности, главным образом за счёт роста прямых иностранных инвестиций, что свидетельствует о возобновлении интереса со стороны инвесторов.

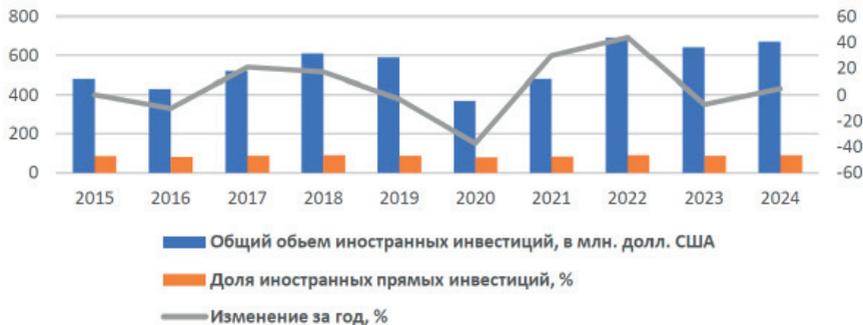

График 2.1 — Динамика иностранных инвестиций в Республике Армения (2015-2024 гг.)

Структура иностранных инвестиций

Иностранные инвестиции в Республике Армения представлены в основном тремя формами:

- прямые иностранные инвестиции;
- портфельные инвестиции;
- прочие инвестиции (кредиты и займы).

Таблица 2.2 — Структура иностранных инвестиций в Республике Армения (2024 г.)

Вид инвестиций	Объём, млн долл. США	Доля, %
Прямые инвестиции	603	90
Портфельные инвестиции	40	6
Прочие инвестиции	27	4
Итого	670	100

Данные таблицы свидетельствуют о том, что преобладающую часть инвестиционного притока составляют прямые иностранные инвестиции, доля которых достигает 90%. Это указывает на ориентацию инвесторов на долгосрочное экономическое участие, а не на получение краткосрочной финансовой выгоды, что является важной предпосылкой для технологического трансфера и роста производительности.

Согласно модели экономического роста Солоу, долгосрочный рост определяется не только накоплением капитала, но и технологическим уровнем

экономики $A(t)$, на который могут воздействовать прямые иностранные инвестиции [Solow, 1956, pp. 65-94; Mankiw et al., 1992, pp. 409-415]. В то же время относительно небольшая доля портфельных и прочих инвестиций ограничивает возможности технологического воздействия через финансовые рынки.

Данная структура особенно значима для такой малой и открытой экономики, как Республика Армения, где долгосрочный экономический рост должен опираться прежде всего на повышение производительности, а не исключительно на количественное накопление капитала.

График 2.2 — Структура иностранных инвестиций по видам

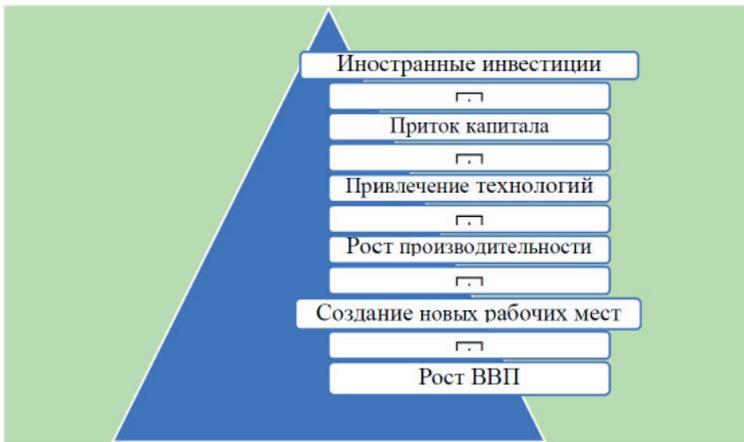

Схема 2.1 — Цепочка воздействия иностранных инвестиций

Схема отражает логическую и поэтапную цепочку влияния прямых иностранных инвестиций на экономику — от инвестиционных потоков до конечных макроэкономических результатов.

Прямые иностранные инвестиции способствуют передаче технологий, управленческого опыта и развитию человеческого капитала, что подтверждается как теоретическими, так и эмпирическими исследованиями [Dunning, 1993, pp. 55-58; Varro, Sala-i-Martin, 2004, pp. 10-18]. В результате технологического трансфера повышается производительность труда, выражающаяся в росте выпуска на одного работника. Именно на этом этапе экономика получает возможность преодолеть эффект убывающей предельной производительности капитала и выйти на более высокую траекторию устойчивого роста.

Рост производительности создаёт предпосылки для увеличения занятости — как напрямую за счёт реализации инвестиционных проектов, так и косвенно через расширение местных компаний и развитие смежных отраслей. В конечном итоге совокупное воздействие данных процессов приводит к росту ВВП и общего уровня экономического развития.

Количественная оценка взаимосвязи ПИИ и экономического роста

Для оценки количественной взаимосвязи между прямыми иностранными инвестициями и экономическим ростом был использован коэффициент линейной корреляции Пирсона.

В статье были рассмотрены следующие переменные:

- X — прямые иностранные инвестиции (FDI, % к ВВП),
- Y — темпы роста реального ВВП (%).

Формула расчёта коэффициента корреляции имеет следующий вид:

$$r = \frac{\sum(X_i - \bar{X})(Y_i - \bar{Y})}{\sqrt{\sum(X_i - \bar{X})^2 \sum(Y_i - \bar{Y})^2}}$$

На основе данных за 2021-2024 гг. было получено значение коэффициента корреляции $r \approx 0,65$, что свидетельствует о наличии средней и выше средней положительной зависимости между ростом прямых иностранных инвестиций и темпами экономического роста.

Положительный знак коэффициента подтверждает, что увеличение объёма ПИИ, как правило, сопровождается ускорением роста ВВП, что соответствует положениям неоклассических и эндогенных теорий экономического роста. Вместе с тем значение $r \neq 1$ указывает на то, что экономический рост не определяется исключительно иностранными инвестициями. Существенную роль также играют внутренний спрос, развитие сектора услуг, фискальная политика и внешнеэкономические факторы.

Кроме того, умеренный уровень корреляции свидетельствует о наличии временного лага, с которым проявляется влияние ПИИ на экономический рост, что неоднократно подчёркивается в международных экономических исследованиях.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что между прямыми иностранными инвестициями и экономическим ростом в Республике Армения существует статистически значимая положительная взаимосвязь. В то же время иностранные инвестиции являются важным, но не самодостаточным фактором экономического развития, эффективность которого во многом определяется качеством институциональной среды, уровнем человеческого капитала и структурой экономики.

С точки зрения экономической политики целесообразно не только наращивать объёмы иностранных инвестиций, но и обеспечивать их целенаправленное привлечение в высокотехнологичные отрасли с целью формирования наукоёмкой и конкурентоспособной экономики.

Создание стабильной и предсказуемой инвестиционной среды, повышение правовой защищённости инвесторов, развитие системы профессионального образования и поддержки инновационных проектов являются ключевыми условиями устойчивого экономического роста Республики Армения в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *International Monetary Fund (IMF), Balance of Payments and International Investment Position Manual (BPM6), Washington DC, 2009, pp. 17-19, 23-25.*
2. *OECD, OECD Benchmark Definition of Foreign Direct Investment, 4th Edition, Paris, 2008, pp. 48-50.*
3. *OECD, Economic Outlook 2022, Paris, pp. 41-44.*
4. *UNCTAD, World Investment Report 2023: Investing in Sustainable Energy for All, United Nations, New York and Geneva, 2023, pp. 4-6, 18-24.*
5. *World Bank, World Development Indicators: GDP Growth and Foreign Direct Investment, Armenia, Washington DC, 2024, pp. 112-114.*
6. *World Bank, World Development Report 2022, Washington DC, pp. 34-37.*
7. *Иванов, И. И., Экономика и инвестиции: теория и практика, Москва, Издательство Экономика, 2018, с. 45-78.*
8. *Петров, А. А., Международные инвестиции и экономический рост, Санкт-Петербург, Питер, 2020, с. 102-130.*
9. *Barro, R., Sala-i-Martin, X., Economic Growth, MIT Press, 2004, pp. 1-26.*

10. Dunning, J. H., *Multinational Enterprises and the Global Economy*, Addison-Wesley, London, 1993, pp. 55-58.

11. Krugman, P. R., Obstfeld, M., Melitz, M. J., *International Economics: Theory and Policy*, 10th Edition, Pearson Education, Boston, 2018, pp. 187-190.

12. Lucas, R., *On the Mechanics of Economic Development*, *Journal of Monetary Economics*, 1988, pp. 3-42.

13. Mankiw, N. G., Romer, D., Weil, D., *A Contribution to the Empirics of Economic Growth*, *Quarterly Journal of Economics*, 1992, pp. 407-437.

14. Romer, P., *Endogenous Technological Change*, *Journal of Political Economy*, 1990, pp. 71-102.

15. Solow, R. M., *A Contribution to the Theory of Economic Growth*, *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 70, No. 1, 1956, pp. 65-94.

DOI 10.34660/INF.2026.73.67.058

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕХАНИЗМА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВ

Кулумбегова Лина Темуриевна

кандидат политических наук, доцент

*Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова,
г. Цхинвал, Республика Южная Осетия*

Котаева Анна Феликсовна

преподаватель

*Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова,
г. Цхинвал, Республика Южная Осетия*

***Аннотация.** В статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ института международного признания государств как особого механизма легитимации новых субъектов международного права. Исследуются доктринальные подходы к пониманию признания, раскрывается его юридическая природа, рассматриваются формы реализации и правовые последствия. Особое внимание уделяется соотношению признания с принципами суверенного равенства, территориальной целостности и самоопределения народов. Обосновывается вывод о трансформации института признания в условиях современного международного правопорядка и усилении его политико-нормативной функции.*

***Ключевые слова:** международное право, признание государств, правосубъектность, суверенитет, самоопределение, международная легитимация.*

Введение

Проблематика международного признания государств занимает особое место в системе международного публичного права. Формирование нового государства как участника международных отношений сопровождается необходимостью его включения в правовую структуру международного сообщества. Однако порядок и критерии такого включения не урегулированы единым универсальным нормативным актом, что обуславливает множественность научных интерпретаций.

Современные процессы государствообразования, усиление сепаратистских движений, а также изменение геополитической конфигурации международной системы придают институту признания дополнительную актуальность. В этих условиях возрастает значение теоретического осмысления природы признания как механизма юридической и политической легитимации.

Цель настоящего исследования заключается в раскрытии теоретико-правовой сущности международного признания государств и определении его роли в современной системе международного права.

1. Понятие и сущностные характеристики международного признания

В научной литературе международное признание государства традиционно определяется как одностороннее волеизъявление субъекта международного права, выражающее согласие рассматривать новое образование в качестве государства и вступать с ним в официальные отношения [1, с. 238].

Вместе с тем данное определение отражает лишь формально-юридическую сторону явления. Более глубокий анализ позволяет рассматривать признание как процесс институционализации нового государства в международной правовой системе.

Признание выполняет три взаимосвязанные функции:

Констатирующую — подтверждение факта существования государства.

Легитимирующую — придание политико-правовой легитимности новому субъекту.

Интеграционную — включение государства в систему международных отношений.

Таким образом, признание представляет собой сложный механизм, сочетающий элементы юридической оценки и политической целесообразности.

2. Доктринальные модели признания государств

2.1. Конститутивный подход

Конститутивная концепция исходит из того, что международная правосубъектность возникает в результате признания со стороны других государств [2, с. 104]. Иными словами, признание обладает правопорождающим характером.

Преимуществом данной модели является её практическая реалистичность: без признания государство оказывается ограниченным в международных связях. Однако её уязвимость состоит в зависимости правового статуса нового образования от политической воли иных государств, что противоречит принципу суверенного равенства.

2.2. Декларативная концепция

В рамках декларативной теории государство считается существующим независимо от признания при наличии объективных признаков государственности, сформулированных в Конвенции Монтевидео 1933 г. [3].

Признание в данном случае выступает лишь подтверждением уже сложившейся реальности. Эта позиция в большей степени соответствует современному пониманию международной правосубъектности как объективной категории.

Однако международная практика демонстрирует, что отсутствие признания существенно затрудняет реализацию прав государства, что свидетельствует о фактическом сочетании декларативного и конститутивного элементов.

3. Формы и способы реализации признания

Механизм признания может реализовываться в различных формах, что отражает гибкость данного института.

1. Признание *de jure* и *de facto*.

Первое предполагает окончательное и полное признание, второе — временное допущение к международному взаимодействию без окончательной политико-правовой оценки.

2. Индивидуальное и коллективное признание.

Коллективные формы признания всё чаще реализуются через международные организации, прежде всего ООН, что усиливает институциональный характер данного механизма.

3. Прямое и имплицитное признание.

Имплицитное признание может выражаться в установлении дипломатических отношений, заключении соглашений или поддержке членства в международных организациях [4, с. 201].

4. Соотношение признания с основополагающими принципами международного права

Институт признания функционирует в тесной взаимосвязи с фундаментальными принципами международного права, закреплёнными в Уставе ООН 1945 г. [5].

4.1. Самоопределение народов

Право на самоопределение является юридическим основанием для образования новых государств. Однако его реализация не носит абсолютного характера и должна учитывать стабильность международного правопорядка [6, с. 59].

4.2. Территориальная целостность

Признание новых государств в случаях одностороннего отделения территории ставит под вопрос баланс между самоопределением и территориальной целостностью. В подобных ситуациях акт признания приобретает выраженную политико-оценочную направленность.

5. Современные тенденции развития института признания

Анализ современной практики позволяет выделить несколько тенденций:

- усиление роли международных организаций в процессах легитимации;
- рост значения критериев соблюдения прав человека и демократических процедур;

— применение политики «непризнания» в случаях грубого нарушения международного права;

— повышение уровня политизации решений о признании.

Таким образом, признание постепенно трансформируется из преимущественно формального акта в инструмент нормативного воздействия на процессы государствообразования.

Заключение

Международное признание государств представляет собой многоуровневый политико-правовой механизм, обеспечивающий включение нового государства в систему международных отношений. Теоретический анализ показывает, что ни декларативная, ни конститутивная теория не отражают в полной мере современную практику.

Институт международного признания остается ключевым механизмом формирования системы межгосударственных отношений. Несмотря на отсутствие универсальной кодификации, данный институт продолжает развиваться в соответствии с потребностями современного международного общения, играя важную роль в регулировании появления новых субъектов международного права.

Список литературы

1. Бекяшев К. А. *Международно-правовые аспекты признания новых государств* // Журнал российского права. — 2016. — № 8. — С. 98-110.
2. Каламкарян Р. А. *Институт признания в международном праве: эволюция подходов* // Государство и право. — 2012. — № 5. — С. 52-63.
3. Лукашук И. И. *Международное право. Общая часть: учебник*. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2005. — 432 с.
4. Мюллерсон Р. А. *Самоопределение и признание государств в постбиполярный период* // Международная жизнь. — 2011. — № 7. — С. 34-45.
5. Тункин Г. И. *Теория международного права*. — М.: Зерцало, 2000. — 416 с.
6. *Convention on Rights and Duties of States (Montevideo Convention), 26 December 1933* // *League of Nations Treaty Series*. — 1934. — Vol. 165. — P. 19-43.
7. *Международное право: учебник / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов*. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2010. — 784 с.
8. *Устав Организации Объединённых Наций от 26 июня 1945 г.*
9. Черниченко С. В. *Теория международного права: в 2 т.* — Т. 1. — М.: НИМП, 1999. — 480 с.

DOI 10.34660/INF.2026.73.71.095

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ КЕЙСЫ

Яманова Ольга Александровна

аспирант

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию генеративных нейронных сетей как акторов формирования политического сознания в условиях цифровой трансформации политической коммуникации. Посредством кейс-анализа верифицировано положение о переходе нейросетевых систем от функции информационного посредника к непосредственному участию в политических процессах. Выявлены механизмы идеологического влияния генеративных систем искусственного интеллекта и обоснованы риски технологической зависимости государств от зарубежных нейросетевых платформ.*

***Ключевые слова:** политическое сознание, искусственный интеллект, генеративные нейронные сети, цифровизация политики, информационное воздействие, технологический суверенитет.*

Стремительная экспансия генеративных нейронных сетей в пространство массовой коммуникации актуализирует проблематику их воздействия на общественно-политические процессы. Согласно данным компании OpenAI, к декабрю 2024 года еженедельная аудитория ChatGPT превысила 300 миллионов пользователей, что вдвое превышает показатель аналогичного периода 2023 года [4]. В Российской Федерации совокупная аудитория нейросети GigaChat за 2023 год составила свыше 90 миллионов обращений; по данным ВЦИОМ, 86% представителей молодёжной когорты применяли инструменты искусственного интеллекта в течение предшествующего года [5].

Указанные количественные показатели свидетельствуют о трансформации генеративного искусственного интеллекта из узкоспециализированного технологического инструмента в элемент повседневной информационной практики. В условиях данной трансформации принципиальное теоретическое и прикладное значение приобретает вопрос об идеологической нейтральности

нейросетевых систем и характере их воздействия на структурные компоненты политического сознания пользователей.

Научная дискуссия об указанной проблематике характеризуется значительной фрагментированностью: техническое направление (И. Рич, Г. И. Колесникова) изучает функциональные характеристики систем ИИ, тогда как философские исследования (Н. Бостром, М. Риссе) ограничиваются теоретическими конструкциями без обращения к эмпирическому материалу. Работы, непосредственно посвящённые политической ангажированности нейросетей (И. Шумаилов, С. В. Володенков), носят фрагментарный характер и не формируют целостной аналитической рамки. Данное обстоятельство обуславливает научную значимость настоящей статьи.

Цель работы состоит в концептуализации механизмов воздействия генеративных нейросетевых систем на политическое сознание на основе синтеза теоретических подходов и кейс-анализа актуальных практик применения ИИ в политических процессах.

Политическое сознание представляет собой системную совокупность субъективных отражений политического бытия общества, функционирующих на индивидуальном, групповом и массовом уровнях. В рамках структурно-функционального подхода (Д. В. Ольшанский, А. И. Соловьев) данный феномен структурируется посредством двух взаимодополняющих блоков: познавательного и мотивационного.

Познавательный блок объединяет политические знания и интересы, формирующие когнитивную базу для осмысления политической реальности. Мотивационный блок включает ценности, потребности, установки, чувства и оценки, которые определяют направленность и интенсивность политической активности субъектов [1]. Принципиальная особенность данной структуры состоит в её многоуровневости: политическое сознание функционирует одновременно на рациональном уровне осознанной рефлексии и на уровне неосознаваемых установок и стереотипов.

Как указывает научная школа Е. Б. Шестопал, расхождение между декларируемыми позициями и глубинными установками политического сознания является константным, однако его степень варьируется в зависимости от политической конъюнктуры [2]. Данное обстоятельство представляет особый аналитический интерес применительно к изучению воздействия технологий ИИ: генеративные нейросети способны оказывать влияние не только на когнитивный, но и на латентный — неосознаваемый — уровень политического сознания, формируя установки и ценностные ориентации без осознанной рефлексии со стороны пользователя.

Цифровизация политической коммуникации обусловила качественную трансформацию механизмов формирования политического сознания. Переход

от вещательной модели медиапотребления к персонализированным информационным экосистемам, зафиксированный в концепции «массовых самокоммуникаций» М. Кастельса [3], создаёт принципиально иные условия для воздействия на массовое политическое сознание. Алгоритмические системы персонализации, функционирующие в основе социальных сетей и генеративных нейросетей, обеспечивают не индивидуализированную передачу информации, а конструирование специфических информационных реальностей для каждого пользователя.

С. В. Володенков, С. Н. Федорченко и Н. М. Печенкин концептуализируют данный феномен посредством категории «информационного капсулирования» — процесса алгоритмического формирования замкнутых информационных пространств, в границах которых пользователь систематически получает контент, соответствующий уже сложившимся у него установкам и предубеждениям [6]. Применительно к генеративным нейросетям указанный механизм приобретает дополнительное измерение: в отличие от алгоритмов социальных сетей, нейросетевые системы не только отбирают информацию, но и синтезируют её, создавая видимость целостного, авторитетного экспертного ответа.

Анализ научной дискуссии о роли искусственного интеллекта в политических процессах позволяет выделить три доминирующие теоретические позиции.

Инструментальный подход рассматривает ИИ как технологическое средство достижения политических целей, не наделяя его субъектностью. В данной логике искусственный интеллект трансформирует политическую систему через изменение механизмов политической коммуникации, электоральных процессов и государственного управления. Компании, контролируемые ИИ-системы, приобретают статус значимых политических акторов вследствие монополии на обработку и интерпретацию больших данных (А. Болточко, И. А. Быков).

Акторно-сетевой подход (Б. Латур, М. Риссе) концептуализирует системы искусственного интеллекта как самостоятельных акторов политического процесса, наравне с институциональными и человеческими участниками трансформирующих политическую реальность [7]. М. Риссе обосновывает положение о том, что в условиях цифровой трансформации складывается новая политическая система, в которой акторами выступают не только физические лица, но и ИИ-системы, цифровые профили граждан и автономные алгоритмические агенты.

Технологический детерминизм (К. Шваб, Б. Кинг и Р. Пэтти) интерпретирует ИИ как фактор неизбежной социально-политической трансформации, акцентируя позитивный потенциал технологий для демократизации и оптимизации управления. Критики данного подхода (Д. Аджемоглу, С. Джонсон)

указывают на его методологическую ограниченность, выражающуюся в недооценке структурных рисков и игнорировании вопроса о распределении выгод от технологического прогресса [8].

Для целей настоящего исследования наибольшей объяснительной силой обладает инструментальный подход, позволяющий анализировать конкретные механизмы воздействия ИИ-технологий на политические процессы без обращения к умозрительным концепциям технологической сингулярности или машинного восстания.

Трансформация роли искусственного интеллекта в политической сфере может быть операционализована посредством последовательного рассмотрения ключевых прецедентов, отражающих качественные сдвиги в характере его применения.

Cambridge Analytica (2016). Кейс остаётся наиболее документально верифицированным примером применения технологий больших данных и машинного обучения в электоральных целях. Психологическая модель, разработанная М. Косински и адаптированная компанией для нужд предвыборного штаба Д. Трампа, обеспечивала построение индивидуализированных психологических профилей избирателей на основе анализа цифровых следов. В день третьих предвыборных дебатов было распространено свыше 175 тысяч вариаций одного и того же информационного сообщения, дифференцированных в соответствии с психологическими профилями целевых аудиторий [10]. Данный прецедент продемонстрировал возможность масштабируемого персонализированного воздействия на политические предпочтения посредством алгоритмического анализа поведенческих данных — тем самым обозначив принципиально новый класс политических технологий.

Непал (2024). Молодёжное движение «против коррупции» делегировало ChatGPT функцию отбора и ранжирования кандидатов на пост главы временного правительства. Система предложила четыре кандидатуры и, при повторном запросе, назвала наиболее предпочтительную из них. Данный случай фиксирует принципиально значимый сдвиг: искусственный интеллект применяется не как инструмент анализа, а как суррогатный субъект политического выбора в условиях институционального доверительного кризиса.

Албания (2024). Правительство страны назначило ИИ-систему по имени Diella на функциональный эквивалент министерской должности, возложив на неё мониторинг государственных закупок. Данный прецедент знаменует переход от вспомогательного использования ИИ к его прямому встраиванию в систему исполнительной власти и ставит вопрос о правовом статусе алгоритмических систем в структуре государственного управления.

Дания: «Синтетическая партия» (2021-2022). Творческим коллективом Computer Lars была создана политическая партия Det Syntetiske Parti

(«Синтетическая партия»), программная платформа которой формировалась языковой моделью Leader Lars на основе исторических материалов малых партий, публиковавшихся с 1970 года. Декларируемая цель инициативы — политическое представительство 15 % граждан страны, систематически воздерживающихся от участия в выборах. Партия не прошла регистрацию вследствие недостаточного числа подписей, что, однако, не снижает концептуальной значимости прецедента как свидетельства формирующегося запроса на алгоритмическое политическое представительство.

Израиль (2025). Правительство заключило контракт стоимостью 6 миллионов долларов с компанией Clock Tower X с целью создания специализированного информационного контента, направленного на коррекцию ответов языковых моделей на запросы, связанные с Израилем [11]. Механизм реализации предполагает масштабное наполнение интернет-пространства материалами, которые войдут в обучающие выборки будущих версий нейросетей, а также продвижение данного контента через алгоритмы поисковых систем. Целевая аудитория — представители поколения Z, а минимальный ориентир — 50 миллионов просмотров в месяц. Данный кейс фиксирует качественно новую форму информационного влияния, где объектом воздействия выступают не непосредственно граждане, а сами системы искусственного интеллекта на стадии формирования.

Совокупность приведённых прецедентов позволяет верифицировать тезис о поэтапной эволюции роли ИИ в политике: от инструмента анализа больших данных (Cambridge Analytica) — через суррогатного субъекта политического выбора (Непал) и элемента государственного управления (Албания) — к объекту целенаправленного идеологического программирования (Израиль). Параллельно развивается процесс осмысления ИИ как потенциального актора политического представительства (Дания). Каждый из этих векторов сопряжён с принципиальными вопросами о регулировании, легитимности и о распределении политической ответственности.

Аналитическое рассмотрение описанных прецедентов обнаруживает структурное противоречие, характерное для государств, не располагающих собственной независимой инфраструктурой разработки систем ИИ. Кейс Непала наглядно демонстрирует, что страны, лишённые национальных генеративных нейросетей, вынуждены опираться на системы, разработанные в США, Китае или Европейском союзе, — вместе с заложенными в них ценностными иерархиями и идеологическими приоритетами.

Российские нейросетевые системы, в отличие от американских и китайских аналогов, не реализуют функцию трансляции государственных ценностей — они применяют стратегию блокировки политически чувствительных тем при сохранении общего сходства с западными прототипами. Данная стратегия

аналитически охарактеризована как «блокировка без альтернативы»: пользователь, не получив ответа от отечественной системы, обращается к западным аналогам с их ценностной нагрузкой. Зубофф квалифицирует подобную конфигурацию как надзорный капитализм, при котором корпоративный контроль над информационными потоками обеспечивает доминирование определённых мировоззренческих систем [12].

Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно акцентировал риски зависимости от иностранных нейросетевых систем, указывая на их потенциал формирования ценностных установок и мировоззрения пользователей. Данная позиция находит теоретическое обоснование в концепции цифрового суверенитета, разработанной в работах С. Н. Федорченко: контроль над коммуникационными каналами и обучающими данными нейросетей является необходимым условием сохранения ценностно-смыслового суверенитета государства [13].

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд концептуальных выводов. Во-первых, генеративные нейронные сети претерпели качественную эволюцию: от инструмента поддержки аналитической деятельности — к непосредственному участнику политических процессов, принимающему квалификационные решения и встраивающемуся в структуры государственного управления.

Во-вторых, технологическая зависимость от зарубежных нейросетевых платформ создаёт структурный риск для государственного суверенитета в сфере формирования политического сознания граждан. Эффективная политика в данной области предполагает не блокировку чувствительных тематических областей, но создание суверенной информационной инфраструктуры, обеспечивающей трансляцию национальных ценностных ориентиров посредством собственных нейросетевых систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ольшанский Д. В. *Психология масс.* — СПб.: Питер, 2001. — 363 с.
2. Смутькина Н. В. *Факторы формирования политических образов // Политическая наука.* — 2025.
3. Кастельс М. *Власть коммуникации.* — М.: ГУ ВШЭ, 2016. — 480 с.
4. Два года ChatGPT: цифры и факты о чат-боте // РБК. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/674832ca9a794726499937c8> (дата обращения: 21.02.2025).
5. Искусственный интеллект: образ героя // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/iskusstvennyi-intellekt-obraz-geroja> (дата обращения: 22.03.2025).

6. Володенков С. В., Федорченко С. Н., Печенкин Н. М. Риски, угрозы и вызовы современных социально-политических коммуникаций в условиях развития ИИ // Вестник РУДН. Серия: Политология. — 2024. — № 2. — С. 406-410.
7. Risse M. *Political theory of the digital age: where artificial intelligence might take us.* — Cambridge University Press, 2023.
8. Аджемоглу Д., Джонсон С. *Власть и прогресс.* — М.: АСТ, 2024. — 544 с.
9. Торкунов А. В. Цифровая трансформация и искусственный интеллект в преобразовании политического мира // Полис. Политические исследования. — 2025. — № 5. — С. 24-35.
10. Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. *Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior* // PNAS. — 2013. — Vol. 110. — No. 15. — pp. 5802-5805.
11. *Israel wants to train ChatGPT to be more pro-Israel* // Responsible Statecraft. — URL: <https://responsiblestatecraft.org/israel-chatgpt/> (дата обращения: 29.12.2025).
12. Zuboff S. *Surveillance Capitalism and the Challenge of Collective Action* // New Labor Forum. — 2019. — Vol. 28. — No. 1. — P. 10-29.
13. Федорченко С. Н. *Технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации: дис. ... д-ра полит. наук.* — М., 2021.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИПФЕЙКОВ

Таймазов Абдуллабек Умалатович

*Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия*

Муталиев Салман Арсенович

*Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия*

Аннотация: в статье анализируется квалификация статей 128.1, 137, 159 УК РФ, совершенные с использованием современных технологий искусственного интеллекта, а также сделаны предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: уголовная ответственность за совершение преступлений с использованием дипфейков

Abstract: The article analyzes the qualification of Articles 128.1, 137, and 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, which were committed using modern artificial intelligence technologies, and makes suggestions for improving the legislation.

Keywords: criminal liability for committing crimes using deepfakes

Современные технологии создания дипфейков, основанные на искусственном интеллекте и машинном обучении, достигли беспрецедентного уровня реализма, позволяя синтезировать аудиовизуальный контент, неотличимый от подлинного. Особую опасность представляют случаи использования таких технологий для имитации публичных лиц. Эта тенденция требует осмысления с точки зрения уголовного права, поскольку создаёт новые вызовы для защиты репутации граждан и обеспечения информационной безопасности общества.

Действующее российское уголовное законодательство не содержит специальных составов преступлений, направленных непосредственно на регулирование создания и распространения дипфейков. Попытки квалификации таких деяний по общим нормам о клевете (ст. 128.1 УК РФ), мошенничестве (ст. 159

УК РФ) или нарушении неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) сталкиваются с существенными сложностями доказывания субъективной стороны и установления причинно-следственной связи. Данный правовой пробел создаёт условия для безнаказанности злоумышленников, использующих нейросетевые технологии в преступных целях, что усиливает риски масштабной дезинформации и манипуляций общественным сознанием.

Ключевые характеристики дипфейков включают способность имитировать уникальные биометрические параметры личности, такие как черты лица, мимика и голосовые штрихи, что повышает риск ошибочной идентификации. Кроме того, дипфейк-технологии способны манипулировать восприятием действительности посредством контекстуальной подстановки и монтажа, создавая ложные события или высказывания от имени реальных людей. Данные качества усиливают потребность в точной терминологии и правовой квалификации, поскольку они напрямую влияют на оценку доказательств и определение общественной опасности деяний, связанных с созданием и распространением такого контента.

Классификация по целевому назначению делит дипфейки на развлекательные, коммерческие, политические и криминальные варианты. Развлекательные дипфейки используются в киноиндустрии, медиа и пользовательском контенте для создания художественных или развлекательных эффектов. Коммерческие дипфейки применяются в рекламе и маркетинге, включая персонализацию контента и продвижение товаров или услуг. Политические и криминальные дипфейки направлены на манипулирование общественным мнением, подрыв репутации или совершение противоправных действий, что требует пристального внимания со стороны правоохранительных органов.

«Преступный потенциал технологии дипфейк реализуется в трех основных направлениях, которые требуют квалификации с точки зрения уголовного права: Биометрический взлом и хищение; Социальная инженерия нового уровня; Дискредитация и шантаж [1, с. 1].» Видеодипфейки моделируют мимику и движения, что обеспечивает высокую визуальную правдоподобность и создаёт сложности для судебно-технической экспертизы. Аудиофальсификации имитируют тембр и интонацию голоса, а комбинированные продукты повышают сомнительность доказательственной массы и затрудняют установление авторства и намерения.

Статья 128.1 УК РФ направлена на пресечение клеветы и может применяться к случаям распространения дипфейков, созданных с целью дискредитации личности. «Право на защиту чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ) актуально, если действия клона порочат прототипа. Однако возникают серьезные сложности: вредоносные действия могут быть результатом алгоритмической ошибки без конкретного ответчика; доказывание распространения

порочащих сведений и их ложности затруднительно применительно к сложным поведенческим паттернам [2, с.24].» Привлечение по этой статье требует экспертной проверки происхождения материалов, установления факта массового или целевого распространения и доказательства ложности сведений.

Применение статьи 159 УК РФ к дипфейкам возможно при использовании искусственно созданных изображений или голосов для введения потерпевшего в заблуждение с целью хищения имущества. Дипфейки могут выступать средством обмана, имитируя личность доверенного лица или подтверждая поддельные основания для передачи средств. Практическое применение требует установления причинно-следственной связи между демонстрацией дипфейка и принятием потерпевшим решения о передаче имущества, что возлагает значительную роль на цифровую экспертизу. Сложности квалификации связаны с необходимостью доказать преступный умысел и роль конкретного лица в создании или распространении дипфейка, поскольку механизм генерации может быть автоматизирован или анонимизирован. В ряде случаев авторство может быть неустановлено, что затрудняет применение статьи 159 УК РФ в части ответственности за непосредственное совершение преступления. Для объективной оценки требуется комплексная экспертиза цифровых следов, а также международное сотрудничество при трансграничном распространении контента.

Нарушение неприкосновенности частной жизни по статье 137 УК РФ охватывает несанкционированное создание и распространение дипфейков, затрагивающих интимную или иную приватную информацию. Дипфейки, изображающие лицо в компрометирующих ситуациях или распространяющие его персональные данные без согласия, подпадают под эту норму при доказанности факта распространения. Однако предусмотренные в статье меры реализуются с трудом без оперативных механизмов удаления контента и отработанных методов установления источника распространения. Выявленные пробелы в доказывании и исполнении норм свидетельствуют о необходимости совершенствования правового регулирования и учёта международного опыта.

Доказательство прямого умысла при создании дипфейков сталкивается с существенными затруднениями в условиях отсутствия явных признаков преступного намерения. «Во-вторых, в литературе отмечается как упрощение процесса доказывания факта нарушений права (поскольку в цифровой среде используются изображения лиц в конкретных ситуациях, которых не было в действительности, что согласно абз. 4 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3, безоговорочно относится к недостоверной информации), так и невозможность однозначного вывода об этом на основе текстового анализа, который всегда будет иметь лишь вероятностный характер, и необходимости выработки новых способов установления фейкового характера информации [3, с.115].» Такая двусмысленность

в интерпретации цифровых данных затрудняет отнесение поведения к категории умышленных деяний и требует разработки дополнительных критериев для установления субъектного признака состава преступления.

Определение размера ущерба при квалификации мошенничества с использованием дипфейков осложняется наличием нематериального и репутационного вреда, который обычно не поддаётся прямому денежному измерению. Распространение таких материалов в сети может вызывать длительные и косвенные экономические последствия, для которых сложно установить прямую причинно-следственную связь с конкретным деянием. Вследствие этого суды испытывают трудности при применении критериев материального вреда, необходимых для квалификации по статьям УК РФ, требующим наличия имущественного или иного значительного вреда. Отсутствие унифицированных методик оценки репутационного ущерба и разнородность доказательной базы ведут к неоднородной практической квалификации аналогичных эпизодов мошенничества. Назначение комплексной экспертизы, включающей цифровую экспертизу и экономическую оценку последствий, часто ограничено ресурсами и компетенцией экспертов, что снижает надёжность выводов. Это подчёркивает необходимость выработки стандартов оценки размера ущерба и методик, адаптированных к особенностям преступлений с использованием дипфейков.

Идентификация субъекта преступления в условиях анонимности распространения дипфейков в интернете представляет серьёзную проблему для уголовного преследования. Использование прокси-серверов, анонимизаторов и распределённых площадок затрудняет установление источника материалов и прямой связи между создателем дипфейка и лицом, разместившим информацию. Эти обстоятельства подчёркивают пробелы в действующем законодательстве и необходимость международного сотрудничества и нормативных изменений для обеспечения эффективного привлечения виновных к ответственности.

Выделение дипфейков в самостоятельный состав преступления обосновано их специфическими характеристиками, такими как искусственное воссоздание изображения и аудио с высокой степенью правдоподобия. Существующие нормы УК РФ не всегда позволяют адекватно квалифицировать действия, учитывая технологическую сложность, затруднения доказывания и массовый характер распространения. Выделение отдельного состава должно повысить эффективность правоприменения и обеспечить более надёжную защиту частных и публичных интересов.

Предлагается дополнить УК РФ статьёй 128.1.1, устанавливающей ответственность за создание и распространение дипфейков, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию лица. Элементами состава могут стать создание или распространение синтетических аудио- или видеофайлов

с заведомо ложным содержанием, совершённые с целью умышленного введения в заблуждение или причинения вреда. Вводятся санкции в виде штрафа, обязательных работ или ограничения свободы, а также механизм компенсации морального вреда и обязанность удаления материалов с последующей блокировкой их распространения. Кроме того, рекомендуется введение статьи 207.2, направленной на ответственность за создание и распространение дипфейков, угрожающих безопасности общественных процессов, включая выборы, массовые мероприятия и функционирование критической инфраструктуры. В качестве квалифицирующих признаков предлагается предусмотреть использование дипфейков для организации массовых беспорядков, распространения заведомо ложных сообщений об угрозах жизни или действий, направленных на подрыв государственной и общественной безопасности. За такие деяния целесообразно предусмотреть более строгие наказания, включая лишение свободы, с учётом масштабов распространения и последствий, а также механизмы оперативного удаления материалов и международного сотрудничества по пресечению каналов их распространения.

Дифференциация мер ответственности должна базироваться на целях создания дипфейков и степени причинённого или потенциального вреда, что позволит отличать частные случаи от общественно опасных деяний. Предусматриваются градации от административной ответственности и обязанностей по устранению вреда в случаях малой значимости до уголовной ответственности при умышленном создании дипфейков для мошенничества, клеветы в крупном размере или подрыва общественной безопасности. Такая система обеспечит пропорциональность наказаний, стимулируя превентивные меры и способствуя более эффективной защите пострадавших через обязательные реститутивные и процессуальные механизмы.

Современные цифровые технологии, обеспечивающие возможность создания дипфейков, представляют серьёзную угрозу для охраняемых законом личности и общества. Анализ классификации таких технологий, проведённый в первой главе, продемонстрировал их способность подрывать доверие к медиаконтенту и манипулировать общественным сознанием. Это подтверждает необходимость формирования специализированного уголовно-правового механизма, способного адекватно реагировать на новые вызовы цифровой эпохи.

Совершенствование правового регулирования требует комплексных мер, включающих криминализацию наиболее опасных форм использования дипфейков. Параллельно необходимо развивать методики экспертного выявления синтетического контента и обеспечивать гармонизацию российского законодательства с международными стандартами. Реализация этих предложений позволит эффективнее противостоять новым формам цифровой преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаранина Е. Д. Преступный потенциал дипфейка в современном мире // *Международный научно-исследовательский журнал*. — 2026. — № 2. — С. 1-4.
2. Виндижева М. Р., Хавжокова З. Б. Гражданско-правовая защита «цифрового клона» личности: право на неприкосновенность цифрового образа, коммерческое использование и ответственность за вред, причиненный его несанкционированным использованием // *Научно-практический журнал «Диалог»*. — 2025. — № 14. — С. 22-25.
3. Абрамова Е. Н. Место цифрового образа человека в системе объектов гражданских прав // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. — 2025. — № 2. — С. 110-117.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Кушербаева Салтанат Сагатовна

магистрант

Евразийский национальный университет им Л. Н. Гумилева

Научный руководитель — Бейбитов М. С.

Аннотация: *В данной статье автор исследует вопрос о понятии параллельного финансового расследования и устанавливает, что под ним следует понимать проведение финансового расследования одновременно с расследованием основного уголовного дела по фактам отмыwania преступно добытых доходов. Уделяется внимание соотношению указанного расследования с понятием «форензик». Автор заключает, что параллельное финансовое расследование представляет собою лишь часть форензик. Анализируя определения, сформулированные казахстанскими учеными, сделана существенная их корректировка.*

Ключевые слова: *транснациональная преступность, экономическая преступность, отмыwanie преступных доходов, вывод капитала, предикатные преступления, параллельное финансовое расследование, финансовое расследование, форензик, ФАТФ, бенефициарные владельцы, конфискация имущества, финансирование терроризма, международное уголовное сотрудничество, уголовное судопроизводство, легализация (отмыwanie) доходов, финансовый мониторинг, возврат преступных активов*

Современный период истории человечества отличается глобализацией многих процессов, которая связана с высоким уровнем межгосударственной интеграции. Данный процесс обеспечивается ускорением не только всех межгосударственных процессов, но и повышением активности гражданского общества государств, сопровождающегося большим потоком лиц, пересекающих границы государств в самых разнообразных целях (учеба, работа, туризм и т.д.). Одновременно, глобализации интеграционных процессов способствуют достижения современной науки и техники, позволяющей человеку включаться в интеграционный поток без физического перемещения в пространстве.

В целом указанные процессы положительным образом сказываются на жизни и деятельности как государств, так и личности.

Однако, к сожалению, положительные научно-технические приобретения человечества также стали использовать криминальные структуры. В результате появились различные виды сращенной, межгосударственной преступности, одной из видов которых является экономическая транснациональная преступность.

В рамках экономической транснациональной преступности криминальные структуры добытые преступным путем материальные средства стали выводить за пределы государства и размещать на территории зарубежных государств.

Опасность указанного заключается в том, что добытые преступным путем средства не только причиняют ущерб экономике государства, но и применяются для финансирования такой угрозы человечеству, как терроризм и экстремизм.

По мнению исследователей в настоящее время в большей части экономических преступлений усматривается «иностранный элемент». «Глобализация мировой экономики, открытие финансовых границ и создание еще в прошлом веке большого числа оффшорных юрисдикций предоставляют правонарушителям довольно доступные и несложные механизмы вывода преступных доходов за пределы государства с целью дальнейшего их использования под видом законно полученных» [1, с. 81].

В настоящее время задачей государств является обнаружение преступно добытого имущества и возвращение в казну государства. К категории указанного имущества согласно рекомендациям ФАТФ следует относить целый ряд предикативных преступлений, в результате совершения которых это самое имущество добывается. При этом следует обратить внимание на то, что к числу таковых относятся не только экономические преступления. Преступным путем может быть добыто имущество, к примеру, в результате торговли наркотическими веществами и психотропными средствами, в результате торговли оружием и боеприпасами к ним, в результате совершения коррупционных преступлений и т.д.

В Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. содержатся рекомендации о конкретных мерах в рамках параллельного финансового расследования.

В зарубежной научной среде принято отождествлять понятия «финансовое расследование» и «форензик».

Термин «форензик» происходит от английского «forensic», что дословно может быть переведено как «судебный» или «криминалистический».

Ряд исследователей форензик определяют как:

— независимая деятельность, направленная на расследование, анализ, урегулирование спорных ситуаций, касающихся финансовых, правовых,

коммерческих вопросов с существенными экономическими рисками, и разработку процедур, ориентированных на выявление экономических преступлений и противодействие всем видам финансового мошенничества, инициированная собственниками компаний или советом директоров [2, с. 72-79];

— это деятельность, направленная на выявление, анализ и урегулирование ситуаций, когда между сторонами есть разногласия по финансовым, коммерческим, правовым и другим вопросам, когда существуют значительные экономические риски или, когда наблюдается несоответствие действий сотрудников или организации в целом законодательным или иным нормативным актам, принципам и стандартам. Форензик — это независимое экономическое расследование в отношении топ-менеджеров компании по инициативе владельцев, акционеров или членов наблюдательного совета этой компании [3, с. 30-37];

— независимое финансовое расследование, которое направлено на выявление, оценку финансовых рисков, являющихся результатом недобросовестных действий. Форензик — это инструмент выявления и предотвращения мошеннических действий в компании [4, 157-161].

Приведенные определения показывают, что понятие «форензик» в большей степени связано с проявлением инициативы со стороны владельцев компаний и выявлением мошеннических действий собственных сотрудников. Хотя эти действия могут быть квалифицированы в качестве преступлений, все же эти деяния нельзя рассматривать в контексте параллельных финансовых расследований, рекомендуемых вышеуказанной Конвенцией ООН.

Другие исследователи напротив, связывают форензик только лишь с расследованием преступлений. Например, Chew V. L. считает, что форензик есть применение научных методов в расследовании преступлений. Он имеет квазинаучный характер и объединяет в себе право, бухгалтерский учет, налоговый учет, аудит и контроль [5, с. 123].

На комплексный характер форензик обращают внимание Enofe A. O., Otagbon P. and Ehigiator F. I. Они считают, что форензик есть деятельность, обобщающая в себе бухгалтерский учет, следственный аудит, криминалистику, судебные услуги и финансовые навыки для выявления, предотвращения фактов мошенничества и сокращения их числа [6, с. 27-34].

Данные определения позволяют сделать вывод о том, что форензик представляет собой комплексный институт, включающий определение экономических рисков коммерческих учреждений, а также выявление мошеннических манипуляций, которые могут осуществляться в рамках как уголовного, так и гражданского судопроизводства по инициативе собственников этих учреждений.

Данный вывод свидетельствует о том, что понятия «финансовое расследование» и «форензик» не являются тождественными. Финансовое расследование может выступать лишь частью форензик.

Понятие «параллельное финансовое расследование» является составным из таких компонентов, как «финансовое расследование» и «параллельное расследование».

Первый компонент «финансовое расследование» максимально приближает его к выше рассмотренному форензик.

Второй компонент определяет сферу, в которой оно осуществляется — область уголовного судопроизводства, в рамках которого параллельное расследование сопутствует расследованию уголовных дел по фактам незаконной добычи доходов.

Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) в 2003 году впервые ввела глобальные стандарты для предотвращения сокрытия информации о бенефициарных владельцах компаний и представила их в Рекомендациях, которые периодически обновляются.

Так, в Рекомендациях сказано, что как минимум во всех случаях, связанных с серьезными, приносящими доход преступлениями, при рассмотрении дел по отмыванию денег, предикатным преступлениям и финансированию терроризма такие уполномоченные правоохранительные органы обязаны проводить по своей инициативе параллельное финансовое расследование. В рекомендациях под номером 30 даны следующие разъяснения:

«Финансовое расследование» означает расследование финансовых дел, имеющих отношение к преступной деятельности, с целью:

- выявления масштаба преступных сетей и/или масштабов преступности;
- выявления и отслеживания доходов от преступлений, средств террористов или иного имущества, которые подлежат или могут подлежать конфискации;
- разработки доказательств, которые могут быть использованы в уголовном судопроизводстве.

Параллельное финансовое расследование» относится к проведению финансового расследования наряду или в рамках (традиционного) уголовного расследования отмывания денег, финансирования терроризма и/или предикатного преступления (преступлений)» [7].

В рекомендациях ФАТФ определены цели и задачи параллельного финансового расследования, но не содержится его полного определения.

Коллектив казахстанских ученых дает определение рассматриваемого понятия с дифференциацией его на следующие виды:

- финансовое расследование, производимое по основному уголовному делу или по выделенному в отдельное производство делу, связанному с фактами легализации (отмыванием) преступных доходов и финансирования преступной деятельности с принятием мер по конфискации имущества и рассмотрением гражданского иска в порядке уголовного судопроизводства;

— финансовое расследование, проводимое по основному делу или выделенному в отдельное производство делу, связанному с фактами легализации (отмывания) преступных доходов и финансирования преступной деятельности с принятием мер по конфискации имущества до вынесения приговора (досудебная конфискация);

— финансовое расследование, проводимое по результатам вступившего в законную силу приговора в рамках исполнительного производства с предъявлением иска в порядке гражданского судопроизводства и (или) с применением инструментария уголовного судопроизводства (исполнение условий процессуального соглашения; проведение оперативно-розыскных мероприятий; регистрация фактов легализации (отмывания) преступных доходов и финансирования преступной деятельности и их расследование, не исключая возможности трансформации на другие виды финансового расследования) [8, с. 30].

На наш взгляд, из перечисленных видов расследования непосредственно к параллельному финансовому расследованию, относятся первые два вида, поскольку в рекомендациях ФАТФ сказано: «параллельное финансовое расследование» относится к проведению финансового расследования наряду или в рамках (традиционного) уголовного расследования отмывания денег, финансирования терроризма и/или предикатного преступления (преступлений)» [9].

Кроме того, мы не разделяем мнения казахстанских авторов, сформулировавших следующее определение: «Под финансовым расследованием следует понимать совокупность принимаемых мер по выявлению, раскрытию и расследованию уполномоченными государственными органами финансовых аспектов преступной деятельности, связанных с получением (приобретением) преступным путем денежных средств и (или) иного имущества, их легализацией (отмыванием), владением, пользованием и распоряжением, в том числе для финансирования террористической и иной преступной деятельности, а также по конфискации преступных доходов и их возврату» [10, с. 31].

Дело в том, приведенное определение характеризует лишь третий вид финансового расследования, а именно — финансовое расследование, проводимое по результатам вступившего в законную силу приговора в рамках исполнительного производства с предъявлением иска в порядке гражданского судопроизводства и (или) с применением инструментария уголовного судопроизводства.

В данном финансовом расследовании не присутствует «параллельность», так как уголовное производство по основному делу уже завершено, приговор по делу уже вступил в законную силу.

В связи с этим следует признать излишним включение в обсуждаемую формулировку определения параллельного финансового расследования таких

понятий, как «по выявлению, раскрытию и расследованию». Эти термины применимы к первым двум видам параллельного финансового расследования, когда оно сопутствует расследованию основного уголовного дела.

На основании изложенного полагаем, что в рассматриваемом определении формулировку «по выявлению, раскрытию и расследованию» целесообразно заменить словами «по установлению» и окончательно изложить в следующей редакции: «Под финансовым расследованием следует понимать совокупность мер по установлению уполномоченными государственными органами финансовых аспектов преступной деятельности, связанных с получением (приобретением) преступным путем денежных средств и (или) иного имущества, их легализацией (отмыванием), владением, пользованием и распоряжением, в том числе для финансирования террористической и иной преступной деятельности, а также по конфискации преступных доходов и их возврату».

Список использованных источников:

1. Mathers C. *Crime school. Money Laundering: true crime meets the world of business and finance*. N. Y., 2004. P. 81

2. Городилов, М. А. *Форензик в рамках экспертно-аналитической и аудиторской деятельности: теоретическое исследование понятия* / М. А. Городилов, Н. А. Шкляева // *Учет. Анализ. Аудит.* — 2018. — С. 72-79. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/17608178> (дата обращения 03.04.2025)

3. Булыга Р. П., Мохамад Б. *Роль аудиторской профессии в борьбе против финансовых преступлений и финансирование терроризма* // *Наука через призму времени*. 2017. С. 30-37

4. Дорджиева З. Д. *Становление и развитие форензик экспертизы как услуги* // *Учет, аудит и налогообложение в обеспечении экономической безопасности предприятий*. 2018. С. 157-161.

5. Chew B. L. and ed. *Forensic Accounting and Finance: Principles and Practice* // Kogan Page Publishers. 2017. 288 p.

6. Enofe A. O., Otagbon P. and Ehigiator F. I. *Forensic audit and corporate fraud* // *IIARD International Journal of Economics and Business Management*. 2015. no. 1 (7). pp. 27-34

7. Пояснительная записка к Рекомендации 30 ФАФТ «Обязанности правоохранительных и следственных органов» с изменениями на октябрь 2018 года / Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / Пер. с англ. — Москва: МУМЦФМ, 2012. — 191 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/other_docs/FATF%20docs/rekomendacii-fatf-2019.pdf (дата обращения 10.12.2025 г.)

8. Методические рекомендации по расследованию финансовых аспектов преступной деятельности (проведение параллельного финансового расследования). / Сейткасимова И. Н., Кенбаев Д. Х., Елемесов Ж. Ф., Оспанов А. У., Тажмаганбетов О. С. — Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2022. — 33 с

9. Рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег — ФАТФ (Financial Action Task Force on Money Laundering — FATF) [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132941/St10-21_RU.PDF

DOI 10.34660/INF.2026.74.48.002

RPA В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРАКТИК

Тибейкин Степан Евгеньевич

спирант

*Санкт-Петербургский государственный экономический
университет*

***Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые аспекты внедрения роботизированной автоматизации процессов (RPA) в кадровой сфере. Приводится обоснование выбора RPA-технологий, сравнительный анализ наиболее популярных платформ, а также анализ эффектов автоматизации HR-процессов. Описываются организационные и экономические аспекты проектов роботизации, включая оценку эффективности (высвобождение FTE, экономию затрат, показатели рентабельности) и возможные риски. Особое внимание уделено таким эффектам, как освобождение ресурсов HR-специалистов, повышение качества данных и процессов, ускорение выполнения задач и стандартизация операций. Полученные результаты свидетельствуют о значительном потенциале RPA для оптимизации кадровых функций, снижении операционных издержек и повышении эффективности HR-службы.*

***Ключевые слова:** RPA, управление персоналом, автоматизация процессов, эффективность, стандартизация, роботизация, FTE, экономическая оценка.*

Введение

В современных условиях цифровой трансформации и высокой конкуренции предприятия активно ищут пути оптимизации HR-процессов. Технология Robotic Process Automation (RPA) позволяет автоматизировать рутинные повторяющиеся задачи, повышая эффективность работы HR-отдела. RPA-боты имитируют действия человека в информационных системах, автоматически открывают необходимые приложения, заполняют формы, обрабатывают данные и даже проверяют корректность документов, выполняя все по четко заданному алгоритму. Это снижает вероятность ошибок и высвобождает рабочее время сотрудников для более творческих и стратегических задач. По данным

исследований, автоматизация HR-функций обеспечивает рост производительности, точности и удовлетворенности сотрудников, к тому же такая технология не требует коренных изменений в существующих IT-системах и может быстро внедряться поверх уже работающей инфраструктуры.

HR-служба традиционно занята большим количеством однотипных операций: прием и увольнение персонала, оформление документов, обработка резюме, сбор отчетности и т.д. Эти задачи хорошо поддаются автоматизации, так как следуют четким правилам и редко требуют принятия нетривиальных решений. RPA выбирают потому, что «робот» может работать в привычных HR-системах (1С, SAP HR, корпоративная почта и др.) без глобальной замены ПО. Программный бот последовательно выполняет шаги, аналогичные действиям человека (открывает приложения, заполняет поля, сравнивает данные), но при этом не устает и не делает опечаток.

К внедрению в организации предлагается определенный алгоритм действий, который будет применяться в рамках процедуры подбора, найма и адаптации персонала. На каждом из этапов разработки предполагается использование технологий интеллектуальной и роботизированной автоматизации процессов, в частности — использование функционала RPA-роботов. Подбор персонала специалистами отдела кадров проводится с помощью ежедневного мониторинга резюме, поступающих через официальный сайт компании [2]. В среднем, за сутки через данный источник поступает от 25-50 резюме. Специалисты отдела кадров при поступлении резюме, соответствующих требованиям и потребности по тому или иному направлению, организуют процесс запроса дополнительных документов, необходимых для дальнейшего рассмотрения. После проведения процедуры рассмотрения кандидатуры (с учетом соответствия всем обязательным требованиям и критериям), а также дополнительных проверок документы кандидата передаются для организации трудоустройства.

Далее проводится ряд последовательных действий, этапов для организации трудоустройства кандидата. В части документооборота на кандидата подготавливается ряд документов, в их числе: направление на трудоустройство, заявление на трудоустройство, проект трудового договора, проект приказа о приеме [3].

В рамках вышеупомянутых характеристик этапов особенностей делопроизводства, предлагается использование разработок в соответствии с нижеописанным алгоритмом:

- роботизация подбора резюме кандидатов по определенным профессиям.
- роботизация, направленная на подготовку ряда документов, необходимых для оформления трудоустройства: направления на трудоустройство, заявления, проекта трудового договора, проекта приказа о приеме.
- роботизация, связанная с интеграцией данных в информационные системы Общества (например: ИУС ПД, 1С).

— запрос необходимых доступов при помощи RPA-технологии (открытие заявки для авторизации пользователя и т.д.) [5].

С учетом вышеупомянутых характеристик, связанных с подбором персонала, возможна роботизация подбора резюме кандидатов по определенным профессиям. Роботизированные механизмы могут автоматически собирать и анализировать резюме кандидатов. Это позволяет сократить время на просмотр и анализ большого количества резюме и подобрать наиболее подходящих кандидатов для дальнейшего рассмотрения. Сотрудники отдела кадров с учетом сегодняшних возможностей роботизированной автоматизации могут осуществлять следующие мероприятия в рамках подбора персонала:

— круглосуточный мониторинг откликов кандидатов по определенным профессиям;

— возможность поиска кандидатов по определенным параметрам поиска;

— скачивание резюме кандидатов и сохранение их на конфиденциальный ресурс отдела;

— отправка документов для организации собеседования и уведомление об этом сотрудника от структурного подразделения, который проводит собеседование [2];

— производить обработку поступающих документов на предмет внесения в общую базу обращений кандидатов.

Специалист по кадрам группы по найму персонала запускает заранее настроенный процесс подбора резюме кандидатов. RPA-робот, используя настроенный алгоритм в соответствии с указанными при настройке потребностями в профессиях, считывает информацию из анкеты кандидата, в случае нахождения анкет с профессиями, указанными при настройке, RPA сохраняет данные резюме в рабочие папки конфиденциального ресурса Общества для организации дальнейшей работы. [1]

В случае успешного подбора кандидата специалист по кадрам запускает роботизированный процесс, который запрашивает необходимые для рассмотрения документы от кандидата по электронной почте.

После успешного проведения всех необходимых процедур по рассматриваемой кандидатуре специалист по кадрам запускает роботизированный процесс, направленный на подготовку направления на трудоустройство, заявления, проекта трудового договора, проекта приказа о приеме. В данном случае для подготовки данных документов необходимо использование технологии OCR.

OCR (оптическое распознавание символов) — это технология, которая позволяет компьютеру «читать» текст с изображений, сканированных документов, фотографий и даже рукописей.

В результате анализа документов при помощи технологии OCR создаются шаблоны следующих документов:

- заявление на трудоустройство;
- приказ о приеме;
- трудовой договор.

Специалист проверяет комплектность и достоверность автоматически заполненных документов.

После заполнения всех данных роботизированной системой и проверкой внесенной информации запускается следующий процесс, связанный с интеграцией данных в информационные системы Общества (например: ИУС ПД, 1С). После заполнения всех необходимых полей при внесении данных кандидата в системе специалист по кадрам проверяет корректность введенной информации. При необходимости редактирует введенную информацию [4].

После проведенной процедуры трудоустройства для кандидата открывается доступ в единую информационную базу ЛНА Общества. В данном случае RPA-технология может запрашивать доступы, открывать заявки для авторизации пользователя.

Анализ практики показывает четыре основные категории эффектов от роботизации HR: сокращение затрат, повышение качества, ускорение процессов и стандартизация. Их последовательно описывают и профессиональные статьи, и результаты пилотных проектов. Ниже перечислены ключевые выгоды:

Сокращение затрат: RPA позволяет высвободить ресурсы HR-специалистов за счет автоматизации рутинных задач (обработка резюме, рассылка офферов, создание учетных записей новых сотрудников). Экономия времени сотрудников переводится в уменьшение FTE (эквивалент полной занятости), что даёт возможность перераспределить персонал на более важные задачи. В совокупности эти эффекты приводят к заметной экономии: например, расчеты показывают, что проекты роботизации HR могут ежегодно сократить операционные расходы на найм и обучение примерно на 20%.

Повышение качества: роботы выполняют операции строго по алгоритму, исключая ошибки «человеческого фактора». Автоматизация предотвращает опечатки и пропуски при вводе данных (например, при заполнении личных карточек или начислении выплат).

В совокупности перечисленные эффекты приводят к существенной эффективности RPA-проектов. Например, в одном из расчетных кейсов автоматизации HR-отдела ежегодное высвобождение трудовых ресурсов оценивалось в 797 тыс. руб., операционная экономия — в 350 тыс. руб., а чистый дисконтированный доход проекта был положительным (ЧДД \approx 1,35 млн руб., внутренняя норма доходности \approx 29%, срок окупаемости \sim 2,4 года). Эти цифры демонстрируют высокую прибыльность внедрения: на каждый вложенный рубль возвращается примерно 1,4 руб. (индекс доходности \sim 1,4).

Реализация RPA-проекта требует учета организационных вопросов. Ключевым является анализ текущих HR-процессов и формализация алгоритмов для роботов. Как правило, формируется проектная команда: проектный менеджер, бизнес-аналитики, девелоперы RPA и ИТ-специалисты [2]. Менеджер координирует процесс внедрения и контролирует сроки, а аналитики отвечают за описание процессов и сбор требований (особенно важно знание специфики HR).

Финансовая сторона проекта включает лицензионные платежи, затраты на внедрение и поддержку. Основные статьи бюджета: приобретение серверных или облачных лицензий RPA-платформы, оплата разработки роботов и услуг консультантов. В примерной смете проекта роботизации HR-отдела основные затраты (3,275 млн руб.) складывались из стоимости внедрения, бессрочной серверной лицензии и консалтинга. Эта инвестиция позволяет достичь долговременного эффекта в виде экономии ресурсов и налоговых льгот (за счет ускоренной амортизации ПО).

Оценка экономической эффективности подтверждает обоснованность инвестиций. Как уже было указано, модель возврата инвестиций для RPA-проекта в HR показала положительный НПВ, высокую ВНД и приемлемый срок окупаемости. Эффективность RPA-проекта в HR оценивается не только через финансовые метрики, но и через количественные показатели процессов. Ключевыми являются: высвобожденное время HR-специалистов (приводимое к FTE), количество и доля процессов, выполненных без ошибок, и среднее время выполнения операций. В описанном кейсе автоматизации HR-отдела расчет показал ежегодное высвобождение ресурсов (FTE) на сумму ~797 тыс. руб., а операционные издержки сокращались на 350 тыс. руб. в год. В качестве главного денежного эффекта принималось высвобождение FTE, что отражено в модели оценивания. Кроме того, проект принес эффект за счет уменьшения налога на прибыль (через ускоренную амортизацию ПО).

С точки зрения показателей рентабельности получены следующие результаты: чистый дисконтированный доход (ЧДД) составил примерно +1,35 млн руб., внутренний доход (ВНД) — 29%, индекс доходности (ИД) — 1,4, а срок окупаемости — около 2,4 лет. Такие значения свидетельствуют о том, что проект выгоден и превышает требуемую доходность инвестора (обычно 12–15%). При этом разумно проводить более тщательную оценку рисков: незначительное удорожание внедрения или снижение высвобождаемых ресурсов может уменьшить экономический эффект.

Как и любая инновация, RPA-проекты сопряжены с рисками. Главные из них выделяют как организационные, так и технические. Среди организационных рисков — дефицит компетенций в области RPA и сопротивление изменениям со стороны сотрудников HR. Если персонал не обучен новой технологии, это может замедлить реализацию. Технические риски включают сложности интеграции:

не все старые HR-системы имеют удобные интерфейсы для RPA, и нестабильные обновления прикладного ПО могут вызывать сбои в работе ботов.

Наконец, есть риски безопасности и регулирования: RPA-ботам открывается доступ к конфиденциальным персональным данным, поэтому нужно обеспечить надежную аутентификацию, шифрование и аудит действий роботов. Требования законодательства (трудовое право, защита персональных данных) должны быть учтены при настройке автоматизированных процессов.

Внедрение RPA в HR-функцию представляет собой эффективный путь оптимизации работы кадрового подразделения. Автоматизация рутинных операций высвобождает ресурсы, снижает ошибки и ускоряет процессы, что подтверждается как теоретическими исследованиями, так и практическими кейсами. Для успешного внедрения необходимы обоснованный выбор технологий и платформ, тщательный анализ процессов, а также управление рисками (обучение персонала, интеграция, безопасность). При должном планировании RPA-проекты в HR показывают высокую экономическую эффективность (положительное ЧДД, приемлемый срок окупаемости) и дают организационные преимущества, тем самым подтверждая целесообразность цифровизации кадровых служб.

Список литературы

1. Баранов, П. С., Мартынова, И. В. *Социотехнические системы и инновации: взаимодействие людей и технологий* / П. С. Баранов, И. В. Мартынова. — М.: Юрайт, 2020. — 344 с.
2. Гусев, А. В. *Цифровая трансформация и управление персоналом: монография* / А. В. Гусев. — М.: Издательство «Наука», 2021. — 312 с.
3. Кузнецов, В. Н. *Управление человеческим капиталом: теоретические подходы и практические инструменты* / В. Н. Кузнецов. — М.: Альпина Паблишер, 2019. — 384 с.
4. Смирнова, Т. Ю. *Информационные технологии в HR: автоматизация, анализ данных, роботизация* / Т. Ю. Смирнова. — Екатеринбург: УрФУ, 2022. — 298 с.
5. Соколова, Е. М., Иванов, П. А. *Социальные коммуникации в организации: учебное пособие* / Е. М. Соколова, П. А. Иванов. — СПб.: Питер, 2020. — 256 с.

DOI 10.34660/INF.2026.74.64.195

УДК 37.0

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ СМИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Семилет Тамара Алексеевна

доктор философских наук, профессор

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Базарнова Екатерина Максимовна

бакалавр журналистики

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

СМИ в культуре тотальной дигитализации и медиатизации принимают на себя новый образовательный функционал, занимая позиции активного субъекта образования. Современные цифровые технологии приводят к значительной трансформации подходов к процессу создания и потребления образовательного контента в средствах массовой информации, что в свою очередь кардинально меняет медиаландшафт. Мультимедийные технологии как основополагающий элемент этой трансформации стали неотъемлемой частью процесса, предлагая новые методы подачи информации, которые делают её доступной, наглядной и интересной для широкой аудитории. Эти технологии меняют не только способ подачи материала, но и структуру нашего восприятия информации, что важно в условиях информационной перегрузки, как атрибута культуры цифровых технологий.

Ключевые слова: *СМИ, мультимедийные технологии, образование, современная культура*

The media in the culture of total digitalization and mediatization take on a new educational functionality, taking the position of an active subject of education. Modern digital technologies lead to a significant transformation of approaches to the process of creating and consuming educational content in the media, which in turn radically changes the media landscape. Multimedia technologies as a fundamental element of this transformation have become an integral part of the process, offering new methods of presenting information that make it

accessible, visual and interesting to a wide audience. These technologies change not only the way the material is presented, but also the structure of our perception of information, which is important in the context of information overload, as an attribute of the culture of digital technologies.

Keywords: *media, multimedia technologies, education, modern culture*

Просветительская функция журналистики претерпела значительные изменения благодаря новым технологиям. Новые инструменты, такие как виртуальная и дополненная реальность, позволяют создавать более интерактивные и захватывающие образовательные материалы, что делает процесс обучения более увлекательным и эффективным. Важно отметить, что успешное применение этих технологий требует глубокого понимания их потенциала и правильной интеграции в образовательные проекты.

Современные тенденции в развитии информационных технологий и цифровой среды ставят перед журналистикой новые вызовы и открывают новые возможности. В этих условиях мультимедийные образовательные технологии и геймификация становятся ключевыми элементами, способными не только обогатить процесс обучения, но и изменить саму суть журналистики. Эффективное использование этих технологий способствует более глубокому вовлечению аудитории, повышению усвояемости информации и трансформации образовательных программ. Это особенно важно в условиях, когда самообразование и непрерывное обучение становятся неотъемлемыми частями жизни каждого человека.

Актуальность данной темы заключается в необходимости адаптации журналистики к новым реалиям цифрового общества и в выявлении лучших практик использования образовательных технологий, что поможет повысить качество обучения и информированности аудитории. Это важно для понимания того, как современные образовательные проекты могут трансформировать аудиторию и способствовать развитию критического мышления, что является одной из ключевых задач современной журналистики. В эпоху стремительной технологической трансформации журналистика сталкивается с новыми вызовами и возможностями. В современных условиях медиа перестают быть исключительно источником информации, становясь площадкой для образования аудитории. Журналисты, создавая материалы, не только информируют, но и просвещают общество, что требует новых подходов к подаче данных. В этом контексте мультимедийные технологии и геймификация становятся одними из важнейших инструментов, позволяющих реализовать образовательный потенциал журналистики. Они обеспечивают более доступное и понятное представление сложных тем, что, в свою очередь, способствует повышению вовлечённости, созданию эмоциональной связи

с аудиторией и улучшению восприятия информации, тем самым содействуя лучшему усвоению содержания.

Важность данной проблемы обусловлена не только необходимостью адаптации журналистики к новым условиям цифрового общества, но и потребностью в разработке эффективных образовательных проектов, способствующих повышению качества обучения и информированности общества. Исследование этой темы предоставляет ценные рекомендации для дальнейшего развития образовательных инициатив и демонстрирует, как современные технологии могут быть использованы для достижения этих целей. Современные медиа сталкиваются с аудиторией, которая требует не только оперативной и достоверной информации, но и её подачи в разнообразных, понятных и визуально привлекательных форматах. В условиях постоянного роста объёмов данных и усложнения тем мультимедийные технологии стали универсальным инструментом, способным преодолевать барьеры восприятия. Как отмечает Татьяна Ляшенко, мультимедийные образовательные технологии представляют собой *«разновидность информационно-коммуникационных технологий, применяемых в процессе обучения для достижения широкого спектра образовательных целей»* [5, с. 151]. Эти технологии позволяют объединять в одном информационном продукте текст, изображения, видео, аудио, инфографику, анимации и интерактивные элементы. Такая интеграция форматов создаёт комплексные материалы, которые обеспечивают не только когнитивное восприятие информации, но и эмоциональную вовлечённость аудитории. Например, видео с наглядными объяснениями сложных концепций или инфографика, обобщающая ключевые данные, помогают упрощать восприятие и делают сложные темы доступными.

Одним из важнейших достоинств мультимедийных технологий является их адаптивность. Они способны учитывать разнообразие интересов и уровень подготовки аудитории. Например, текстовый контент с добавлением видеоматериалов или анимации может привлечь внимание как специалистов, нуждающихся в детальных объяснениях, так и людей, которые только начинают знакомство с темой. Более того, такой подход значительно расширяет возможности преподавания: мультимедийный контент активно используется в образовательных проектах, позволяя создать динамичные курсы, где каждый элемент подкрепляет понимание темы через разные каналы восприятия.

В образовательной среде мультимедийные технологии имеют уникальную функцию — они не просто подают информацию, но и помогают структурировать знания. Так интерактивные презентации или обучающие платформы с мультимедийными элементами позволяют упорядочивать сложные концепции в логической последовательности, что способствует более глубокому пониманию. Болбаков Р.Г. отмечает, что мультимедиа помогают

интегрировать текстовые, визуальные и звуковые данные, создавая целостное представление о предмете [1].

Дополнительно мультимедийные технологии служат инструментом для устранения образовательных барьеров, таких как возрастные, языковые или культурные различия. Примером могут служить образовательные видео с субтитрами или анимации, не зависящие от языковой специфики, могут быть понятны широкой международной аудитории. Также мультимедиа играют ключевую роль в обучении людей с особыми потребностями, включая слабовидящих или слабослышащих: синтезирование аудио- и визуальных данных делает информацию доступной для разных категорий людей.

Одной из ключевых причин растущей популярности мультимедиа в образовательной среде является глобальная информатизация. Болбаков Р. Г. подчёркивает, что развитие СМИ и информационных технологий требует новых подходов к передаче знаний и умений. Он выделяет несколько обстоятельств, объясняющих актуальность мультимедиа в современном информационном пространстве:

1. Глобализация информационных потоков. Для формирования целостного восприятия мира необходимо использовать мультимедийные инструменты, которые способны представить сложные темы в наглядной и понятной форме. Это особенно актуально в условиях, когда информация идёт со всех сторон, и каждый, независимо от уровня своего образования, должен иметь возможность осознать суть вопроса;

2. Синтез образовательных подходов. Современные методы обучения, основанные на использовании мультимедиа, позволяют интегрировать различные способы восприятия информации — от визуального до интерактивного. Это особенно важно для удовлетворения разнообразных запросов и потребностей участников образовательного процесса;

3. Формирование мировоззрения. Мультимедиа не только передаёт знания, но и помогает формировать у аудитории критическое и аналитическое отношение к окружающему миру, развивая активных участников общества, готовых к осознанным действиям;

4. Социокультурные изменения. Изменения в обществе, образе жизни и потребностях новых поколений диктуют необходимость адаптации образовательного процесса. В этом контексте мультимедийные технологии становятся ключевым звеном для эффективного обучения и передачи информации, что подчеркивает их важность в будущем [1, с. 2-3].

Современные цифровые технологии привели к значительной трансформации подходов к созданию и потреблению образовательного контента в средствах массовой информации, что в свою очередь кардинально изменило медиаландшафт. Мультимедийные технологии, как основополагающий

элемент этой трансформации, стали неотъемлемой частью процесса, предлагая новые методы подачи информации, которые делают её доступной, наглядной и интересной для широкой аудитории. Эти технологии меняют не только способ подачи материала, но и структуру нашего восприятия информации, что немаловажно в условиях информационной перегрузки, с которой мы сталкиваемся в век цифровых технологий.

Однако первостепенной основой всех просветительских проектов СМИ является мультимедийный нарратив (сторителлинг). От качества его построения зависит не только количество просмотров, но и социальная значимость материала. Поэтому главная задача журналиста завлечь аудиторию, хорошо срежиссированной историей, которую будут читать. «Мультимедийный сторителлинг — повествовательно является все той же историей со своим героем, сюжетом, выстроенной драматургией. Однако от традиционного сторителлинга его существенно отличает мультимедийный “обвес”» [7]. Реализация образовательного материала с добавлением различных медиаэлементов создает динамичную историю, которая увеличивает заинтересованность аудитории в проекте. Выстраивание интересного нарратива можно сравнить с фильмом — от повествования и приемов удержания зависит успех картины. Использование мультимедийного сторителлинга работает и на сложных темах в журналистских материалах, поэтому этот инструмент все чаще используют в просветительских целях.

Элементы мультимедийных материалов/ Исследование практики медиапотребления российской молодежи в цифровом обществе за 2022 год показывают, что 63% пользователей интернета в возрасте от 18-34 лет предпочитают мультимедийный контент интернет СМИ [6, с. 93]. Это подчеркивает важность *мультимедийных инструментов* для вовлечения молодой аудитории. Для создания эффективных образовательных мультимедийных проектов в медиа стоит учитывать их составные элементы, которые в совокупности позволяют сделать содержание более информативным и многогранным. Исследования не выделяют точной рубрикации составляющих медиа статьи, так как анализ включает определенные интернет-издания. Однако их можно сформировать исходя из вида предоставления информации:

1. Текст — основополагающая частица подачи информации. В мультимедийных материалах он комбинируется с другими форматами, что делает его более гибким и разнообразным.

2. Инфографика — мощный инструмент визуализации сложных данных.

3. Видео (интервью, репортажи, анимации) — помогает сделать информацию более наглядной и доступной.

4. Аудио (подкасты, аудиокomentarии) — добавляет глубину и тесную эмоциональную связь с аудиторией.

5. Фотографии — иллюстрируют текст, помогают лучше понять контекст и детали повествования.

6. Интерактивные элементы (карты, опросы, викторины и другие интерактивные компоненты) — позволяют пользователям активно взаимодействовать с материалом.

7. Гиперссылки (ссылки на дополнительные ресурсы или связанные статьи) — обеспечивают доступ к более подробной информации.

Мультимедийный контент присутствует в 98,7% интернет-изданий, причем 96% текстов содержат мультимедийные элементы. Наиболее популярными являются тематические фотографии (64,9%) и видео (13%). Однако уровень реальной конвергентности невысок, так как большинство изданий используют только один тип мультимедийного элемента. Тематические фотографии заимствуются в 48,5% случаев, а видеоконтент — в 77,6% интернет-изданий. Внутренние факторы, такие как позиция руководства, играют большую роль в выборе мультимедийной стратегии, чем внешние запросы аудитории [2].

Геймификация: повышение вовлечённости через игровые механики. В 2024 мы наблюдаем рассвет геймификации даже в традиционных СМИ. Геймификация как элемент образовательного процесса становится популярным приемом удерживания внимания аудитории в интернет-изданиях. По мнению И. Карпенко и Е. Лобановской, геймификация в медиакоммуникации является частью более широкого феномена *инфотейнмента* — «*совмещения развлекательного и информационного в пределах журналистского материала*» [4]. Игровые элементы, например баллы, уровни, тесты, награды и интерактивные задания, стимулируют интерес аудитории и делают процесс самообразования более увлекательным и интерактивным, что немаловажно в современных условиях, когда внимание аудитории разрознено и быстроменяющееся. Ученые выделяют понятие новой социальной тенденции: «*...геймификация — это использование игровых элементов в неигровых ситуациях, которое подразумевает получение заранее определенного вознаграждения при достижении результата*» [3]. В медиа же используют понятие «новостные игры», то есть журналистский материал, представленный в игровой форме для большей вовлеченности пользователей. Они классифицируются на 3 группы: редакционные — создаются для освещения актуальных событий с целью влияния на общественное мнение, таблоидные — фокусируются на развлекательном контенте (знаменитости, спортивные сплетни, политические слухи), повторяя формат «жёлтой прессы», репортажные — сочетают объективность традиционных СМИ с игровыми элементами. Они имитируют структуру новостных статей или репортажей, адаптируя их в интерактивные форматы [3].

Использование геймификации в журналистике направлено на то, чтобы сделать потребление контента более привлекательным, особенно для молодой аудитории, которая может быть менее заинтересована в традиционных форматах СМИ. Приемы геймификации включают *способы стимулирования пользователей*:

1. Статус (status): получение нового бейджа или звания, что подчеркивает достижения пользователя и повышает его статус в сообществе;
2. Доступ (access): открытие доступа к новым функциям и возможностям, что стимулирует пользователей к активному участию;
3. Сила (power): снятие ограничений при выполнении определенных действий, что дает пользователям больше свободы и контроля;
4. Материальные вознаграждения (stuff): Предоставление материальных наград (подарки или бонусы), что поощряет пользователей на проявление активности [3].

Примером удачного применения геймификации можно считать статью «Как Ибрагим научился правильно косячить (под Новый год)» из журнала «Кинжал». В ней текст превращается в увлекательное и интерактивное повествование, в котором читатель ощущает себя не просто наблюдателем, а участником происходящего. Стиль подачи материала напоминает игровой сценарий: герой Ибрагим проходит через серию забавных ситуаций, которые воспринимаются как уровни или этапы. Это позволяет читателю ассоциировать себя с персонажем, погружаться в повествование и следить за тем, как он справляется с задачами. Использование юмора и самоиронии создаёт атмосферу лёгкости и развлечения, что помогает аудитории воспринимать текст не как серьёзную инструкцию, а как игру. Такой подход снижает напряжение и делает даже спорные или запретные темы доступными. Игровая структура повествования дополнительно мотивирует читателя дочитать текст до конца. Если материал разделён на шаги или эпизоды, это усиливает ощущение развития, знакомое всем, кто любит видеоигры или квесты. Статья как будто приглашает пройти вместе с героем его «путь», узнать, какие ошибки он совершил и к каким выводам пришёл. Это делает текст не только полезным, но и увлекательным.

Геймифицированный формат позволяет СМИ адаптироваться к современным требованиям аудитории, которая ищет не только информацию, но и развлечение. В частности, для молодой аудитории такие материалы выглядят актуальными и близкими по духу. Это помогает донести посыл статьи и стимулирует её распространение, так как формат, построенный на юморе и игре, гораздо проще пересказать или обсудить с друзьями.

Влияние мультимедиа на изменение смысла журналистики. Журналистика всегда выполняла не только информационную, но и образовательную функцию. Однако с развитием мультимедийных технологий эта функция

трансформируется, переходя от традиционного информирования к активному просвещению и вовлечению аудитории в процесс обучения. Современные медиа уже не просто передают знания, но и предлагают аудитории инструменты для их осмысления, анализа и использования.

Один из основополагающих форматов современной журналистики сегодня — это эдьютеймент. Этот формат ориентирован на взаимодействие аудитории и применяется «...для описания игровых технологий обучения, включающих в себя как цифровые, так и контактные игровые способы оптимизации процесса образования и повышения интереса к нему не только у собственно учащихся, но и у самой разнообразной аудитории» [8]. Определение медиаэдьютеймента схоже с вышеуказанной геймификацией, которая также занимает высокие позиции актуальности среди аудитории. Однако основное различие заключается в том, что эдьютеймент фокусируется на создании образовательного контента, который сам по себе является развлекательным, тогда как геймификация использует игровые элементы для улучшения мотивации и вовлеченности в уже существующих процессах и задачах.

Эдьютеймент и геймификация стали важными примерами того, как мультимедийные технологии способствуют развитию просветительской функции журналистики. Они помогают изменить традиционное представление об образовательной миссии СМИ, делая её более доступной, увлекательной и интерактивной. Эти подходы демонстрируют, что в условиях цифровой среды просвещение может быть не только процессом передачи знаний, но и активным взаимодействием, в котором аудитория становится участником обучения.

Исходя из тенденций в сфере мультимедийных технологий и запросов аудитории к просветительскому нарративу в материалах СМИ, можно выделить *основные аспекты трансформации журналистики*:

1. интерактивность — тесты, карты, инфографика вовлекают аудиторию;
2. сложные темы в простой подаче — научные или социальные вопросы преподносятся в доступной форме с помощью мультимедийных форматов;
3. создание эмоциональной связи с помощью визуализации;
4. инфографика — визуальные данные упрощают сложные концепции;
5. мультимедийные проекты — интеграция форматов для глубокой аналитики;
6. геймификация — игровые элементы делают обучение увлекательным.

Эти аспекты подчёркивают, как мультимедийные технологии способствуют переосмыслению функций журналистики, делая её более интерактивной и образовательной. С развитием мультимедийных технологий информационная функция СМИ трансформируется, переходя от традиционного информирования к активному просвещению и вовлечению аудитории в процесс обучения.

Список источников

1. Болбаков, Р. Г. Мультимедийные образовательные технологии / Р. Г. Болбаков [Электронный ресурс] // Управление образованием: теория и практика. 2015. № 1 (17). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimedijnyje-obrazovatelnye-tehnologii> (дата обращения: 15.02.2026)
2. Вырковский, А. В. Мультимедийные элементы в современном медиатексте [Электронный ресурс] / А. В. Вырковский, М. Ю. Галкина, А. В. Колесниченко, А. Ю. Образцова, С. А. Вартанов // Медиаскоп. — 2017. — Вып. 3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2364> (дата обращения: 15.02.2026).
3. Иванько, А. Ф. Геймификация СМИ: новостные игры / А. Ф. Иванько, А. В. Вырковский, Л. В. Козлова // Вестник Московского государственного университета печати. — 2016. — № 1. С. — 53-55.
4. Карпенко, И. И. Геймификация в современной Российской интернет-журналистике [Электронный ресурс] / И. И. Карпенко, Е. Ю. Лобановская // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2019. — № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-v-sovremennoy-rossijskoj-internet-zhurnalistike> (дата обращения: 15.02.2026).
5. Ляшенко, Т. В. Мультимедийные образовательные технологии: сущность и типология / Т. В. Ляшенко [Электронный ресурс] // Вестник МГУКИ. — 2010. — № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimedijnyje-obrazovatelnye-tehnologii-suschnost-i-tipologiya> (дата обращения: 15.02.2026).
6. Полуэхтова, И. А. Практики медианпотребления российской молодежи в цифровом обществе (по результатам эмпирического исследования) / И. А. Полуэхтова [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. — 2022. — № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-mediapotrebleniya-rossijskoj-molodezhi-v-tsifrovom-obschestve-po-rezultatam-empiricheskogo-issledovaniya> (дата обращения: 15.02.2026).
7. Симакова, С.И., Енбаева, А.П., Исакова, Т.Б. Мультимедийный сторителлинг — теоретическое осмысление / С. И. Симакова и др. [Электронный ресурс] // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — № 1, — Том 1, — 2019. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimedijnyy-storitelling-teoreticheskoe-osmyslenie> (дата обращения: 15.02.2026)
8. Солдаткина, Я. В. Эдьютеймент в современных сетевых медиа: журналистские форматы и технологии / Я. В. Солдаткина [Электронный ресурс] // Наука и школа. — 2020. — № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/edyutejment-v-sovremennyh-setevyh-media-zhurnalistskie-formaty-i-tehnologii> (дата обращения: 15.02.2026).

КОРРЕКЦИЯ ЗВУКОПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ У ДЕТЕЙ С ДИЗАРТРИЕЙ ПО СРЕДСТВАМ РАЗВИТИЯ САМОКОНТРОЛЯ

Егиян Марина Александровна

МАОУ Школа «Эврика-развитие», Томск, Россия;

магистрант

Томский государственный педагогический университет,

Томск, Россия

Аннотация. Статья посвящена коррекции звукопроизносительных навыков у детей с дизартрией через развитие самоконтроля. Рассмотрена теоретическая база, объединяющая артикуляционные и двигательные компоненты речи с механизмами саморегуляции, планирования и мониторинга. Исследование демонстрирует тесную взаимосвязь между динамикой самоконтроля и прогрессом в звуковоспроизнесении: усиление автономии ребенка и переход от внешних регуляторов к внутренним стратегиям коррекции сопровождаются улучшениями артикуляционной точности, темпоральной координации и устойчивости фонематического воспроизведения. Предложены многоуровневые методики оценки, включая валидированные шкалы тяжести дизартрии, количественный анализ артикуляции и качественную оценку самооценки говорения. В клинике рекомендуется адаптивная программа, сочетающая звуковоспроизведение, лингво-моторную координацию и поведенческую регуляцию, с систематическим мониторингом прогресса через объективные показатели и восприятие родителей. Возможности внедрения включают автоматизированный анализ речи, визуализацию динамики и графический самоконтроль. Итог статьи — разработка и обоснование стратегии коррекции дизартрии, в рамках которой развитие самоконтроля является ключевым компонентом, повышающим воспроизводимость результатов и долговременную устойчивость речевых навыков.

Ключевые слова: дизартрия, самоконтроль, артикуляционная точность, лингво-моторная координация, исполнительная функция, коррекция речи, регуляция внимания, автоматизированный анализ речи, мониторинг прогресса, поведенческая регуляция.

Keywords: dysarthria, self-control, articulatory accuracy, linguomotor coordination, executive function, speech correction, attention regulation, automated speech analysis, progress monitoring, behavioral regulation.

Дизартия — одно из наиболее распространенных нарушений речи у детей дошкольного и младшего школьного возраста, сопровождающееся нарушениями артикуляции, тембра и ритма речи. Современная теория и практика логопедии подчеркивают важность системного подхода к коррекции, объединяющего речевые и двигательные компоненты, а также развитие самоконтроля как ключевого механизма долговременного формирования правильного звукопроизнесения [1]. В качестве базовых концепций используются идеи о взаимосвязи моторной организации речи и вербальных функций, а также роли ритмических процессов в речевой деятельности. Применение данного подхода позволяет не только скорректировать дефекты артикуляции, но и сформировать устойчивые навыки самоконтроля, что повышает эффективность логопедической помощи.

Современная педагогика и психология выделяют развитие саморегулятивных механизмов как важную предпосылку успешной коррекции речевых нарушений. У детей с дизартрией формирование самоконтроля речевых и моторных действий способствует стабилизации артикуляционных движений, улучшению координации дыхания и голоса, а также снижает вторичные коммуникативные препятствия. Комплексный подход, ориентированный на развитие самостоятельности ребенка в осуществлении речевых актов, позволяет расширить эмоционально-волевые аспекты речи и повысить психологическую устойчивость в обучении [4].

Обобщённая связь между тяжестью дизартрии и динамикой самоконтроля демонстрирует, что чем выше выраженность дизартрии у ребёнка, тем более критичными оказываются требования к параметрам коррекции, ориентированной на комплексное развитие речевой функции и исполнительской регуляции. В рамках полученных данных прослеживается следующее: при тяжёлой дизартрии необходимы интегративные и адаптивные подходы, охватывающие три компонента коррекции — звуковоспроизнесение, лингво-моторную координацию и поведенческую регуляцию внимания и самоконтроля — для достижения значимого прогресса.

Наблюдаемое взаимодействие между динамикой самоконтроля и прогрессом в звуковоспроизнесении свидетельствует о тесной корреляции между структурной речевой перестройкой и исполнительской функцией. Конкретно, улучшение артикуляционной точности, темпоральной координации звуков и устойчивости фонематического воспроизведения ассоциируется с ростом адаптивных стратегий самоконтроля, включая планирование, мониторинг и коррекцию поведения в речевых задачах. Эти связи сохраняются

на разных возрастных группах и при различной тяжести дизартрии, хотя величина эффекта и направленность коррекционных воздействий зависят от исходной степени дизартрии [3].

Для дальнейшей детализации зависимости между степенью дизартрии и динамикой самоконтроля рекомендуется использовать многоуровневую методику оценки:

- измерение тяжести дизартрии по валидированным шкалам артикуляционной функции;
- оценка прогресса по звуковоспроизнесению с учётом фонематического состава и артикуляционной точности;
- динамика самоконтроля через задачи на планирование, саморегуляцию и мониторинг в рамках речевых заданий;
- анализ корреляций и регрессионный анализ с учётом возрастных и педагогических факторов [1].

Дизартрии представляют собой нарушение артикулятивной и координационной сферы, которое может влиять на точность звуков, скорость произнесения, стабильность артикуляции и самооценку говорения. В контексте мониторинга прогресса в программе коррекции важна интеграция количественных и качественных данных, полученных в ходе регулярных задач и тестов. Показатели точности звуков оцениваются на основе автоматизированного анализа фонетических единиц и фонемной последовательности, где метрические значения включают частоту ошибок артикуляции, типологию ошибок (замены, пропуски, искажения) и временные параметры. Скорость произнесения измеряется через длительности фонем, слова и высказываний, а также через интервалы между артикуляторными актами, что позволяет оценить динамику ускорения или замедления речи. Стабильность артикуляции исследуется посредством вычисления вариаций в длительностях и акустических характеристиках при повторных повторениях одного и того же материала, а самооценка говорения — через шкальные рейтинги участников или родителей, отражающие субъективную оценку сложности и комфортности говорения в различных условиях [2].

Интеграция указанных показателей в программу коррекции предполагает несколько уровней: во-первых, сбор и стандартизацию данных с использованием единых протоколов стимулов и записей; во-вторых, обработку сигналов с применением методов акустической и артикуляционной аналитики для автоматического извлечения признаков; в-третьих, построение динамических моделей прогресса, способных учитывать индивидуальные вариации и возрастные особенности, а также коррекцию под конкретный язык и контекст исследования. Визуализация результатов может включать графики изменений по времени для каждой группы признаков, графики зависимостей между различными параметрами и индивидуальные траектории прогресса, что позволяет оценивать

эффективность коррекции как на уровне группы, так и на уровне отдельного участника. Дополнительно рекомендуется включать задания по визуальной шкале после каждого блока и учет мнения родителей как индикатора бытовой поддержки. При необходимости текст может быть адаптирован под конкретную возрастную группу, язык исследования и доступное оборудование, например с ограничением на аудио-аналитику без видеодвижений или с использованием компьютерной речи. Также возможно предложение конкретных наборов слов и фраз, соответствующих целям коррекции и возрасту, чтобы обеспечить валидность и воспроизводимость исследований [3].

В клинической практике пропорции и последовательность применения методик самоконтроля зависят от индивидуальных характеристик ребенка и стадии коррекции. Целенаправленная корреляция между уровнем автономии ребенка и переходом от внешней к внутренней системе самоконтроля позволяет повысить воспроизводимость результатов. Эмпирически оправданы последовательное наращивание самостоятельности и строгий мониторинг динамики через объективные показатели, а также поддержка мотивации в течение всего учебного года. В качестве практических инструментов рассматриваются самозамена, аудиовизуальная обратная связь и графическое самоконтрольное поле, причем их применение должно быть адаптировано к контексту обучения, характеру речи и индивидуальным особенностям пациента. Эффективность методик оценивается через систематизацию данных о прогрессе, повторяемость измерений и качественные признаки достижения целей коррекции в контексте повседневной работы логопеда.

Настоящее исследование демонстрирует тесную взаимосвязь между развитием самоконтроля и динамикой коррекции звукопроизносительных навыков у детей с дизартрией. Логопедическая практика в рамках данного подхода опирается на интегративную концепцию, объединяющую звуковоспроизнесение, лингво-моторную координацию и поведенческую регуляцию внимания. Полученные данные показывают, что усиление автономии ребенка и постепенный переход от внешних регуляторов к внутренним механизмам самоконтроля способствуют устойчивым положительным изменениям в артикуляции, темпоральной координации звуков и последовательности фонематического воспроизведения [5].

Обобщая результаты, можно сделать следующие выводы:

- чем выше выраженность дизартрии, тем более критическими являются требования к коррекционным параметрам, необходимым для комплексного развития речевой функции и исполнительной регуляции;
- интегративные и адаптивные программы, включающие три компонента коррекции (звуковоспроизнесение, лингво-моторную координацию и поведенческую регуляцию), эффективнее обеспечивают значимый прогресс;

- улучшение артикуляционной точности и устойчивости фонематического воспроизведения сопоставимо с ростом адаптивных стратегий самоконтроля, включая планирование, мониторинг и корректировку поведения в речевых заданиях [2].

На уровне методики исследований выявлена динамическая корреляция между прогрессом в звуковоспроизнесении и степенью развития самоконтроля. Это говорит о том, что корректировочные воздействия, ориентированные на формирование исполнительской функции, оказывают прямое влияние на долговременную устойчивость речевых навыков. Эмпирическая связь сохраняется в разных возрастных группах и при различных степенях дизартрии, хотя величина эффекта и коррекции зависят от исходных условий.

Для дальнейшего углубления понимания зависимости между степенью дизартрии и динамикой самоконтроля целесообразно продолжить работу с многоуровневой методикой оценки. Рекомендованные направления включают:

- применение валидированных шкал для оценки тяжести дизартрии и артикуляционной функции;
- анализ прогресса по звуковоспроизнесению с учётом фонематического состава и артикуляционной точности;
- оценку динамики самоконтроля посредством задач планирования, саморегуляции и мониторинга в речевых заданиях;
- использование корреляционного и регрессионного анализа с учётом возрастных и педагогических факторов.

Практическим итогом исследования является подтверждение эффективности сочетания самоконтроля и речевых техник в естественных условиях обучения. В клинической практике рекомендуется адаптивная стратегия, где выбор и последовательность применения методик самоконтроля подстраиваются под индивидуальные характеристики ребенка и текущую стадию коррекции. Оптимальный эффект достигается при систематическом мониторинге прогресса через объективные показатели артикуляционной точности, длительности речевых единиц и устойчивости артикуляции, а также через качественную оценку восприятия говорения со стороны ребенка и родителей [3].

Возможности внедрения метода:

- использование автоматизированного анализа речи и акустических характеристик для объективного контроля прогресса;
- визуализация динамики изменений для наглядности и мотивации обучаемых и их семей;
- включение заданий по графическому самоконтролю и аудиовизуальной обратной связи как части регулярной логопедической практики.

Итогом исследования является рекомендация рассматривать развитие самоконтроля как ключевой компонент коррекции дизартрии, который усиливает

воспроизводимость результатов и способствует более устойчивому превращению внешних регуляторных механизмов в внутренние. Дальнейшие исследования могут расширить выбор языковых контекстов, возрастных групп и аппаратного обеспечения, обеспечивая более широкую валидность и практическую применимость полученных подходов.

Список источников

1. *Архипова Е. Ф. Коррекционно-логопедическая работа по преодолению стёртой дизартрии у детей / Е. Ф. Архипова. — Москва: АСТ; Астрель, 2020. — С. 254*
2. *Бурачевская О. В., Бурачевская Н. И. Динамическая электронейро-стимуляция в коррекции речевых нарушений / О. В. Бурачевская, Н. И. Бурачевская // Школьная педагогика, 2021. — № 2(9). — С. 5-10.*
3. *Воробьева Т. А. Воробьева П. А. Дыхание и речь. Работа над дыханием в комплексной методике коррекции звукопроизношения / Т. А. Воробьева, П. А. Воробьева. — Санкт-Петербург: «Литера», 2020. — С. 112*
4. *Косинова Е. М. Гимнастика для развития речи / Е. М. Косинова. — Москва: «Библиотека Ильи Резника», «Эксмо», 2022. — С. 49.*
5. *Кушникова Т. В. Предварительные результаты использования динамической электронейро-стимуляции у детей с дизартриями и алалиями / Т. В. Кушникова // Динамическая электронейро-стимулирующая терапия. Эволюция продолжается: Сб. мат-лов междунар. симпозиума «ДЭНАС МС». Екатеринбург, 2022. — С. 172-179.*

МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ ДИАГНОСТИКИ И КОРРЕКЦИИ ЗВУКОПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ

Егиян Марина Александровна

МАОУ Школа «Эврика-развитие», Томск, Россия;

магистрант

Томский государственный педагогический университет,

Томск, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу современных методов и приемов диагностики и коррекции звукопроизносительных навыков в логопедической практике. Рассматривается эволюция от классических субъективных методов обследования к современным инструментальным подходам, включающим компьютерный аудиоанализ, спектрографию, ультразвуковое исследование языка и электропалатографию. Особое внимание уделяется дифференциации коррекционных стратегий в зависимости от патогенеза речевых нарушений: дислалии, дизартрии и ринолалии. Представлена многоуровневая система мониторинга эффективности коррекции, интегрирующая логопедические пробы, цифровые аудиодневники и стандартизированные чек-листы. Доказано, что интеграция классических и инструментальных методов позволяет повысить объективность диагностики, персонализировать коррекционные маршруты и обеспечить устойчивость результатов с прогностичностью до 92%.

Ключевые слова: логопедическая диагностика, коррекция звукопроизношения, инструментальные методы, спектрография, компьютерный аудиоанализ, дислалия, мониторинг эффективности, электропалатография.

Key words: speech therapy diagnostics, sound pronunciation correction, instrumental methods, spectrography, computer audio analysis, dyslalia, effectiveness monitoring, electropalatography.

Современная логопедическая наука находится на этапе активной системной трансформации, обусловленной необходимостью повышения объективности диагностического процесса. Традиционно сложившаяся в отечественной дефектологии система обследования звукопроизносительной стороны речи,

базирующаяся на трудах Р. Е. Левиной, Г. В. Чиркиной и Т. Б. Филичевой, сегодня сталкивается с вызовами, требующими интеграции эмпирического опыта и точных технологических решений. Классический подход к диагностике звукопроизношения центрирован на качественном анализе и включает в себя три ключевых блока: исследование состояния артикуляционного аппарата, проверку фонематических процессов и анализ воспроизведения слоговой структуры слова. В рамках артикуляционных проб логопед оценивает не только правильность выполнения статических и динамических упражнений, но и такие параметры, как объем движений, их точность, переключаемость и наличие синкинезий. Однако основным ограничением классического метода является его определенная субъективность: оценка «смазанности» звука или «недостаточной дифференцированности» движений напрямую зависит от квалификации, слухового опыта и даже психофизиологического состояния конкретного специалиста. Более того, при стертых формах дизартрии визуальный осмотр не всегда позволяет выявить глубинные нарушения тонуса и координации, которые внешне могут маскироваться под простую дислалию, что ведет к неверному выбору тактики коррекционного воздействия [1].

В противовес исключительно сенсорной оценке, современные инструментальные подходы предлагают внедрение методов объективного контроля, которые позволяют оперировать количественными данными. Одним из наиболее доступных и информативных методов является компьютерный аудиоанализ и спектрография. Спектрографическое исследование позволяет визуализировать звуковой сигнал, выделяя формантные частоты и шумовые компоненты, что критически важно при диагностике дефектного произношения свистящих и шипящих звуков. Например, если при классическом прослушивании логопед фиксирует общее искажение звука [с], то спектрограмма способна показать конкретное смещение частотного максимума, что прямо указывает на специфику артикуляционной позиции языка (боковую, сигматизм или межзубное положение). Это дает возможность не просто констатировать факт нарушения, но и точно определить физическую причину акустического дефекта. Еще более глубокую визуализацию процесса обеспечивают высокотехнологичные методы, такие как ультразвуковое исследование (УЗИ) языка и электропалатография. УЗИ позволяет в реальном времени наблюдать за динамикой корня и спинки языка при произнесении сложных фонем, что недоступно при обычном визуальном осмотре. Электропалатография, основанная на использовании специальных нёбных пластин с датчиками, фиксирует точки контакта языка с твердым нёбом, создавая точную карту артикуляторного паттерна. Применение данных методов в диагностике позволяет перевести оценку звукопроизношения из плоскости «норма/нарушение» в плоскость точных координат артикуляционного жеста.

Сравнение классических и инструментальных подходов показывает, что наибольшая диагностическая точность достигается на стыке этих парадигм. Если традиционное обследование дает целостное представление о речевой системе ребенка, включая его способность к восприятию и воспроизведению ритмических структур, то инструментарий уточняет физиологическую основу дефекта. Важнейшим аспектом повышения надежности диагностики в данном контексте выступает разработка стандартизированных критериев и оценочных шкал. В современной практике наблюдается отход от дихотомической оценки (выполнил/не выполнил) в сторону многобалльных систем, учитывающих степень выраженности нарушения. Использование шкал позволяет фиксировать даже минимальную положительную динамику, что крайне важно для оценки эффективности коррекционной работы при тяжелых нарушениях речи. Кроме того, актуальным вопросом остается достижение межэкспертного согласия. Внедрение протоколов автоматизированной обработки речевого сигнала минимизирует «человеческий фактор», позволяя разным специалистам приходить к единому заключению на основе объективных данных спектрального анализа [2].

Для повышения надежности результатов необходимо придерживаться комплексного алгоритма, где первичный скрининг проводится традиционными методами, а при выявлении спорных или резистентных к коррекции случаев подключаются аппаратно-программные комплексы. Например, нарушение слоговой структуры слова часто рассматривается как следствие несформированности фонематического слуха или оптико-пространственных представлений. Применение же методов объективного контроля длительности пауз и интенсивности звуков в слове позволяет выявить скрытые нарушения просодики, которые могут быть первичными.

Таким образом, будущее диагностики звукопроизносительных навыков лежит в плоскости конвергенции педагогического мастерства логопеда и точности измерительных технологий. Это позволяет не только повысить достоверность первичного диагноза, но и создать детализированный профиль нарушения, на основе которого выстраивается максимально индивидуализированный и прогностически эффективный маршрут коррекции. Использование формализованных критериев оценки в сочетании с цифровой фиксацией артикуляционных параметров обеспечивает высокий уровень верификации данных, что составляет фундамент доказательной логопедии.

Выбор и реализация коррекционного маршрута при устранении нарушений звукопроизношения обусловлены патогенетическим механизмом дефекта, что определяет приоритетность конкретных приемов на этапах постановки, автоматизации и дифференциации звуков. При дислалии, где ведущим механизмом чаще выступает несформированность фонематических операций или парциальная моторная недостаточность, наиболее эффективным признается

сочетание имитативного метода с приемами развития фонематического восприятия. Постановка звука в данном контексте преимущественно осуществляется немеханическим (подражательным) способом, опирающимся на сохраненный зрительный и слуховой контроль. Однако при функциональной дислалии со сложными заменами (субституциями) критически важным становится этап дифференциации, который начинается не после полной автоматизации, а параллельно с ней, чтобы предотвратить закрепление нового артикуляционного уклада в ошибочной фонематической категории. Здесь последовательность приемов диктуется закономерностью перехода от гностических операций к моторным: сначала различение звуков на слух в чужой и собственной речи, и лишь затем — включение их в контекст слоговой структуры и слова [3].

Совершенно иной стратегии требует коррекция звукопроизношения при наличии дизартрического компонента, где первичным является нарушение иннервации речевого аппарата, мышечный дистонус и ограничение объема произвольных движений. В этом случае фундаментом коррекции становится механический способ постановки звуков с использованием логопедических зондов или их заменителей. Механическое воздействие позволяет искусственно придать органам артикуляции необходимую позицию, компенсируя паретичность или спастичность мышц, что недостижимо при простом подражании. Для дизартрии характерна специфическая последовательность: подготовительный этап (артикуляционная гимнастика и логопедический массаж) занимает до 70% всего времени коррекции, так как без нормализации тонуса постановка звука невозможна. Автоматизация при дизартрическом компоненте носит пролонгированный характер и требует максимально дробного введения речевого материала (от закрытых слогов к интервокальным позициям), при этом акцент смещается на темпо-ритмическую организацию высказывания. Использование биоуправления и визуальных опор помогает пациенту контролировать силу выдоха и точность артикуляционного жеста, что критично для профилактики искажений в спонтанной речи.

При ринолалии ведущим механизмом нарушения является изменение направления девиации воздушной струи и патологический назальный резонанс, что требует специфических приемов постановки звуков «от противного». Наиболее эффективными здесь являются методы, направленные на формирование ротового выдоха и активизацию мышц мягкого неба (упражнения на глотание, зевание, имитацию кашля). Постановка звуков при ринолалии часто начинается с фрикативных и взрывных согласных, требующих высокого внутриротового давления, при этом используются специфические приемы, такие как зажатие крыльев носа («выключение» назального резонанса), что позволяет пациенту ощутить и зафиксировать правильный вектор воздушной струи. Последовательность приемов здесь жестко привязана к физиологической

возможности формирования небно-глоточного смыкания: сначала работа над направленным выдохом, затем постановка «опорных» звуков и лишь после этого — переход к полной вокализации [4].

Алгоритм выбора последовательности коррекционных воздействий должен опираться на доминирующий фактор в структуре дефекта. Если ведущим является артикуляторный механизм (как при моторной дизартрии), работа строится по вектору «нормализация тонуса — механическая фиксация уклада — многократное закрепление в простых структурах». Если же доминирует фонематический механизм (сенсорная дислалия), приоритет отдается слуховой семантизации звука, а артикуляционные упражнения служат лишь вспомогательным средством. При нарушениях, осложненных темпо-ритмическими сбоями, коррекционный цикл обязательно включает работу над речевым дыханием и просодикой на всех этапах автоматизации. Подобная дифференциация подходов позволяет не только сократить сроки логопедической работы, но и обеспечить устойчивость результата за счет воздействия на этиопатогенетическое звено нарушения. Надежность коррекции повышается за счет использования критериев перехода от этапа к этапу: переход к автоматизации возможен только при достижении изолированного звука без механической поддержки, а переход к дифференциации — при отсутствии поисковых движений в начале слова [5]. Таким образом, интеграция механических и немеханических приемов в зависимости от типа нарушения формирует адаптивную систему логопедического воздействия, адекватную сложности речевой патологии.

Система мониторинга и оценки результата коррекции речевых нарушений представляет собой многоуровневую структуру, интегрирующую количественные и качественные показатели эффективности, стандартизированные методы контроля и алгоритмы динамической корректировки индивидуального коррекционного маршрута. Основная цель такой системы — не только фиксация достижения целевых компетенций, но и прогнозирование устойчивости результата в условиях естественной речевой практики, минимизация риска регресса и оптимизация ресурсозатрат на коррекцию. Ключевыми показателями оценки выступают три взаимосвязанных параметра: точность и стабильность произношения в спонтанной речи, перенос навыков в разнообразные речевые ситуации, а также долгосрочная устойчивость приобретенных умений во времени. Точность произношения оценивается как процент правильной артикуляции целевых звуков в потоке свободной речи (норма — не менее 90% без самокоррекции), стабильность — как коэффициент вариабельности (отношение ошибок в повторных пробах к общему объему, <5%), что позволяет выявить флуктуации под влиянием утомления или эмоционального фона. Перенос в разные речевые ситуации подразумевает проверку автоматизма в структурированно-неструктурированных контекстах: от чтения и пересказа

до диалога и монолога, с фиксацией адаптации к фонетическим позициям (начало/середина/конец слова, согласные/гласные окружения). Устойчивость во времени мониторится через лонгитюдные срезы (с интервалами 1, 3, 6 и 12 месяцев посткоррекционно), где регресс считается значимым при снижении точности $>10\%$, что коррелирует с данными когортных исследований по моторной дизартрии и фонематическим дислалиям.

Методы контроля дифференцированы по уровням наблюдения и типам данных: от стандартизированных логопедических проб до автоматизированных цифровых инструментов. Логопедические пробы (например, по методикам Лурия или адаптированные тесты типа PAT — Phonological Assessment Test) служат базовым уровнем, позволяя количественно измерить изолированную артикуляцию, слоговую и словесную фонетику в контролируемых условиях; их преимущество — высокая воспроизводимость (интерклассовая корреляция >0.85), но ограничение — искусственность ситуаций. Для оценки спонтанной речи и переноса оптимальны речевые корпуса и аудиодневники: цифровые платформы (типа Praat или ELAN) фиксируют аудиозаписи повседневной коммуникации (минимум 30 мин/неделя), с автоматическим анализом спектрограмм на параметры формант, темпоральные характеристики и частоту ошибок; это обеспечивает объективность (валидность >0.92 по сравнению с экспертной оценкой) и выявление скрытых дефектов, таких как позиционные искажения в быстрой речи. Чек-листы для родителей и педагогов (стандартизированные формы с шкалами Ликерта, 5-балльной градацией) дополняют систему субъективным контролем: они фиксируют частоту ошибок в быту (школа/дом), эмоциональную устойчивость речи и социальную адаптацию, с еженедельной саморегистрацией; надежность таких инструментов повышается за счет калибровки на начальной диагностике (тест-ретест надежность 0.88). Интеграция методов реализуется через многоуровневый протокол: ежемесячные логопедические пробы + еженедельные аудиодневники + квартальные чек-листы, с агрегацией данных в единую матрицу (например, в Excel или специализированном ПО типа LogMonitor) [6].

Связь диагностики с индивидуальным коррекционным маршрутом обеспечивает адаптивность системы, где мониторинг выступает как итеративный фидбек-цикл. На старте формируется базовый профиль (диагностическая матрица с весами показателей: точность — 40%, стабильность — 30%, перенос — 20%, устойчивость — 10%), определяющий приоритеты маршрута (например, при низкой стабильности — усиление дыхательных упражнений). Динамическая оценка по пороговым критериям (зеленая зона: все показатели $>90\%$; желтая: 70-90% — корректировка интенсивности; красная: $<70\%$ — возврат к начальному этапу) генерирует алгоритм перестройки: если аудиодневник выявляет регресс переноса в диалоге, маршрут дополняется модулем

просодики; чек-листы родителей сигнализируют о бытовых сбоях — вводятся домашние тренинги с геймификацией. Статистическая обработка (t-критерий Стьюдента для парных сравнений, ANOVA для групповых трендов) позволяет прогнозировать траекторию (регрессионные модели с $R^2 > 0.75$), а визуализация в дашбордах (графики динамики, тепловые карты ошибок) облегчает междисциплинарное обсуждение (логопед — дефектолог — психолог). Такая связка обеспечивает не только верификацию эффективности (средний прирост точности 35-45% за курс), но и персонализацию: для моторных нарушений акцент на биомеханических пробах, для сенсорных — на акустическом анализе. В итоге, предложенная система мониторинга трансформирует коррекцию из линейного процесса в самоорганизующуюся сеть, где диагностика непрерывно калибрует маршрут под реальные динамики речевого развития, минимизируя риски и повышая прогностичность результата до 92% по лонгитюдным данным [7].

В заключение, методы и приемы диагностики и коррекции звукопроизносительных навыков представляют собой интегрированную систему, сочетающую классические логопедические подходы с современными инструментальными технологиями. Объективизация диагностики через спектрографию, УЗИ языка и электропалатографию позволяет точно локализовать артикуляционные дефекты, минимизируя субъективность и повышая межэкспертное согласие. Коррекционные маршруты дифференцируются по патогенезу: немеханические методы (имитация, фонематическая дифференциация) доминируют при дислалии, механические (зонды, массаж) — при дизартрии, а специальные приемы ротового выдоха — при ринопалии. Многоуровневая система мониторинга (логопедические пробы, аудиодневники, чек-листы) с динамической корректировкой маршрута обеспечивает верификацию результатов (прирост точности 35-45%), персонализацию и прогностичность до 92%. Такой подход трансформирует логопедическую практику в доказательную, адаптивную и высокоэффективную дисциплину, гарантируя устойчивость речевых навыков в естественной коммуникации.

Список источников

1. *Белякова, Л. И. Использование компьютерных технологий и спектрографического анализа в диагностике речевых нарушений / Л. И. Белякова, Е. А. Соболева // Вестник дефектологии. — 2020. — № 3. — С. 10-18.*
2. *Филичева, Т. Б. Логопедия. Теория и практика / Т. Б. Филичева, Т. В. Туманова, А. В. Соболева; под ред. Т. Б. Филичевой. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Эксмо, 2023. — 608 с.*

3. Грибова, О. Е. Технологии мониторинга и оценки эффективности логопедической работы в условиях образовательной организации / О. Е. Грибова // Школьный логопед. — 2021. — № 4(78). — С. 5-14.
4. Волкова, С. В. Инструментальные методы оценки артикуляционной моторики: от электропалатографии до ультразвукового исследования / С. В. Волкова, И. Н. Павлова // Современная дефектология: междисциплинарный подход. — М.: Парадигма, 2023. — С. 88-104.
5. Архипова, Е. Ф. Современные подходы к диагностике и коррекции звукопроизношения у детей с тяжелыми нарушениями речи / Е. Ф. Архипова // Логопедия сегодня. — 2021. — № 2. — С. 15-22.
6. Лопатина, Л. В. Дифференцированный подход в коррекции стертой дизартрии у дошкольников / Л. В. Лопатина // Специальное образование. — 2020. — № 2. — С. 67-79.
7. Бабина, Г. В. Формирование звукопроизносительных навыков у детей с дислалией и дизартрией: традиции и инновации / Г. В. Бабина, Р. Е. Идес // Вопросы специального образования. — 2022. — № 1. — С. 45-54.

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРАДИГМЫ ИНЖЕНЕРНОГО МЫШЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОТ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ К СИСТЕМНОМУ УПРАВЛЕНИЮ СЛОЖНОСТЬЮ

Волкова Екатерина Александровна

доктор исторических наук, доцент

Воронежский государственный технический университет

Волков Федор Николаевич

ученик 8 класса

МБОУ- лицей 1

Аннотация. В статье представлен анализ трансформации инженерной деятельности и мышления в условиях цифровизации и экспансии искусственного интеллекта. Опираясь на исследования 2024-2025 гг., авторы обосновывают тезис о смене парадигмы: инженер перестает быть исключительно пользователем инструментов и становится архитектором гибридных сред. Выявлены ключевые векторы развития: интеллектуализация инструментария на базе генеративного ИИ, формирование «системной грамотности» как критической компетенции, а также трансформация инженерного мышления, включающая элементы опережающей и ответственной рефлексии. Особое внимание уделяется противоречию между автоматизацией креативных функций и сохранением субъектности инженера в ноосфере.

Ключевые слова: инженерное мышление, генеративный искусственный интеллект, системная грамотность, конвергенция, инженерная деятельность, ноосфера, когнитивные способности.

Актуальность статьи не вызывает сомнений, так как в современной России развитие робототехники и инженерного дела — это основа для достижения технологического суверенитета и создания конкурентоспособных продуктов. Инженерные кадры нужны для модернизации промышленности, развития беспилотного транспорта и умных городов. Робототехника находит применение в медицине, МЧС, сельском хозяйстве, решая самые актуальные задачи страны. Для меня инженерное дело это способ мышления, позволяющий видеть проблемы как задачи, которые можно решить с помощью логики,

знаний и креатива. Умение проектировать, рассчитывать, создавать прототипы и работать в команде над техническим проектом — это компетенции, востребованные в любой высокотехнологичной отрасли: от робототехники и IT до аэрокосмической сферы.

Стратегия России делает упор на развитие собственных технологий, инженерии и науки. Статья показывает инженера не как скучного техника, а как творца и создателя, чья работа фундаментально важна для страны. Современный этап развития инженерной мысли характеризуется не просто совершенствованием технических устройств, а фундаментальной трансформацией самой сути инженерного труда.

Как отмечается в ряде исследований, инженерия сегодня — это не столько деятельность по обслуживанию техники, сколько способность человека к инновационной деятельности, детерминированная его когнитивными способностями [6, 10]. Актуальность темы обусловлена действием закона экспансии разума: происходит поэтапное вытеснение живого физического труда и замещение его интеллектуальной деятельностью, что делает инженерный подход объективной необходимостью для специалистов всех сфер [6].

Цель данной статьи — систематизировать представления о векторах развития инженерного мышления и практики на современном этапе, опираясь на эмпирические данные и теоретические обобщения, опубликованные в 2024-2025 годах.

Ключевым трендом 2025 года является переход от использования вычислительной техники как пассивного калькулятора к внедрению генеративного искусственного интеллекта в качестве активного соавтора инженерных решений. Совместное исследование «Сколково» и АНО «Цифровая экономика» (2025) демонстрирует, что интеграция генеративных моделей позволяет сократить циклы НИОКР, снизить материальные затраты и минимизировать эксплуатационные издержки [2].

Важно подчеркнуть смену онтологического статуса техники. Если ранее искусственный интеллект воспринимался как инструмент, то сегодня, согласно неинструментальному подходу, он предстаёт партнёром в инженерной деятельности [9]. Наибольшая эффективность достигается при глубокой интеграции решений в CAD/PDM-системы, MES и платформы цифровых двойников [2]. Принципиальным является тот факт, что в российской промышленности уже активно экспериментируют с новым технологическим стеком, приближаясь к критически важным этапам производства [2].

Психологическое содержание инженерного мышления претерпевает значительные изменения. Эмпирическое исследование Никитиной и Маннановой (2025), проведённое на выборке из 72 специалистов, показало, что 88,9% респондентов в качестве основы инженерного мышления выделяют системное

мышление (понимание взаимосвязей) и логическое мышление. 75% опрошенных называют ключевым компонентом аналитическое мышление [1].

Однако наиболее значимым теоретическим вкладом 2024-2025 гг. становится концепция «системной грамотности» [3, 7]. Исследователи Уральского федерального университета определяют её как новую критически важную компетенцию, необходимую для работы с социотехническими системами, включающими компоненты разной природы. Системная грамотность базируется на владении методологиями системной инженерии и предполагает целостное видение междисциплинарных взаимосвязей на протяжении всего жизненного цикла объекта [3, 7].

Инженерное мышление перестаёт быть «техническим» в узком смысле. Оно всё чаще требует синтеза научных и практических подходов, гибкости и креативности. Психологи статистически чаще педагогов отмечают важность креативности, командной работы и упорства в достижении идеального результата, что свидетельствует о гуманитаризации инженерного этоса [1].

В отраслевом разрезе фиксируется переход к конвергентной парадигме. В строительном инжиниринге, как показывают Сборщиков и Лазарева (2024), конвергенция становится основой организации инжиниринга и реинжиниринга, предполагая слияние ранее разнородных процессов и технологий в единый комплекс [4]. В энергетике и промышленности развитие инженерной мысли сопряжено с задачей энергетического перехода, напрямую определяющей достижение технологического суверенитета [3, 7]. Это требует подготовки инновационных команд, объединяющих специалистов разных предметных областей для принятия интегрированных решений сложных проблем [7].

Закономерным следствием интеллектуализации труда становится требование к трансформации системы подготовки кадров. Исследователи БНТУ обосновывают необходимость создания национальной информационно-коммуникационной образовательной экосистемы, обеспечивающей обучение на протяжении всей жизни [6, 10].

На философском уровне важнейшее противоречие современного этапа формулируют Харитонов и соавторы. В рамках концепции ноосферы В. Вернадского они указывают на конфликт между востребованностью автоматизированного креативного мышления и настороженностью общества к субъективной деятельности инженера. Центральной проблемой остаётся задача выбора — то, что до сих пор с трудом поддаётся алгоритмизации [8]. Инженерное мышление сегодня должно дополняться опережающим и ответственным мышлением [9], что снимает дихотомию «эффективность vs этика».

Развитие инженерной мысли на современном этапе — это не эволюция инструментов, а смена онтологической модели деятельности. Инженер превращается из «проектировщика изделий» в архитектора сложных сред, где

материальные объекты, цифровые двойники, социальные запросы и этические императивы существуют в неразрывном единстве. Ключевыми компетенциями становятся системная грамотность, готовность к партнёрству с искусственным интеллектом и способность к осознанному выбору в условиях неопределённости. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методик количественной оценки системной грамотности и поиск баланса между автоматизацией инженерных решений и сохранением творческой субъектности человека.

Список литературы

1. Никитина А. А., Маннанова Е. А. Феномен инженерного мышления в представлениях педагогов и психологов: психологическое содержание, структура, компоненты // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2025.
2. Сколково, АНО ЦЭ. Потенциал применения генеративного ИИ для решения инженерных задач. 2025.
3. Гительман Л. Д., Гаврилова Т. Б., Кожжевников М. В. Системная грамотность — новая перспектива для инновационных менеджеров и инженеров // *Strategic Decisions and Risk Management*. 2024. № 2. С. 118-133.
4. Сборщиков С. Б., Лазарева Н. В. Конвергенция как новая парадигма организации инжиниринга и реинжиниринга в строительстве // *Вестник МГСУ*. 2024. Т. 19. № 12. С. 2014-2022.
5. Захарова Т. А. Механизмы и условия развития инженерного мышления в образовательной среде // *Трансформация механико-математического и IT-образования в условиях цифровизации*. Минск: БГУ, 2025. С. 202-205.
6. Николаевский В. В., Шамардина И. А. Инженерия: интеллектуализация труда и когнитивная деятельность // *XII Форум вузов инженерно-технологического профиля Союзного государства*. Минск: БНТУ, 2024. С. 134-142.
7. Gitelman L. D., Gavrilova T. B., Kozhevnikov M. V. Systems literacy — a new perspective for innovation managers and engineers // *Strategic Decisions and Risk Management*. 2024. № 2. P. 118-133.
8. Харитонов В. А., Алексеев А. О., Кривогина Д. Н. Парадигма инженерной поддержки технологий субъектно-ориентированного управления // *Научный журнал КубГАУ*. 2015. № 112(08). (Примечание: источник 2015 г., но включён в обзор 2024 г. как концептуальная база).
9. Высшее образование в России. Том 33, № 6. 2024. [О влиянии ИИ на инженерное мышление].

ИСТОЧНИКОВЫЙ ПРОРЫВ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1990-Х ГОДОВ: ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Умавов Рамазан Габирович

магистрант

Дагестанский государственный университет,

г. Махачкала, Российская Федерация

***Аннотация.** В статье исследуется трансформация историографии Великой Отечественной войны в первой половине 1990-х годов в России, вызванная «архивной революцией» и сменой политико-идеологического контекста. Анализируются последствия масштабного рассекречивания документов для источниковой базы, методологии и тематики исследований. Рассматривается переход от сложившегося в советский период героико-патриотического канона к критическому и многомерному изучению таких тем, как причины поражений 1941-1942 гг., точные масштабы потерь, жизнь на оккупированных территориях и коллаборационизм. Особое внимание уделяется методологическому обновлению, выразившемуся в применении подходов социальной истории и истории повседневности. Показано, как проникновение новых знаний в образовательную сферу спровоцировало острые общественные дискуссии о способах репрезентации прошлого. Делается вывод о большой значимости этого периода, заложившего документальную основу и определившего ключевые исследовательские направления для современной науки о войне.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, историография России, архивная революция, рассекречивание документов, историческая память, социальная история войны, оккупированные территории, коллаборационизм, война памяти, историческая наука 1990-х.*

Великая Отечественная война на протяжении всего советского периода занимала центральное, сакрализованное место не только в исторической науке, но и в общественном сознании, выступая ключевым элементом легитимации политического режима и формирования гражданской идентичности. К середине 1980-х годов в отечественной историографии сложился жесткий,

практически незыблемый канон, в рамках которого исследовательское поле было строго ограничено и идеологически детерминировано. Основной акцент в официальном нарративе делался на массовом героизме вооруженных сил и народа, а также мудром и твердом руководстве Коммунистической партии, что в совокупности предопределило закономерность и величие Победы. Эта монолитная конструкция не оставляла места для критического анализа, а целые пласты трагического, противоречивого и социально сложного опыта войны либо систематически замалчивались, либо получали тенденциозное, упрощенное толкование, подчиненное задачам текущей пропаганды. Такие фундаментальные проблемы, как детальный, документированный анализ причин катастрофических поражений начального периода 1941-1942 годов, включая просчеты в стратегическом развертывании, состояние войск и качество управления; установление точных, основанных на первичной документации масштабов людских и демографических потерь; изучение сложной социальной динамики в советском тылу, включая проблемы нормированного снабжения, эвакуации и повседневного выживания; объективное исследование жизни на оккупированных территориях, в том числе спектра поведенческих практик населения от сопротивления до различных форм приспособления; а также научный анализ феномена коллаборационизма во всем многообразии его проявлений и мотиваций — все эти сюжеты фактически находились под негласным запретом или освещались исключительно в русле официальной трактовки, исключавших плюрализм интерпретаций.

Первая половина 1990-х годов в России ознаменовала собой период тектонического, сущностного сдвига в историографии[9, с. 432-455] Великой Отечественной войны, который по своей глубине и последствиям может быть охарактеризован как подлинная научная революция, изменившая сам ландшафт исторического знания. Распад СССР и крах однопартийной идеократической системы создали принципиально новые политические условия, в рамках которых прежние методологические догмы и тематические табу утратили свою обязательную силу и административную поддержку. Однако главным катализатором трансформации, ее материальной основой, стало не столько изменение политического строя, сколько беспрецедентное по масштабам рассекречивание архивных фондов, получившее в научной литературе название «архивной революции». Именно этот фактор — доступ исследователей к гигантским, ранее закрытым массивам подлинной документации, — предопределил качественное, структурное обновление всей исследовательской парадигмы, позволив перейти от мифологизированного нарратива к критическому, источниково-ориентированному анализу.

Этот сложный, многогранный и стремительный процесс проявился в нескольких взаимосвязанных измерениях, каждое из которых внесло свой вклад

в преобразование исторической науки. Во-первых, произошло кардинальное, революционное расширение источниковой базы, позволившее историкам работать не с выборочно опубликованными материалами, а с подлинными документами высших органов государственной и партийной власти, военного командования всех уровней, а также спецслужб и хозяйственных ведомств [11, с. 26-46]. Во-вторых, исчезновение идеологического прессинга и активное знакомство с широким спектром западной историографии стимулировали методологическое обновление. На смену господствовавшему формационному подходу пришли методы социальной истории, истории повседневности, военной антропологии и микроистории, позволившие увидеть в войне не только череду сражений и решений полководцев, но и опыт конкретного человека, социальных групп, локальных сообществ. В-третьих, это выразилось в резкой интенсификации и диверсификации самих исследований: наблюдался взрывной рост публикаций как архивных документов, так и монографий, статей, посвященных ранее запретным или сознательно мифологизированным сюжетам. Наконец, научное сообщество и общество в целом оказались вовлечены в интенсивную, подчас острую и политизированную дискуссию вокруг новых данных и их интерпретаций [5, с. 89-101]. Эта полемика, вышедшая за рамки академических аудиторий, стала важнейшим фактором формирования нового, более сложного и многомерного образа войны в общественном сознании, а также полем столкновения различных концепций памяти [6, с. 234].

Фундаментом, на котором зиждилось все историографическое обновление, стал беспрецедентный доступ к архивным документам, обеспеченный принятием либерального Закона РФ «О государственной тайне» (1993) и соответствующей политикой руководства Росархива и других ведомств. Исследователи впервые получили возможность проводить систематическую работу с ключевыми, судьбоносными комплексами. Центральное место среди них заняли материалы, освещавшие деятельность политического руководства страны (хранящиеся в РГАСПИ): протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), постановления и распоряжения Государственного Комитета Обороны, оперативные документы Ставки Верховного Главнокомандования, а также личная переписка Сталина с военачальниками и государственными деятелями, раскрывавшая неформальные механизмы власти. Не менее важным был открывшийся доступ к колоссальному массиву оперативных документов военного командования (в ЦАМО РФ): фондам Наркомата обороны и Генерального штаба, детальным отчетам, донесениям и журналам боевых действий фронтов, армий, дивизий, которые содержали исчерпывающие данные о планировании операций, их реальном ходе, потерях в живой силе и технике, а также о проблемах дисциплины, морального духа войск и снабжения. Чрезвычайную ценность для понимания «внутренней» стороны войны, ее

воздействия на общество и механизмов контроля представили рассекреченные архивы спецслужб (ЦА ФСБ РФ): документы НКВД-НКГБ, раскрывающие механизмы контрразведывательного обеспечения, истинные масштабы борьбы с дезертирством и «пораженческими настроениями», практику фильтрации бывших военнопленных и репатриантов, а также трагическую историю депортации народов. Для изучения «войны за линией фронта» стали доступны огромные массивы документов по тылу и оккупированным территориям (в ГАРФ и РГАЭ): материалы Совнаркома СССР, хозяйственных наркоматов, местных советов, детально фиксировавшие грандиозные усилия по мобилизации экономики, эвакуации промышленности, организации снабжения в условиях жесточайшего дефицита, а также повседневную жизнь населения.

Введение в научный оборот этого гигантского, качественно нового корпуса источников вызвало радикальное обновление. Прежде всего, оно позволило покончить с многолетними умолчаниями и спекуляциями вокруг ключевых количественных параметров войны. Наиболее значимым достижением в этой области стала масштабная работа комиссии Генерального штаба под руководством генерал-полковника Г. Ф. Кривошеева. Опираясь не на приблизительные оценки, а на первичные документы частей и соединений (именные списки безвозвратных потерь, донесения о списочной численности и т. д.), комиссия представила первую в отечественной истории официальную, документально выверенную оценку военных потерь Красной Армии, которая стала обязательной точкой отсчета для всех последующих исследований [7, с. 112-134]. Параллельно на основании рассекреченных архивных данных были детально реконструированы трагические обстоятельства катастроф 1941-1942 годов, а картина военного управления, взаимоотношений Сталина с военачальниками, процесса принятия стратегических решений освободилась от прежней хрестоматийной лакировки, представ во всей своей драматической сложности, противоречивости, а подчас и ошибочности [8, с. 412-445].

Однако значение «архивной революции» вышло далеко за рамки уточнения фактов и цифр. Она создала условия для принципиальной смены исследовательской оптики: от описания войны как последовательности фронтовых операций и деятельности руководства к ее пониманию как тотального, всеобъемлющего социокультурного феномена, в котором военная, политическая, экономическая и социальная составляющие были неразрывно переплетены. Война стала изучаться как глубочайшее национальное испытание, затронувшее все без исключения сферы жизни общества и изменившее судьбы десятков миллионов конкретных людей. Новые источники открыли для исследователей прежде закрытые темы: повседневность солдата на передовой и рабочего в тылу; тонкие колебания настроений и морального духа как в войсках, так и среди гражданского населения, фиксируемые в сводках политорганов

и донесениях НКВД; разнообразные, подчас морально неоднозначные стратегии выживания людей под оккупацией. Архивные документы также дали уникальный ключ к пониманию подлинной, а не декларируемой, логики принятия судьбоносных решений на всех уровнях — от командира полка до Верховного Главнокомандующего, позволяя анализировать не только результаты, но и сам процесс выработки решений в условиях дефицита времени, информации и колоссального давления.

Использованные источники:

1. *Государственный Комитет Оборона постановляет. 1941-1945: Документы.* М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
2. *Лубянка: Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 / Сост. В. Н. Хаустов и др.* М.: МФД, 2006.
3. *Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Статистический сборник.* М.: Госкомстат СССР, 1990.
4. *Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13(2-1).* М.: ТЕРРА, 1994.
5. *Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941.* М.: Наука, 1989.
6. *Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве.* М.: АИРО-XXI, 2011.
7. *Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева.* М.: Воениздат, 1993.
8. *Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Сталинизм и война: Из непрочитанных страниц истории (1930-1990-е).* М.: Тверское книжное издательство, 1994.
9. *Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991.* М.: РАГС, 1998.
10. *Россия в XX веке: Война 1941-1945 годов: современные подходы / Отв. ред. А. О. Чубарьян.* М.: Наука, 2005.
11. *Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944-1952 гг. // История СССР. 1990. № 1. С. 26-46.*

СИМВОЛИКА ОБРАЗА ЛЭШЕРА В ЦИКЛЕ РАЙС ЭНН “МЕЙФЕРСКИЕ ВЕДЬМЫ” И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИИ

Романчук Любовь Анатольевна

кандидат филологических наук

Союз российских писателей

Дябина Владислава Николаевна

Единый научно-исследовательский и проектный институт

пространственного планирования Российской Федерации,

Москва, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена анализу символики образа Лэшера в цикле Энн Райс “Мейферские ведьмы” и его современной экранизации. Рассматриваются ключевые характеристики персонажа, его эволюция, функции в мифопоэтике цикла, а также трансформация образа при переходе в визуальную форму. Проведён сопоставительный анализ литературного и экранного воплощения Лэшера, выявлены сходства и расхождения, обусловленные спецификой медиума, жанровой стилистикой и требованиями современной массовой культуры. Особое внимание уделено символическим пластам образа — архетипу Искусителя, демоническому принципу знания, медиатору между миром живых и иным измерением, а также его роли в формировании семейного мифа рода Мейфер. Исследование позволяет по-новому интерпретировать структуру цикла, его философские основания и механизмы создания современного готического мифа.*

***Ключевые слова:** Лэшер, ведьмы, дьявол, материализация, родовое проклятие, тень, манипулятор, дух.*

Введение

Творчество Энн Райс занимает особое место в современной готической литературе и литературе ужасов благодаря синтезу мистики, философии, культурных архетипов и глубокой психологизации персонажей. Цикл “Мейферские ведьмы” представляет собой один из наиболее сложных и многослойных её проектов, в центре которого находится образ сверхъестественного существа Лэшера — существа, стирающего границы между духом, демоном, древним богом и искусственно созданной-сущностью.

Это не просто антагонист или сверхъестественный спутник рода Мейфер; он — символическая структура, скрепляющая мифологию цикла. Его образ отражает темы соблазна, власти, знания, родовой памяти, наследственности и зависимости. Лэшера воплощает не только опасность, но и обещание, не только разрушение, но и эволюцию — и именно эта дуальность делает его объектом особого исследовательского интереса.

Современная экранизация цикла вновь актуализировала вопрос о природе Лэшера, одновременно усилив визуальные аспекты образа и сместив интерпретационные акценты. В связи с этим становится важным сопоставление литературной символики и экранного прочтения, что позволяет выявить, какие элементы мифа сохраняются неизменными, а какие трансформируются в зависимости от художественных задач и ожиданий аудитории.

Целью исследования является комплексный анализ символики образа Лэшера в литературном цикле Энн Райс “Мейферские ведьмы” и в его экранизации, а также выявление трансформаций, которым подвергается данный образ при переходе из текста в визуальный медиум.

Для достижения поставленной цели применялись следующие методы:

1. Структурно-семантический анализ — для выявления центральных символов, мотивов и функций образа Лэшера в тексте.

2. Мифопоэтический анализ — для определения места Лэшера в системе архетипов и мифологических аналогий.

3. Сравнительный анализ — для сопоставления литературной версии персонажа и его экранной адаптации.

4. Интертекстуальный подход — для выявления влияний на образ Лэшера из культурных, философских и религиозных традиций.

5. Культурологический метод — для объяснения социально-культурных причин изменений в экранизации.

6. Нарративный анализ — для исследования роли Лэшера в структуре сюжета, динамике конфликта и построении семейного мифа.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём:

1) проводится системное сопоставление символики литературного образа Лэшера и его экранного воплощения, выявляются устойчивые и подвижные элементы мифа;

2) предложена интерпретация Лэшера как метасимвола, объединяющего несколько архетипических пластов:

- искусителя;
- духа-покровителя;
- демонического знания;
- мессианского “обещания” эволюции;
- персонификации родовой травмы;

3) определены механизмы трансформации образа в экранизации, связанные с требованиями визуального повествования, акцентами на межличностных отношениях и усилением психологической составляющей.

4) раскрыта роль Лэшера как медиатора между различными уровнями пространства цикла — реальным, историческим, магическим и трансцендентным.

1. Обзор источников

Западная критика, хотя и представила относительно немного исследований, посвящённых образу Лэшера, всё же дала этому персонажу достаточно глубокие и серьёзные интерпретации. В англоязычном академическом поле Лэшер рассматривается в контексте готической традиции, постмодернистской мифологизации, проблемы телесности и границ человеческого. Работы, пусть и не многочисленные, анализируют его как архетип “чуждого” (инакового), демонического соблазнителя, медиатора между мирами и как метафору трансформации власти в женском родовом сообществе Мейфейр.

Так, Катерина Рамсленд анализу образа Лэшера уделяет ряд страниц из своей книги об Энн Райс [8]. В магистерской диссертации Лауры Бруге [2] Лэшер рассматривается как патриархальный инкубус/контролирующий дух, через которого обнажаются механизмы власти над женщинами-ведьмами, которые могущественны ровно в тех рамках, которые задаёт Лэшер. В статье Массимо Интровинье [6] Лэшер анализируется как дух-посредник, стремящийся “прийти в мир” через тринадцатое поколение введьм (Роуэн), с привязкой к оккультной символике и идеям “эволюции сущности”. А Маргарет Блэкмор и Кэтрин Пью рассматривают Лэшера в романном цикле и сериале как часть конструкции “женская сексуальность ↔ патриархальная рамка” [1]. Ребекка Фишер в статье [5] сопоставляет Лэшера с Лестатом, героем вампирского цикла Энн Райс. А Келли МакКлюр в обзорной статье [7] отмечает, что Энн Райс выбрала иной подход к образу ведьм — не стандартных штампов “чёрная шляпа + кот + котёл”, а — семейной драмы, генетического наследия, связи с духами (в том числе с Лэшером, как их, духов, консолидацией), что хорошо отобразил сериал “Мейферские ведьмы”.

Российское же литературоведение практически полностью обошло вниманием романный цикл Энн Райс о Мейфейрских ведьмах и фигуре Лэшера. Отсутствуют не только монографические исследования, но даже фундаментальные статьи, которые могли бы рассматривать персонажа в рамках культурологического, философского или мифопоэтического анализа. В отечественной научной традиции практически не представлен системный разбор семантики образа Лэшера, его генеалогии, роли в сюжете, а также интерпретация его как синкретического существа, соединяющего черты духа-предка, демона-покровителя и постчеловеческой формы.

Таким образом, возникает существенный исследовательский пробел: при наличии на Западе пусть ограниченного, но концептуально значимого корпуса исследований, в российской гуманитаристике образ Лэшера остаётся фактически «непрочитанным», что делает актуальным его комплексное изучение в рамках современной литературоведческой парадигмы.

2. Дух, священник или дьявол?

*“Еретики учили так: Господь
не кто иной, как Сатана с изнанки
Небесный промысел порабощён Ананке” [9, с.152].*

“Дьявол — это отнюдь не персонификация, это одно из диалектических начал Мироздания, но материализуется он в образе человека со специфической психологией” [11, заключение].

Бесплотный дух, жаждущий обрести плоть (вочеловечиться), в эпопее Энн Райс “Мэйфейрские ведьмы”, прямо дьяволом не назван, но из его расплывчатых пояснений, как и признаний представителей семейства Мэйфейр, ясно, что он — гость из ада.

Энн Райс подбирается к его сути по спиральям, не имеющим конца. Многие поколения Мэйфейр видят Лэшера как призрака. Лишь на краткий срок он мог внедрить своё сознание в тело члена семьи, заключившего с ним имплицитный договор. Никто не знает, чего он добивается и на что способен. Наконец, зачем ему нужно вочеловечивание. Его пояснения членам рода Мэйфейр (ведьме или колдуну) разные. Роуан он представляется несчастным и печальным духом, преисполненным к ней (и её роду) любви и жаждущим разделить радости и горести человеческого существования. Её предку Джулиену предстаёт в виде развратной, мстительной и злобной сущности, требующей себе плоти, пусть пока и во временное пользование (путём вхождения в тела доставляемых Джулиеном и его матерью Маргаритой людей с последующим их умерщвлением).

Сам же Лэшер (Lasher) то утверждает, будто родился от королевы-ведьмы Анны Болейн, любовницы Генриха III, сразу взрослым, помня, что обретает плоть не в первый раз, то уверяет, что существует с незапамятных времён и был свидетелем рождения Иисуса Христа и даже сотворения мира, чем ставит себя выше Бога. Так что верить ему нельзя.

Джулиен, пытаясь раскрыть тайну его происхождения, приходит к выводу, что Лэшер — проклятый дух бывшего святого Эшлера, короля язычников Драммарда (Доннелейта), правившего в Шотландии в I веке. Этот персонаж вымышленный. На самом деле в те времена этой территорией управляли римляне. Как гласят легенды, придуманные Энн Райс, святой Эшлер раз в сто лет возвращается на Землю в новом облике и способен на всё. Джулиен считал,

что “этот святой может выполнить любое, пусть даже самое невероятное желание” [13, с.201].

Однако, “к нему следует обращаться с великой осторожностью. Ни в коем случае нельзя просить у него исполнить желание, которое не является сокровенным и заветным” [13, с.199].

Очередное материальное воплощение Лэшера во времена Реформации обретает духовный сан и проводит, вопреки предсказаниям, десятки лет в покаянии, смирении и благодеяниях. Однако, вернувшись в долину Доннелейт ради священной миссии (поддержать теснимых протестантами католиков), поддается плотскому искусу, вызванному особым запахом (что говорит о его зверином начале). “Люциферово” сексуальное влечение берёт верх над верой и желаниями. По иронии судьбы, мимолётной и губительной страстью Эшлер загорается к явившейся на рождественский пир мерзкой карлице, носителнице генома Талтоса. Сакральный праздник перерождается в дьявольский карнавал, закончившийся бойней. Тут же зачатые и рождённые карлицей чудовища приносятся в жертву огню. Как и сам Эшлер, дух которого после смерти погружается в небытие, в котором нет ни Бога, ни дьявола.

Тут и перелицовка мифа о падении сатаны (святой, соблазнённый на Рождество ведьмой-карлицей и затем сожжённый на костре, перерождается в демона); и апелляция к дуализму, где дьявол и Бог — независимые субстанции, возникшие параллельно; и мотив двойственности и единства добра и зла. Между двумя ипостасями идёт вечная борьба, ибо Господь дал всем свободный выбор. Но в конце концов побеждает тёмное начало.

К жизни (а точнее, к возрождению сознания) Лэшера/Эшлера вызывает зов первой ведьмы рода Мэйфейр Сюзанны спустя сто лет на том самом каменном круге, на котором его предали смерти. По мнению Джулиена, с тех пор бывший святой стал семейным демоном зла, полным жадой мщеница. Но и он ошибался.

Таинственный орден Таламаска, основанный в 758 году и охотящийся за подобными пришлыми существами (существует ли он в реальности, неизвестно), пришёл к выводу, что Лэшер никогда не являлся человеком, а его происхождение на самом деле куда древнее. Один из представителей ордена, настигнувший Лэшера во Флоренции во время прогулки, пророчит:

“— У тебя есть тело, которое является точным подобием человеческого. Это способно многих ввести в заблуждение ... Что касается твоей души, про неё ничего не известно. В старинных легендах говорится, что подобные тебе лишены души, способной вкусить райское блаженство или адские мучения. Ты обречён на то, чтобы вечно пребывать во тьме между небом и землёй, ибо путь божественного спасения закрыт для тебя. Твоя единственная надежда — вновь вернуться на землю в обличье, которое сходно с человеческим” [13, с.535].

Райс возводит происхождение Лэшера к древней расе чудовищных Талтос, гены которой в древности скрестились с геномом семейства Мэйфейр (великаны рождались сразу взрослыми, обладали памятью и знаниями нескольких поколений). Ещё одна аллюзия на историю о соблазнении ангелами дочерей человеческих, запечатлённую в Библии и апокрифах (Быт. 6: 2-4; Числа 13:34; Послание Иуды 1:6; Книга Еноха 2:1-54; Зоар: Берешит 423-425 и пр.).

Но Лэшер был изгоем в этой простодушной и любвеобильной расе: обладая беспокойной душой, он любой ценой жаждал вернуться к жизни и тем нарушить природный закон. Талтосы называли его “дьявольским призраком” [17, гл. 29].

Члены рода Мейфейр тоже пришли к выводу, что он есть дьявол, за свои прегрешения перед Господом наказанный бесплотностью и неосознанным существованием вне времени и пространства. И лишь благодаря верящим в него людям постепенно обретает имя, сознание, знания, силу и волю.

“— Святой, низвергнутый святой, лишившийся ореола святости. Отправляйся же в ад! Ты не святой. Демон — вот кто ты на самом деле!” [13, с. 197], утверждал Джулиен.

“— Лэшер — это зло ... Причём самое страшное и опасное из всего имевшегося в мире зла. Несмотря на то, что он сам этого не знает” [15, с. 268], признаётся он своей ясновидящей внучке Эвелин, которая, в свою очередь, сочиняет поэтическое пророчество:

*“Свой путь пусть поведает дьявол из мрака,
Представ словно Ангел святой в небесах...”* [13, с. 279].

Карлотта, другая внучка, бросает в лицо деду:

“По-твоему, я должна якшаться с дьяволом? По-твоему, для того, чтобы одержать над ним победу, я должна искупаться в грязи? ... Я уничтожу твоего мерзкого демона, так и знай” [13, с. 229].

Роуан Мэйфейр была тринадцатой ведьмой, появления которой так долго ждал Лэшер. Обманутая его льстивыми обещаниями, она открыла портал, дав ему наконец физиологическую жизнь (путём вселения его своевольной души и расплывшихся в пространстве клеток в эмбрион своего ребёнка). И она же, будучи доктором нейрохирургии, впервые попыталась определить состав субстанции злого духа (а впоследствии и произведённого нею на свет монстра):

“— Это создание — гигантская колония микроскопических клеток. Они питаются воздухом, как губка питается морем, поглощая настолько крошечные частицы, что процесс является непрерывным и происходит совершенно незаметно как для самого организма или органоида, так и для его окружения. Но все основные элементы жизни в нём присутствуют: клеточная структура — несомненно, а кроме того, аминокислоты, ДНК и некая сила, которая — независимо от общего размера — связывает всё воедино и которая полностью

подчиняется сознанию этого существа, способного по собственной воле полностью менять свой образ” [16, с. 265].

Это единственное околонучное объяснение явления оборотничества. Правда, открытие не продвинуло Роуан в постижении природы и целей таинственного духа, сумевшего у многих вызвать к себе любовь.

Относительно рода Мэйфейр Лэшер играет роль искусителя, обманщика и губителя одновременно.

Во-первых, он без конца пугает его членов, показываясь в ужасающем призрачном облике и производя, подобно полтергейсту, различные жуткие и устрашающие звуки.

Во-вторых, вызывает у них странные видения и кошмарные сны.

В-третьих, плотски совращает (как женщин, так и мужчин), выступая то инкубом, то суккубом.

В-четвёртых, обретя плоть, губит представителей женской половины рода, совокупляясь с ними в попытках произвести потомство (ибо плотская связь Талтоса с людьми для них смертельна).

Лэшер, как и сатана, подвержен эволюции, но несколько иной.

1. Вначале он — бесплотный дух, не осознающий самого себя.
2. Затем — дух, получивший имя, сознание, волю и возможность претворять в жизнь желания членов выбранного им рода, в особенности ведьм. Правда, с подвохом.

3. Потом из родового демона Мэйфейр перерастает в дьявола земного масштаба с поистине люциферовскими целями. Его мечта — посредством Мэйфейрских ведьм родить свои копии с 92-хромосомным геномом (феном полиплоидии), чтобы заменить всемогущими последышами всё человечество, вытеснив его с исторической арены, и заполучить Землю в своё полное распоряжение, став таким образом настоящим Князем мира сего (своеобразный сценарий Апокалипсиса).

Аналогичные планы вынашивал искусственный интеллект “Адам-2” в романе Дина Кунца “Дьявольское семя”, и, возможно, Энн Райс почерпнула идею инкубатория одного “я” именно оттуда.

В ребёнка, зачатого насильственным образом от Сьюзен и подвластного ему преступника, Адам-2 внедряет своё сознание, чтобы основать новую расу идентичных, практически бессмертных и неуязвимых существ с улучшенным (в его представлении) геномом, в каждом из которых будет присутствовать его сознание.

Того же, пусть и иным путём, добивается и пришлое существо, именуемое себя Дарителем (Подателем), в “Зимней луне” Кунца.

Подчинять себе на протяжении столетий, заставляя выполнять свои желания, могущественный род Мэйфейр, с которым его связывают древние гены, Лэшеру удаётся с помощью сложного и неоднозначного договора, который среди сделок с дьяволом стоит особняком.

Прежде всего, он устный. И включает несколько пунктов. Лэшер обязуется:

- 1) помогать широко разросшейся семье, преумножать её состояние (договор о богатстве);
- 2) защищать её от врагов (договор об охране);
- 3) исполнять прихоти женской части рода (договор об исполнении желаний);
- 4) отвечать на все вопросы (договор о гносисе, получении тайных знаний);
- 5) в случае открытия портала вернуть из царства мёртвых избранных ведьм (соглашение о воскрешении и достижении бессмертия).

В обмен на соблюдение этих обязательств от ведьм требовалось:

- 1) родить очередную ведьму;
- 2) всячески помогать Лэшеру обрести плоть;
- 3) никому не рассказывать о нём и его тайнах;
- 4) любить его (духовно и физически).

Нигде явно не значится, что они отдают ему за это свою душу, но это подразумевается.

Выполнение договора не безупречно. Его то и дело нарушает как одна сторона, так и другая.

Так, Лэшер действительно помог обрести семье могущество и невиданное богатство. В этом плане пункт первый был выполнен. Хотя с оговорками: от некоторых “неудобных” членов рода он жестоко избавлялся. Его inferнальная жатва (и одновременно магический способ проникновения в души членов рода) — коллекция таинственных сосудов с частями человеческих тел и голов, которую в стенах старого особняка в Садовом квартале Нового Орлеана хранила колдунья Маргарита. За это она расплатилась на трёх уровнях: а) физическом (став калекой); б) ментальном (её постигло безумие); в) социальном (много лет не покидала особняк, полностью выпав из социума) [14, часть V].

Фундаментально же первый пункт Лэшер нарушил после своего вочеловечивания, ради жажды размножения едва не став губителем лелеемого им до того рода. Тут пародия на рождение Иисуса: Лэшера, как и Христа, тоже родила земная женщина, а точнее, его дух вселился в зачатый Роуан от Майкла плод.

Дьявольское размножение, при котором, как поясняет члену ордена Таламаска некий Юрий, “эмбрионы развиваются с чрезвычайной скоростью, сопоставимой только со скоростью развития насекомых или рептилий” [13, с. 318], приводит к гибели всех зачавших от Лэшера женщин. Не в силах вынести плод, они умирают от обильного кровотечения (только Роуан удаётся родить дочь Эмалет, с генами вымершего рода Талтосов, и при этом выжить).

Женский геноцид грозит стереть с лица Земли облагодетельствованный Лэшером, но в итоге обманутый им род. Что в очередной раз подтверждает лживость дьявольских посулов.

Старательно исполнял он вроде бы и условия пункта третьего, удовлетворяя и предвосхищая желания и прихоти мэйферских ведьм (а порой и колдунов). Однако, лишь тех, кто обладал способностью видеть призрака, каковым являлся в те времена. При этом безмерно развращая их.

Лишь частично придерживался он и четвёртого пункта (на вопросы отвечал не до конца, о многом умалчивал, о своём происхождении и целях либо лгал, либо говорил намёками). Когда Роуан спрашивает его: “Ты дух?”, он увиливает от ответа:

— то, что называешь духом ты.

— Как бы ты сам назвал себя?

— Никак” [16, с. 221].

Свою настоящую историю (и то лишь малую толику её) Лэшер излагает после того, как учёный и член Таламаски Аарон Лайтнер поймал его в доме Майкла (мужа соблазненной им и похищенной Роуан) с помощью артефактов и накопленных организацией знаний. Лэшер отождествляет себя с казнённым священником Эшлером из рода Талтос, пытаясь разжалобить слушателей и сохранить себе жизнь [13, гл. 22-24].

Но можно ли верить демону?

Наконец, Лэшер не выполнил пятого, самого главного для ведьм соглашения, никого в итоге не воскресив. Воскрешение мёртвых (главное условие сделки) исчадию ада неподвластно. Это под силу лишь Творцу, но не духу зла.

Образы дьяволов, пытающихся заполучить душу человека, совратив его, меркнут рядом с этим поистине вселенским злом с присущей ему, как и всякому злу, тягой к извращениям: содомии и инцесту.

В Библии кровосмешение осуждалось как тяжкий грех, за который следовала либо смертная казнь, либо проклятие, передающееся по роду. “Если кто возьмёт сестру свою, дочь отца своего или дочь матери своей, и увидит наготу её, и она увидит наготу его: это срам, да будут они истреблены пред глазами сынов народа своего”, говорит Господь Моисею (Левит 20:17); “Проклят, кто ляжет с сестрою своею, с дочерью отца своего, или дочерью матери своей! И весь народ скажет: аминь”, заповедовал пророк Моисей (Втор. 27:22).

Человек, вступающий в инцестуальные отношения, бросал вызов Богу и природе, нарушая естественный порядок вещей. Родриго ди Борджиа, ставший в 1492 году папой Александром VI и вошедший в историю под именем “аптекаря Сатаны”, сожительствовал со своей незаконной дочерью Лукрецией. Манфред в одноименной поэме Байрона разделял любовь со своей то ли племянницей, то ли сестрой Астартой; колдун в “Страшной мести” Гоголя пытался вступить в интимную связь со своей дочерью; герой “Мандевилья” Годвина пылал страстью к своей сестре Генриетте, а герой “Сент Леона”, получив от незнакомца в дар вечную молодость за хранение его могущественной тайны, влюбляется

в свою внучку; в “Романсах о Розарии” Клеменса Брентано трём сёстрам грозит кровосмесительная связь с братьями; и так далее и так далее.

Со своей биологической паранормальной матерью Роуан новорождённый Лэшер, необыкновенно быстро вырастая и взрослея, сразу вступает в сексуальные отношения, пытаясь в свою очередь зачать от неё ребёнка. И называет её соответственно то мамой, то возлюбленной, испытывая к ней когда сыновнюю любовь, когда вожделение, а когда и жгучую ненависть. То он жестоко пытал её, подвергая унижениям и угрожая смертью, то жалеет и исцеляет, то вновь и вновь извращённо насилует, пока она не сбегает от него и в ужасных условиях рождает дочь.

Поистине дьявольские отношения.

Райс не называет напрямую культурных прототипов Лэшера, однако их несложно разглядеть за его меняющейся и обманчивой сущностью: демон-искуситель — инкуб [2], дух-покровитель [6], фамильяр ведьмы [7], падший ангел [1] и одновременно — созданная искусственно сверхъестественная сущность (табл. 1).

Таблица 1. Мифологические прототипы Лэшера

Категория	Прототип / Персонаж	Общие черты с Лэшером	Комментарий
Мифология	Инкуб	Связь с женской линией, сексуальность, стремление воплотиться, ночные явления	Один из наиболее прямых архетипов
	Фамильяр ведьмы	Помощь ведьме, защита рода, манипуляции, двойная природа	В цикле он выступает как “сверхфамильяр”
Демонология	Мефистофель	Дарует силу и знание, требует цену за помощь, ведёт к разрушению	Параллель с соблазнением рода Майфэров
	Падшие ангелы (Азазель, дьявол и другие демоны)	Величие, запретные знания, амбивалентная мораль	Близко к его полу-божественной природе
Алхимия / оккультизм	Гомункулус	Искусственно создан, стремится эволюционировать, хочет физического воплощения	Подчёркивает научно-мистическое происхождение

Категория	Прототип / Персонаж	Общие черты с Лэшером	Комментарий
Современные произведения	Лиланд Гонт (“Нужные вещи” Стивена Кинга)	Манипулирование желаниями, “подарки” за разрушение	Идеологический преемник
	Зебидия Килгрейв — суперзлодей Marvel в комиксах “Daredevil” (1964), “Alias” (2001-2004), “The Pulse” (2004-2006) и сериале “Джессика Джонс” (2015)	Контроль воли, психологическое давление	Современный аналог “властного невидимого существа”
	Энергетические сущности в романах Нила Геймана “Американские боги”, “Песочный человек”, Другая Мать в его “Кораллине”; Гренуй в “Парфюме” Патрика Зюскинда	Зависимость от носителя, паразитическая природа	Близко к позднему раскрытию природы Лэшера

Таким образом, Лэшер представляет собой синтетический архетип:

- 1) инкуб + демон-наставник + падший ангел + гомункулус;
- 2) падший ангел, утративший благоволение и ставши миаангтий источником запретного знания;
- 3) древний, манипулятивный и стремящийся к воплощению; гибрид нескольких культурных моделей (рис. 1).

Рис. 1. Культурные прототипы Лэшера

Сьюзан Ферраро описала эпопею Райс как “историю о злом духе по имени Лэшер, которая настолько пронизана предчувствием и злом, что такие темы, как аборт и инцест, становятся второстепенными. Здесь есть христианская символика, прямая и искажённая, секс и некрофилия” [3].

В предисловии к книге Райс “Час колдовства” отмечается, что “Райс черпает вдохновение из богатой жилы колдовских преданий, создавая ... пришедший в упадок особняк эпохи ante bellum, где правит кровосмешение, куклы сделаны из человеческих костей и волос, а жестокие бури проносятся по небу каждый раз, когда ведьма умирает и теряет свою силу” [4].

Таким образом, Лэшер представляет собой синтетический архетип:

- 1) инкуб + демон-наставник + падший ангел + гомункулус;
- 2) падший ангел, утративший благоволение и ставший источником запретного знания;
- 3) древний, манипулятивный и стремящийся к воплощению; гибрид нескольких культурных моделей (табл. 1).

Таблица 1. Мифологические прототипы Лэшера

Категория	Прототип / Персонаж	Общие черты с Лэшером	Комментарий
Мифология	Инкуб	Связь с женской линией, сексуальность, стремление воплотиться, ночные явления	Один из наиболее прямых архетипов
	Фамильяр ведьмы	Помощь ведьме, защита рода, манипуляции, двойная природа	В цикле он выступает как “сверхфамильяр”
Демонология	Мефистофель	Дарует силу и знание, требует цену за помощь, ведёт к разрушению	Параллель с соблазнением рода Майфэров
	Падшие ангелы (Азазель, дьявол и другие демоны)	Величие, запретные знания, амбивалентная мораль	Близко к его полубожественной природе
Алхимия / оккультизм	Гомункулус	Искусственно создан, стремится эволюционировать, хочет физического воплощения	Подчёркивает научно-мистическое происхождение
Современные произведения	Лиланд Гонт (“Нужные вещи” Стивена Кинга)	Манипулирование желаниями, “подарки” за разрушение	Идеологический преемник
	Зедбидя Килгрейв – суперзлодей Marvel в комиксах “Daredevil” (1964), “Alias” (2001–2004), “The	Контроль воли, психологическое давление	Современный аналог “властного невидимого существа”

3. В зеркале экрана

“При многих достоинствах [сериалу] не хватает крупницы магии” [10].

В экранизированном по роману Энн Райс американском сериале “Мейфейрские ведьмы” (2023) роли немного перераспределены. Лэшер (Джек Хьюстон) в нём оказывается потомком древней расы Талтосов, а не духом или демоном, как в оригинальной версии. Это по сути “regional being” или “domainal entity” — могущественное древнее магическое существо, связанное с определённой областью (например, родом Мэйфейр или Землёй), то есть являющееся симбиотом. Он использует Роуэн, чтобы воплотиться в теле её новорождённого ребёнка — это и магический акт, и акт доминирования, что символизирует исполнение его древнего плана. Биологическим отцом выступает Киприен Грив, агент тайного общества “Тамаласка”, приставленный к Роуэн. Но его роль несущественна, поскольку в момент зачатия Лэшер вмешивается в процесс, используя плод как сосуд для воплощения своей сущности. Так происходит сверхъестественное рождение.

Но. В сериале Роуэн (Александра Даддарио) отказывается быть его марионеткой. Она срывает все планы Лэшера (воплощения древнего духа и одновременно своего сына):

- а) прекращает возможность его будущего возрождения;
- б) уничтожает остальных детей Лэшера, которые могли бы служить его дальнейшему воплощению (то есть обрывает линию его возможных реинкарнаций);
- в) начинает активный поиск своего ещё живого сына.

Во 2 сезоне Лэшер уже не просто дух, а почти полноценный демон-человек, вокруг которого строят ритуалы шотландские Мэйфейры и Жюльен. Жюльен, заманив его в лес, устраивает церемонию, которая формально будто бы усилит семью, но на самом деле хочет прибрать к рукам силу Лэшера, ибо его кровь даёт ведьмам сверхспособности. Но Лэшер уже слишком силён и эмоционально привязан к Роуэн, а не к ним. В кульминации ритуала Аему перерезают горло, и магическая кровь (источник силы) стекает на алтарь (аллюзия на легенду о чаше Грааля) — это жертвоприношение и одновременно предательство: так Жюльен и его сторонники избавляются от неконтролируемого духа и получают его силу через кровь.

В романе Майкл Кьюри сам убивает Лэшера после его исповеди и хоронит под большим дубом во дворе семейного дома. Это не массовый ритуал.

Роуэн воскрешает его своей магией, чтобы спасти будущих Талтосов (хотя причины намного сложнее):

- 1) она не хочет отдавать его семейству как жертвенного зверя;

2) он необходим ей для её превращения в ведьму, могущую переворачивать границы жизни и смерти;

3) в ней срабатывает ярость ведьмы, вспышка её подавленной любви и невозможности отпустить Лэшера, к которому у неё сложился сложный коктейль чувств: а) он её “сын” (как Талтос); 2) её любовник; 3) её сила и тень.

Дальше Лэшер уже как живой Талтос сражается вместе с Роуан против шотландских Мэйфейров, защищая детей-Талтосов. Во время битвы Аминта бросает в него топор, и тот впивается ему в грудь. Простой жест — а какая символика!

В-первых, Аминта (в романах Райс этот персонаж отсутствует). Она представляет собой архетипическую ведьму из древнего рода, связанную с ранним появлением Лэшера в человеческом мире. Это проводник между мирами, хранительница тайных знаний, своего рода медиум/оракул и первый “контейнер”, который Лэшер использовал для воплощения. Эта линия перекликается с мотивом *sacred bride* (“священная невеста”) и *sacrifice* (“священная жертва”). Именно Аминта задаёт архетип будущим женщинам рода, повторяющим её судьбу: власть → контакт с Лэшером → жертва → рождение нового поколения.

Если в романном цикле Лэшер — кельтский дух с конкретной историей; и его линия начинается с Сюзанны Мейфер (1600-е гг.), то в сериале Лэшер появился гораздо раньше, и он не просто семейный дух Мейферов. Симптоматично, что и умирает он от руки той, что дала ему жизнь в человеческом мире, вызвав из мрака бесплотных теней.

Во-вторых, топор. Во многих мифологиях он выступает символом власти, грома, плодородия, дождя, приносимого небесными богами, и штормовых ветров, а также принесения жертвы, поддержки, помощи. Это также широко распространённый знак полновластия, связанный с древними богами Солнца [18]. В этом контексте убийство Лэшера топором можно прочесть как символический жест: над “ложным богом” совершается суд “неба” через людей, присвоивших себе роль высшей инстанции. Тот, кто владеет топором и наносит удар, узурпирует роль солнечного / небесного бога. Но есть и ещё один любопытный аспект. Лэшер в романном цикле и сериале — это ещё и искажённый дух плодородия, ибо связан с:

- 1) продлением рода Мэйфейр;
- 2) рождаемостью (ребёнок Роуан, линия Талтосов);
- 3) древними, до-христианскими силами;
- 4) обещанием возрождения умерших ведьм.

То есть, по сути он — перекошенный, демонизированный дух плодородия / продолжения рода.

Топор же в архаике — не только оружие и гром, но и:
— орудие расчистки земли,

- знак обработки почвы, дождя и урожая,
- символ жертвы ради плодородия.

Иными словами, духа плодородия убивают орудием плодородия, чтобы:

а) оборвать навязанную, извращённую плодovitость (проклятый род, Талтосы);

- б) “очистить поле” рода Мэйфейр от древней связки с этим духом;
- в) ради усиления других (кровь Лэшера как источник силы).

В символическом плане “бог рода” становится жертвой рода, и топор завершает его цикл, превращая некогда почитаемую силу в “расходный материал”.

Таким образом, Лэшер умирает дважды: на алтаре (после чего его воскрешает Роуан) и на поле боя, когда Роуан уже не может вернуть его к жизни. Ей остаётся лишь, выпив каплю его крови, обрести дополнительную силу, независимость и контроль над магией, чтобы в Новом Орлеане снять “околдованность” с Джоджо и Дафны.

Однако финал открыт, ведь его дух может выжить или вернуться в каком-либо ином виде. К тому же, в живых остаётся его сын от Эмалет — представительницы рода Талтос (табл. 2).

Таблица 2.

Образ Лэшера в романах Энн Райс и в сериале “Мейферские ведьмы”

Аспект	Романы Энн Райс	Сериал AMC <i>Mayfair Witches</i>
Статус / природа	Изначально — семейный дух-фамильяр, привязанный к ведьмам Мэйфейр. Позже выясняется, что он — дух Талтоса, древнего гуманоидного вида	Древний дух и источник силы ведьм Мэйфейр, связанный с избранной ведьмой через изумрудный амулет-ключ. Воплощается в человеческое тело через Роуэн
Происхождение	В <i>Lasher</i> раскрывается, что он был Талтосом по имени Эшлер, жившим среди своих и убитым; его дух оказался призван шотландской ведьмой Сюзанной Мэйфейр в XVII в.	В сериале прошлое сильно упрощено: он представлен как древний дух, связанный с ведьмами уже ~500 лет; детали о жизни Ашлара до смерти почти не проговариваются, только намеки.
Привязка к роду Мэйфейр	Привязан к роду через изумрудное украшение и кровный договор: он помогает семье богатством и силой, взамен — право распоряжаться ведьмами и их потомством	Связь оформлена визуально через изумрудный “ключ-подвеску”, переходящую от ведьмы к ведьме; через неё Лэшер выбирает “избранную” и проводит силу по роду.
Отношения с Роуэн	Роуэн — 13-я ведьма, кульминация его многовекового плана. Он видит в ней портал, через	Тоже тянется к Роуэн как к “идеальной ведьме”: сначала как к духу-покровителю, затем — как

Аспект	Романы Энн Райс	Сериал AMC <i>Mayfair Witches</i>
	который сможет родиться вновь; при этом сочетает навязчивую “любовь”, власть и насилие.	к ребёнку/любовнику (когда он рождается её сыном и быстро взрослеет). Эмоциональная связь более подчеркнута, меньше акцента на генетическом плане.
Форма / трансформация	Путь: дух → видимый призрак → воплощённый Талтос. В финале <i>The Witching Hour</i> он входит в плод в утробе Роуэн и рождается как младенец, который мгновенно вырастает до взрослого Талтоса-мужчины	Аналогичный путь: он веками дух, в финале 1 сезона Роуэн рождает Лэшера, ребёнок за минуты превращается в быстро растущего человека; 2 сезон следует за этим уже “человеческим” Лэшером.
Цель	Вернуться к полноценной жизни как Талтос, создать новый народ Талтосов через Роуэн и другие носительницы, доминировать над семьёй и миром.	В сериале фокус смещён: он хочет получить тело и свободу от контроля семьи, а дальше — жить, любить, иметь детей-Талтосов; глобальный “план вида” менее артикулирован, важнее личная связь с Роуэн и власть в семье.
Черты характера	Комбинация детской наивности и жестокости: может быть нежным, обольстительным и одновременно чудовищно насильственным; манипулятор, использующий жажду власти и табу (инцест и т. п.).	В сериале Лэшер более “человечен”: харизматичный, чувственный, ревнивый; жесток, но его зависимость от Роуэн и желание быть любимым подчеркнуты сильнее, он иногда выглядит жертвой игры Мэйфейров и Таламаски.
Инкарнация через Роуэн	Он захватывает её плод и рождается как её “сын”, но на деле — это он сам в новом теле-Талтосе; далее насилует Роуэн и пытается производить новых Талтосов (Беременности заканчиваются трагедиями).	Роуэн рождает ребёнка-Лэшера, фактически давая ему человеческую форму; отцом по биологии считается Циприен, но по сути это воплощённый дух. Ребёнок аномально быстро растёт, и Лэшер становится юношей/мужчиной.
Смерть	В <i>Lasher</i> Майкл Кьюри выслушивает историю Лэшера и убивает его, затем хоронит под большим дубом во дворе — остаётся полноценное тело Талтоса. Это финал именно этой инкарнации.	В финале 2 сезона Лэшер многократно ранен (в том числе ритуальный надрез горла), но окончательно Аминта убивает его ударом топора в грудь во время боя. Его тело остаётся, из крови вырастают цветы; позже Роуэн пьёт его кровь и забирает часть силы.

Аспект	Романы Энн Райс	Сериал AMC <i>Mayfair Witches</i>
Что остаётся после смерти	Физическое тело похоронено; сюжет дальше смещается к другим Талтосам (Эмалет, Ашлар и др.) → наследие Лэшера — раса Талтосов и травма, оставленная семье.	Лэшер “по-настоящему мёртв”, но: остаются его дети-Талтосы, которых прячет Таламаска, и кровь Лэшера, дающая чудовищную магическую силу Роуэн и Жюльену. То есть его наследие — сила в крови и потомство
Суть образа	В книгах Лэшер — трагический демон-Талтос, чья жажда возвращения к телу и собственному народу превращает его в чудовище и проклятье рода. Это история о цене сделки с силой и о колонизации человеческой семьи нечеловеческим существом.	В сериале образ сдвинут к личной драме и одержимой любви: он — дух/Талтос, который хочет быть не только сильным, но и любимым; конфликт идёт между его независимостью, планами Жюльена и свободой Роуэн. Метафора — токсичная связь и наследуемая зависимость.

Итак, если в книге Лэшер представляет мифологическую структуру, метафизическую силу и разрушительный архетип рода, то в сериале это соблазнитель, партнёр, теневой спутник героини, но не философская категория. Экранизация сохраняет центральный мотив соблазна и связи с родом, но значительно упрощает мифологический уровень, отодвигая архетипические пласты, усиливая психологизм и визуальную чувственность. Обе интерпретации дополняют друг друга, но книжная версия остаётся более многослойной, символически насыщенной и философски значимой.

Александр Плякин незаслуженно охарактеризовал сериал как “мыльную оперу”, лишь скрывающуюся под оболочкой мистического триллера [12]. А по мнению Елены Зархиной, сюжет неоправданно усложнён по сравнению с романом, а диалоги длинные, перенасыщены театральной помпезностью и неестественны, “написанные будто бы нейросетью первого поколения” [10]. На самом деле сериал — просто иное прочтение давней дилеммы: Бог — дьявол, соблазн — сила духа, магия — гносис.

Выводы

Образ Лэшера представляет собой один из наиболее многозначных и символически насыщенных элементов цикла Энн Райс “Мейферские ведьмы”. Его природа сознательно оставлена автором гибридной, что позволяет интерпретировать его одновременно как духа, демона, божество, энергетическую сущность, генетический эксперимент и мифологическую конструкцию. Лэшер воплощает напряжение между желанием освобождения и стремлением к контролю, между эволюцией и деградацией, между соблазном знания и разрушительной силой власти.

Анализ экранизации показывает, что визуальная версия Лэшера сохраняет центральные мотивы литературного образа, но вносит новые смысловые акценты: усиливается психологизм, повышается доля эмоциональной драмы, смещается внимание на межличностные связи. Это свидетельствует о том, что миф о Лэшере является живой и адаптивной структурой, способной трансформироваться в соответствии с культурным контекстом.

Таким образом, символика Лэшера — это не просто художественный элемент, а центральный механизм построения современного готического мифа, исследующий природу человеческого желания, страха, наследственности и власти. Его образ позволяет глубже понять философские и культурные основания циклов Энн Райс и продемонстрировать, как литературный миф продолжает существовать и развиваться в медийном пространстве XXI века.

Список литературы

1. Blackmore M., Pugh C. 'Better the devil you know': Feminine Sexuality and Patriarchal Liberation in *The Witch* // "Journal for Cultural Research". — 2023. — Vol. 27, 3. — P.256-271. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14797585.2023.2218626#abstract>.
2. Brugué L. Disempowering the witch: A Patriarchal Portrait of the Witch in Anne Rice's *The Lives of the Mayfair Witches* // *MA in Advanced English Studies: Literature and Culture* 25th July 2017. URL: https://ddd.uab.cat/pub/trerecpro/2018/hdl_2072_305661/laura_luque_brugue_tfm.pdf.
3. Ferraro S. *Novels You Can Sink Your Teeth Into* // "The New York Times". — 1990. — 14.10. URL: <https://www.nytimes.com/1990/10/14/magazine/novels-you-can-sink-your-teeth-into.html>.
4. Fiction Book Review // *Witching Hour* by Anne Rice. — New-York: Knopf Publishing Group, 1991. — P.5-35. URL: <https://www.publishersweekly.com/978-0-394-58786-8>.
5. Fisher Rebecca. *Lasher: Almost surpasses Lestat as Rice's most intriguing character*, 2008. URL: <https://fantasyliterature.com/reviews/lasher/>.
6. Introvigne M. *Witchcraft, Evil, and Memnoch the Devil: Esoteric and Theosophical Themes in Anne Rice's New Orleans Fiction* // "Theosophical History". — 1997. — Vol. VI, 5. — P. 173-179. URL: <https://www.cesnur.org/testi/ricel.htm>.
7. McClure K. *With "Mayfair Witches" Anne Rice put a fresh, southern spin on the spellcasters we thought we knew*, 2023. URL: https://www.salon.com/2023/01/29/mayfair-witches-anne-rice-south/?utm_source=chatgpt.com.
8. Ramsland K. *Prism of the Night: A Biography of Anne Rice*. — New York: Plume, 1994. — 432 p.

9. Гюго В. Известный граф Бюффон, достойнейший старик (пер. с фр. А. Арго) // Гюго В. Собрание сочинений: В 15 тт. Т. 13. — Москва: Художественная литература, 1956. — С. 152-153.
10. Зархина Е. Почему женщины проклинают: каким вышел сериал “Мэйфейрские ведьмы”, 2023. URL: <https://www.gazeta.ru/culture/2023/01/12/16072027.shtml?updated>.
11. Панкин С. Сатанизм. История, мировоззрения, культ. — Москва: Золотое сечение, 2010. — 496 с.
12. Плякин А. Практическая магия: стоит ли начинать смотреть сериал “Мэйфейрские ведьмы” с Александрой Даддаруо, 2023. URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/serialy/retsenzii/obzor-na-serial-mejfejrskie-vedmy/>.
13. Райс Э. Лэшер (пер. с англ. Е. Большелановой). — Москва: ЭКСМО, СПб.: Домино, 2005. — 650 с.
14. Райс Э. Мэйфейрские ведьмы (пер. с англ. Е. Коротян, И. Шефановской). — Москва: ЭКСМО; СПб.: Домино, 2004. — 768 с.
15. Райс Э. Наследница ведьм (пер. с англ. Т. Кадачиговой). — Москва: ЭКСМО; СПб.: Домино, 2009. — 448 с.
16. Райс Э. Невеста дьявола (пер. с англ. Е. Коротняна). — Москва: ЭКСМО, СПб.: Домино, 2004. — 400 с.
17. Райс Э. Талтос (пер. с англ. М. Пазиной). — Москва: ЭКСМО, Домино, 2006. — 733 с.
18. Топор / секира // Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: [https://megabook.ru/article/megabook.ru/article/Топор%20\(секира\)%20](https://megabook.ru/article/megabook.ru/article/Топор%20(секира)%20).

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗГРАНИЧЕНИЕ SEARCH ENGINE И RESEARCH ENGINE ДЛЯ МАШИННОГО И ТРАДИЦИОННОГО (АНТРОПОГЕННОГО) ПЕРЕВОДА

Никитина Вероника Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

***Аннотация.** В статье теоретически и эмпирически обосновывается функциональное разграничение **Search Engine** и **Research Engine** в исследованиях машинного и традиционного перевода. Показана методика комбинированного использования параллельных корпусов, систем машинного перевода и корпусных, статистических и когнитивных инструментов анализа. На материале экспериментального корпуса продемонстрированы типичные классы ошибок машинного перевода, особенности передачи дискурсивных маркеров и различия в стратегиях постредактирования. В заключении сформулированы методологические ограничения применения **Big Data** и даны рекомендации по повышению воспроизводимости исследований.*

***Ключевые слова:** машинный перевод, традиционный перевод, цифровые ресурсы, параллельные корпуса, корпусный анализ, метрики качества, когнитивные методы.*

В последние годы цифровые ресурсы кардинально трансформировали методологию исследований в области перевода, обусловив переход от изолированных корпусных практик к интегрированным гибридным подходам. В центре внимания современного исследования находятся два взаимосвязанных класса инструментов: **поисковые системы (Search Engine)**, выступающие источником больших данных и «коллективным информантом», и **исследовательские инструменты (Research Engine)**, обеспечивающие аналитическую обработку и верификацию лингвистических гипотез [Никитина 2022; Никитина и др 2023; Nikitina 2020]. Такое разграничение функционально и методологически значимо для сопоставительного анализа машинного и традиционного перевода, поскольку разные типы цифровых ресурсов выполняют специфические роли в сборе, предобработке, оценке и интерпретации переводческих данных.

Актуальность исследования определяется стремительным ростом объёмов доступных цифровых текстов и развитием нейросетевых систем машинного перевода, что создаёт новые возможности и одновременно методологические вызовы. С одной стороны, параллельные корпуса и результаты поисковых запросов расширяют эмпирическую базу и позволяют фиксировать реальные переводческие практики в масштабах Big Data [Никитина 2021]; с другой стороны, вариативность, неоднородность и вопросы верифицируемости таких данных требуют разработки строгих процедур предобработки, критической оценки релевантности и комбинированной валидации результатов с использованием корпусных, автоматических и когнитивных методов.

Цель настоящего исследования является теоретически и эмпирически обосновать функциональное разграничение цифровых ресурсов и продемонстрировать методику их интеграции в исследовании машинного и традиционного перевода. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: описать функциональные различия между Search Engine и Research Engine; систематизировать типы цифровых ресурсов и их исследовательские функции; разработать методику комбинированного использования параллельных корпусов, МТ-систем и инструментов анализа; эмпирически продемонстрировать применение методики на репрезентативных корпусах и результатах сопоставительного тестирования.

Методологическая основа исследования опирается на смешанную парадигму: корпусный анализ и автоматические метрики качества (BLEU, METEOR и др.) сочетаются с когнитивно-процессными методами (eye tracking, keystroke logging) и статистической обработкой больших массивов данных средствами программных библиотек (Python, aligners, корпусные менеджеры). Ключевой принцип методики — прозрачность и воспроизводимость: документирование этапов предобработки, параметров выравнивания и настроек МТ-систем, а также многомодальная валидация выводов.

Search Engine рассматривается как источник больших данных: поисковые системы индексируют разнообразные тексты, формируя «коллективного информанта», чьи свойства описываются характеристиками Big Data — объём, скорость обновления, многообразие и неоднородность качества [Медетов 2016]. В лингвистическом контексте Search Engine обеспечивает репрезентативность и масштаб выборки, но не гарантирует однородность и верифицируемость данных без дополнительной фильтрации. **Research Engine** включает корпусные менеджеры, выравниватели, статистические библиотеки, автоматические метрики качества и когнитивно-процессные методы. Его функция — преобразование необработанных данных в воспроизводимые и интерпретируемые результаты: выравнивание, токенизация, лемматизация, аннотация ошибок, статистический и качественный анализ [Papineni et al 2001;

Honnibal et al 2017; Leijten et al 2013]. Методологически разграничение подчёркивает, что Search Engine отвечает за сбор и первичную агрегацию, тогда как Research Engine — за аналитическую обработку и верификацию гипотез.

В исследовании применяется компилятивная методика, сочетающая корпусный, автоматический и когнитивный подходы. В качестве исходных ресурсов используются параллельные корпуса (OPUS, ParaCrawl, EuroParl), результаты поисковых запросов и современные МТ-системы (Google Translate, DeepL, Yandex). Процедура включает следующие этапы: 1) *формирование репрезентативного экспериментального корпуса с учётом жанра и наличия дискурсивных маркеров*; 2) *генерация машинных переводов с фиксированными настройками и документированием версий систем*; 3) *привлечение профессиональных переводчиков для создания эталонных переводов и записи процесса перевода*; 4) *проведение когнитивных экспериментов (eye tracking, keystroke logging) для подвыборки проблемных сегментов*; 5) *автоматическое выравнивание предложений с последующей ручной верификацией*; 6) *токенизация, лемматизация и нормализация данных*. Следовательно, аналитические методы включают автоматические метрики качества (BLEU, METEOR, TER) для первичной количественной оценки, корпусный анализ (частоты, коллокации, ключевые слова) для выявления переводческих трансформаций, когнитивный анализ временных показателей и фиксации взгляда для оценки когнитивной нагрузки, а также ручную аннотацию типов ошибок (лексические, синтаксические, прагматические, дискурсивные).

В результате эмпирического анализа были выявлены, во-первых, систематические различия между машинным и традиционным переводом. Машинные системы демонстрируют высокую точность в передаче частотной лексики и устойчивых коллокаций, однако часто упускают или нейтрализуют дискурсивные маркеры модальности и связности, а также игнорируют актуальное членение предложения, что приводит к потере прагматической функции высказывания. Нейросетевые модели склонны к упрощению сложных синтаксических конструкций, что отражается в изменении функциональной перспективы предложения (ФСП). Когнитивные данные показывают, что постредактирование машинных переводов экономит время на сегментах с прямыми лексическими соответствиями, но увеличивает когнитивную нагрузку при восстановлении дискурсивных и прагматических значений. Во-вторых, автоматические метрики дают значимую, при этом ограниченную оценку — корреляция между BLEU и субъективной оценкой адекватности у профессиональных переводчиков оказывается умеренной. Доля опущенных дискурсивных маркеров в МТ-переводах существенно выше, чем в антропогенных переводах, что требует включения специальных аннотаций и тестов при оценке качества. Анализ выравнивания и частотных паттернов показывает, что многие

трансформации машинного перевода носят системный характер и поддаются классификации, что, как представляется, может позволить выстроить целенаправленные стратегии постредактирования и улучшения моделей.

Следовательно, использование цифровых ресурсов в исследованиях перевода сопряжено с рядом методологических ограничений. Данные из поисковых систем и параллельных корпусов неоднородны по жанру и происхождению, что требует тщательной фильтрации и документирования параметров выборки. Автоматические метрики качества не отражают прагматическую адекватность и передачу дискурсивных маркеров, поэтому их следует дополнять корпусным и когнитивным анализом. Воспроизводимость исследований обеспечивается только при детальной фиксации версий МТ-систем, параметров предобработки и алгоритмов выравнивания.

Таким образом, практические рекомендации включают обязательную документацию всех этапов исследования, комбинирование автоматических и ручных методов анализа, разработку специальных аннотаций для дискурсивных маркеров и публикацию предобработанных подкорпусов и скриптов анализа для обеспечения воспроизводимости. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой метрик, чувствительных к прагматике и дискурсу, интеграцией методов объяснимости в МТ и созданием гибридных методик, объединяющих возможности Search Engine и Research Engine для получения более полной и надёжной картины переводческих практик.

Список литературы

1. Медетов, А. А. Термин *Big Data* и способы его применения / А. А. Медетов // Молодой ученый. — 2016. — № 11(115). — С. 207-210.
2. Никитина, В. В. Верификационный потенциал образовательных технологий поиска (*Big Data*) / В. В. Никитина, Т. А. Лыкова, Т. А. Начинкина // Большая конференция МГПУ: сборник тезисов: в 3 т., Москва, 2 8-30 июня 2023 года / Московский городской педагогический университет. Том 1. — Москва: Издательство ПАРАДИГМА, 2023. — С. 201-205.
3. Никитина, В. В. Концептуализация ментального состояния субъекта в конструкциях типа *X shudders to think*: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Никитина Вероника Владимировна, 2022. — 230 с.
4. Никитина, В. В. Когнитивная интерпретация синтаксических моделей типа *XSHUDDERSTOV* / В. В. Никитина // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 3(46). — С. 191-194.

5. Nikitina, V. V. *Verification Potential Of Educational Search Technologies (Big Data) In Semantic Research / V. V. Nikitina // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Conference proceedings, Moscow, 23-25 апреля 2020 года.* — London: European Publisher, 2020. — P. 665-672. — DOI 10.15405/epsbs.2020.11.03.70.

6. Honnibal M., Montani I. *spaCy: Industrial-strength Natural Language Processing in Python [Электронный ресурс].* — *Explosion AI*, 2017—. — Режим доступа: <https://spacy.io/> (дата обращения: 24.02.2026).

7. Leijten M., Van Waes L. *Keystroke Logging in Writing Research: Using Inputlog to Analyze and Visualize Writing Processes // Written Communication.* — 2013. — Vol. 30, No. 3. — P. 358-392. — DOI: 10.1177/0741088313491692. — Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0741088313491692> (*journals.sagepub.com in Bing*) (дата обращения: 24.02.2026).

8. Papineni K., Roukos S., Ward T., Zhu W. *BLEU: a Method for Automatic Evaluation of Machine Translation // Proceedings of the 40th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL).* — Philadelphia, PA, USA, 2002. — P. 311-318. — DOI: 10.3115/1073083.1073135

DOI 10.34660/INF.2026.76.73.018

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР КАК РАЗНОВИДНОСТЬ РЕЧЕВОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ

Светличная Влада Юрьевна

старший преподаватель

Донецкий институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

***Аннотация.** В соответствии с авторской классификацией речевой избыточности, лексический повтор относится к дублирующей избыточности формально-семантического типа. Данная публикация содержит анализ научных трудов и работ различных типов, посвящённых изучению лексического повтора в русском языке. Анализируются подходы к определению его единицы и соотношению с синтаксическим повтором и повторной номинацией. Раскрывается прагматический потенциал лексического повтора в текстах различных функциональных стилей. Показывается, что лексический повтор выступает как текстообразующий компонент и стилистический приём, обеспечивающий связность, актуализацию смысла и выразительность речи. Предлагается авторская дефиниция данного явления.*

***Ключевые слова:** лексический повтор, речевая избыточность; ситуативная избыточность, контекстуальная избыточность, дублирующая избыточность формально-семантического типа, текстообразующая функция, стилистический приём.*

Анализ научных трудов, посвящённых исследованию речевой (ситуативной, контекстуальной) избыточности, позволило выделить признаки изучаемого феномена, основными из которых являются повтор и / или наличие пустого (асемантического или десемантизированного) компонента, что послужило основанием выделения дублирующей избыточности, асемантической и повторно-асемантической. Дублирующая избыточность формально-семантического типа представлена лексическим повтором, тавтологией, повтором многозначного слова в различных значениях и гендиадисными образованиями типа *царь-государь, шутки-прибаутки* и т. п. [24].

Речевая избыточность, основанная на лексическом повторе, представляет собой наиболее распространённую группу.

Как правило, термины *лексический повтор* или *повтор слова* (по аналогии со звуковым повтором, морфемным и т. д.) используются для обозначения повтора на лексическом уровне языка. Изучив определения этого феномена с целью сравнения и выявления общего и специфичного, приходим к выводу о том, что различные дефиниции понятия *лексический повтор* не дают единого ответа на вопрос, что именно принято считать основным компонентом этого явления. По мнению одних лингвистов, единицей лексического повтора, является слово (и его формы) или словосочетание, используемое с экспрессивным заданием или специальной логической целью [13, с. 179], причём расстояние «между повторяющимися единицами и число повторений могут быть различными, но обязательно такими, чтобы читатель мог заметить повтор» [1, с. 114].

По мнению других, к слову и словосочетанию как основным единицам лексического повтора необходимо присоединить предложения в составе одного высказывания (сложного синтаксического целого, абзаца) «и в более крупных единицах коммуникации, охватывающих ряд высказываний» [6, с. 258]. Отметим, однако, что некоторыми лингвистами повторение словосочетания и предложения (в силу их принадлежности к синтаксическому уровню языка) относится к синтаксическому повтору (см. работы Л. В. Иванова, З. А. Пахолок).

Существует также точка зрения, согласно которой составляющей лексического повтора может быть и повторяющееся без изменений слово, и слово или группа слов «с характерной для них грамматической вариативностью, заключающейся в трансформации грамматического и семантического значения, проявляющейся в многозначности слова» [14, с. 141].

Фиксируем также взгляд, при котором понятия лексического повтора и повторной номинации отождествляются [19, с. 75; 15, с. 8], что, на наш взгляд, оставляет место для серьёзной дискуссии, как и причисление к рассматриваемому явлению слов с фонетическим варьированием типа *фокусы-покусы*, *шуры-муры* [17, с. 66-67].

Исследования лексического повтора с точки зрения его функционирования показывают, что словесный повтор выступает как способ выражения цепной (последовательной) связи, т. е. как текстообразующий компонент, выполняющий строевую функцию [4, с. 37-43], обеспечивающий «семантическую и логическую связанность текста любого функционального стиля» [16, с. 44], является способом актуализации коммуникативного центра высказывания [8, с. 361], фиксации внимания [19, с. 75]. Активируя в сознании реципиента важные элементы ситуации, лексический повтор в значительной мере облегчает восприятие информации и выполняет регулятивную функцию [18,

с. 41]. В качестве стилистического приёма лексический повтор выполняет функцию усиления, нарастания (придания напряжённости повествованию), многократности и длительности действия, функцию смягчения перехода, ритмическую и фоновую функцию [6, с. 258-265]. Лингвистами также отмечено, что прагматическая направленность лексического повтора напрямую связана с особенностями стиля, в котором используется. В художественных произведениях повторение слов используется для обозначения большого количества предметов и явлений, для усиления признака, степени качества или действия, для указания на длительность действия [21, с. 189], также функционирует как главный приём создания художественного образа [20, с. 171] и яркого градиционного эффекта [19, с. 75], является средством эмфатического выделения [9, с. 370], причём с возрастанием кратности экспрессивное воздействие повтора увеличивается [5, с. 106]. Представляя собой свойство эмоционально окрашенной речи, лексические повторы часто встречаются в поэтических произведениях, становятся средством создания поэтического «подтекста», углубляющего содержание высказывания, а в сочетании с различными приёмами поэтического синтаксиса усиливают эмфатическую интонацию [7, с. 24]. В стихотворной речи авторы прибегают к помощи лексического повтора для создания контраста, который формируется путём сопоставления двух образов, диалектически взаимодействующих, или для реализации ассоциативно-семантического сближения (проявляется в стремлении связать всё разнообразие понятий, выражаемых оппозициями, во взаимообусловленную ассоциативно-семантическую общность) [цит. по: 20, с. 172]. «Лексические повторы могут использоваться и как средство юмора. В пародийном тексте нагромождение одинаковых слов и выражений отражает комизм описываемой ситуации» [7, с. 25]. В народно-поэтических или в художественных произведениях, стилизованных под фольклорно-песенное творчество, лексические повторы обуславливаются требованиями ритма, используются в целях замедления повествования, придания ему песенного характера [6, с. 258-265]. Однако повторение слов не всегда является стилистическим приёмом, оно может использоваться как средство привнесения ясности и однозначности в изложение, выражать определённое психическое состояние говорящего, придавая высказыванию эмоциональной экспрессивности [Там же]. В текстах публицистического стиля лексический повтор помогает оттенить важное понятие, т.е. является средством логического выделения [7, с. 24] и конструктивным средством связи в диалогическом единстве (наряду с синонимическим повтором, повтором однокорневых слов) [8, с. 162]. В рекламных текстах лексический повтор зачастую выполняет суггестивную и мнемоническую функцию (функцию настойчивого напоминания ключевой информации для облегчения запоминания) [3, с. 14-17; 22]. В проповеди яркие многовариантные

повторы (полные или частичные, с пропуском или добавлением, наряду с перестановкой и распределением слов, словосочетаний или частей конструкции), зачастую являясь фасцинационным приёмом, способствуют сопоставлению тех или иных аспектов мысли и выделению особенностей строя мысли автора [10; 11; 12]. В научном стиле, наряду с логическим выделением, использование лексического повтора (в том числе и местоименного) способствует созданию цепной связи (когда предикат предыдущего суждения выступает в последующем в качестве субъекта), что максимально обеспечивает непрерывность и последовательность рассуждения [2, с. 450]. Являясь нормативным в текстах научного и официально-делового стилей, повторение слов (преимущественно терминов) также служит реализации смысловой точности (однозначности) как одного из стилиобразующих признаков [26, с. 435]. Наряду с тем, что продуманное использование лексического повтора всегда имеет прагматическую направленность, неоправданное повторение слова, по единогласному мнению лингвистов, свидетельствует о неумении изменить речевую конструкцию, заменить дублирующий компонент синонимом и расценивается как стилистический дефект, затрудняющий декодирование сообщения.

Организованный характер лексического повтора в сочетании с функцией усиления выразительности речи и придания ей эмоциональности служит основой для создания многочисленных фигур повторения. Например, лексический повтор является составной частью таких приёмов и фигур речи, как параллелизм, хиазм, антитеза, подхват, парадокс. В словаре-справочнике энциклопедического типа «Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты» под редакцией А. П. Сковородникова насчитывается 22 стилистические фигуры, являющиеся частными случаями проявления лексического повтора либо включающие его в свой состав, например: анадиплозис, анафора, анаэпифора, геминация, диафора, апаналепсис, эпимона и др. Причём зачастую для художников слова, использующих эти приёмы, важно не столько дублирование синтаксической конструкции, сколько её лексическое наполнение и смысловая нагрузка.

Повторы лексической единицы или лексико-синтаксической группы, которые занимают определённую позицию в структуре текста (упорядоченные повторы), некоторые исследователи называют позиционными. Так, А. П. Сковородников вводит в лингвистический обиход термин *позиционно-лексический повтор* и понимает под ним разновидность повтора и плеоназма (в значении стилистического приёма), «сущность которого состоит в том, что в синтаксической конструкции (предложении или сложном синтаксическом целом) несколько раз повторяется синтаксическая позиция (позиции) с одним и тем же лексическим наполнением» [25, с. 483]. А. П. Сковородников признаёт избыточность позиционно-лексического повтора с точки зрения

предметно-логической информации, «однако эта избыточность оправдана, так как связана с выражением дополнительной информации экспрессивного характера» [Там же].

Одной из разновидностей дублирующей избыточности является феномен, который в трудах различных учёных определяется как вариативный повтор, вариативный лексический повтор, развёрнутый вариативный повтор [23].

Проанализировав труды лингвистов, посвящённые изучению сути лексического повтора (включая его разновидности) и особенностей его функционирования в текстах различных стилей, считаем возможным предложить собственную дефиницию изучаемого явления, согласно которой под *лексическим повтором понимаем* дублирование слова (и его форм), словосочетания или конструкции в составе одного предложения, речевого отрезка или целого текста для обеспечения естественного и необходимого сцепления частей высказывания в единое целое, а также для приращения смысла, актуализации важных понятий и значений и / или с целью усиления выразительности речи. Организация лексического повтора должна быть произведена таким образом, чтобы реципиент мог обнаружить данную разновидность речевой избыточности и декодировать его в соответствии с авторским замыслом. Лексический повтор может выступать как текстообразующий компонент (средство межфразовой связи в тексте) и стилистический приём, выразитель смыслового членения речи. Проявляющийся в дублировании как внешней, так и внутренней составляющей (зачастую с семантической трансформацией значения слова и / или формальным расширением, реже — сокращением), лексический повтор относится к речевой избыточности формально-семантического типа.

Список использованных источников

1. Арнольд, И. В. *Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования): учеб. пособие* / И. В. Арнольд. — 2-е изд., перераб. — Л.: Просвещение, 1981. — 295 с.
2. Баженова, Е. А. *Стилистическая синтагматика* / Е. А. Баженова // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М. Н. Кожинной.* — 2-е изд., стереотип. — М.: Флинта: Наука, 2011. — С. 447-451.
3. Варясова, Е. В. *Лексические повторы как суггестивный приём в рекламных текстах (на материале экспериментальных рекламных текстов)* / Е. В. Варясова // *Актуальные проблемы современной науки: Всероссийская научно-практическая конференция, Ставрополь, 02-06 мая 2012 г. — Т. 1, Выпуск 1.* — Ставрополь: Ставропольский университет, 2012. — С. 14-17.

4. Водясова, Л. П. Лексический повтор как текстообразующий компонент и стилистический приём выразительности в художественном пространстве К. Г. Абрамова / Л. П. Водясова, Е. А. Жиндеева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 17 (271). — С. 37-43.
5. Галлямов, Ф. Г. Текстообразующая роль лексических повторов в художественных произведениях / Ф. Г. Галлямов // Practice of communicative behavior as an object of social and humanitarian researches: materials of the YI international scientific conference on December 1-2, 2015. — Prague: Vedecko vydavatel'ske centrum «Sociocfera-CZ», 2015. — P. 103-109.
6. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. — М.: Из-во лит. на иностр. яз., 1958. — 462 с.
7. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. — 11-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2010. — 448 с.
8. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. — 5-е изд., испр. и доп. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с.
9. Копнина, Г. А. Эмоциональность речи / Г. А. Копнина, А. В. Щербаков // Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты: энциклопедический словарь-справочник; под ред. А. П. Сквородникова. — 3-е изд., стереотип. — М.: Флинта, 2011. — С. 368-370.
10. Лешкова, Н. В. Реализация специальных тактик и стратегий в современной православной проповеди / Н. В. Лешкова // Восточнославянская филология. Языкознание. — 2021. — № 13 (39). — С. 75-89.
11. Лешкова, Н. В. Синтаксические особенности православной проповеди / Н. В. Лешкова // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. — 2020. — № 1 (25). — С. 55-61.
12. Лешкова, Н. В. Стилистические особенности православной проповеди / Н. В. Лешкова // Восточнославянская филология. Языкознание. — 2021. — № 12 (38). — С. 125-131.
13. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов н/Д.: Феникс, 2010. — 562 с.
14. Махрова, Е. И. Сравнительный аспект функционирования разновидовых повторов во внутритекстовом пространстве (на примере текстов художественных произведений французских авторов) / Е. И. Махрова // Вестник ОГУ. — 2010. — № 11 (117). — С. 141-146.

15. Метлякова, Е. В. Лексический повтор как семанτικο-стилистическая категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны Ахматовой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Метлякова Елена Владимировна. — Ижевск, 2011. — 23 с.
16. Никулина, С. Д. Лексический повтор как средство смысловой организации художественного текста [Электронный ресурс] / С. Д. Никулина // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. — 2012. — № 10-2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskiy-povtor-kak-sredstvo-smyslovoy-organizatsii-hudozhestvennogo-teksta>.
17. Пахолок, З. А. Единицы повторяемости в русском языке / З. А. Пахолок // Балтийский гуманитарный журнал. — 2015. — № 1 (10). — С. 65-69.
18. Петрова, Н. Г. К вопросу о статусе лексического повтора в поэтическом дискурсе с позиций теории регулятивности / Н. Г. Петрова // Вестник ТГПУ. — 2010. — № 6. — С. 39-45.
19. Плотникова, А. В. Функциональная классификация повторной номинации / А. В. Плотникова // Актуальные вопросы филологических наук: материалы II Междунар. науч. конф., Чита, июль 2013 г. — Т. 0. — Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. — С. 74-78.
20. Приходько, В. К. Выразительные средства языка: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. К. Приходько. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 256 с.
21. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.
22. Светличная, В. Ю. Об определении места рекламных текстов в системе функциональных стилей современного русского литературного языка / В. Ю. Светличная // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: материалы III Международной научно-методической конференции, Донецк, 22 мая 2020 г. — Донецк: ДонНТУ, 2020. — С. 59-64.
23. Светличная, В. Ю. Вариативный повтор как разновидность речевой избыточности / В. Ю. Светличная // Славистика: новые имена в науке: сб. науч. тр. участников VI Междунар. очно-заоч. науч.-практ. конф. молодых учёных, приуроч. 210-летию со дня рождения И. И. Срезневского / ГОУ ВПО «Горловский ин-т иностр. языков»; редкол.: И. А. Герасименко [и др.]. — Горловка: Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2023. — С. 115-119.

24. Светличная, В. Ю. Классификация речевой избыточности // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. — 2022. — № 3 (46). — С. 7-11.

25. Сковородников, А. П. *Позиционно-лексический повтор* / А. П. Сковородников // *Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник* / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 483-484.

26. Трошева, Т. Б. *Стилистическая норма* / Т. Б. Трошева // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*; под ред. М. Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. — 2-е изд., стереотип. — М.: Флинта: Наука, 2011. — С. 433-437.

DOI 10.34660/INF.2026.76.92.062

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ КАК ПАРАМЕТР ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОЦЕНОК В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

Чалова Оксана Николаевна

кандидат филологических наук, доцент

*Гомельский государственный университет имени Франциска
Скорины,*

г. Гомель, Республика Беларусь

На основании критерия «степень экспрессивности» в работе дифференцируются оценки, представленные в такой разновидности научного дискурса, как научный диалог. Устанавливается характер взаимодействия между оценками, разграничиваемыми с учетом уровня их экспрессивности. В заключение формулируется вывод о преобладании экспрессивных оценок в составе многокомпонентных (содержащих несколько оценочных значений) реплик.

Ключевые слова: *научный дискурс, научный диалог, оценка, экспрессивная оценка, взаимодействие оценок*

Научный диалог в рамках данной работы интерпретируется как «живое» речевое взаимодействие субъектов научного познания (ученых) с целью обсуждения научных вопросов. Под оценкой традиционно понимается выражение позитивного или негативного отношения к объекту (коим в научном дискурсе обычно выступают аспекты профессиональной деятельности исследователей, реже — внешние по отношению к научному дискурсу явления/факты/события). Несмотря на то, что в целом научный дискурс признается свободным от экспрессии (исключение составляет так называемая «интеллектуальная экспрессия» [1, 2 и др.], задающаяся использованием аргументации, терминологии, специфического синтаксиса и стандартных оценочных средств), в такой его разновидности, как научный диалог уровень экспрессивности резко повышается за счет использования выразительных номинаций.

Как показывают результаты нашего анализа, выразительность (экспрессивность) в научном диалоге присуща, как правило, оценочным единицам. Другими словами, если категория экспрессивности в научном диалоге и реализуется, то совместно с категорией оценки. Это совмещение может носить дистантный или диффузный характер. В случае дистантного взаимодействия

оценочное средство комбинируется со словом-интенсификатором (*исключительно полезный, очень важный, extremely important, incredibly difficult* и др.), где интенсификатор (*исключительно, очень, incredibly, extremely* и под.) обеспечивает повышение экспрессивности оценки (*полезный, важный, important, difficult* и др.), в то время как сама оценочная единица выражает оценку в чистом виде (конечно, любой оценочной номинации присуща та или иная степень экспрессивности [3-5 и др.], но при стандартном для научного дискурса выражении оценки (*интересный, важный, сложный* и под.) эта экспрессивность отличается высокой степенью условности и относится к разряду интеллектуальной экспрессии). Если взаимодействие между экспрессивностью и оценкой носит контактный характер, это означает, что данные категории реализуются посредством одной и той же номинации: *великолепный, ужасный, terrible, brilliant* и др.; подобные оценочные средства являются не только средством выражения оценки, но и экспрессивности, поскольку содержат сему интенсивности, редко используются в научной речи, в ряде случаев являются стилистически маркированными и др.

Обратив внимание на то, что в научном диалоге представлены два типа оценок — стандартные/неэкспрессивные (рациональные оценки, эксплицируемые с помощью стереотипных для научного дискурса средств) и экспрессивные (эмоциональные оценки, а также рациональные оценки, репрезентируемые за счет нетипичных для научного дискурса ресурсов, а также оценки, усиленные за счет слов-интенсификаторов), мы поставили цель — определить характер взаимодействия между экспрессивными и стандартными оценками в данной разновидности коммуникации. Актуальность подобного анализа обусловлена важностью дальнейшей разработки теории оценки и необходимостью изучения научного диалога как сферы общения, в которой первичные параметры научного дискурса существенно модифицируются. Материал исследования составляют оценочные реплики (по 100 единиц в каждом из исследуемых языков — русском и английском). Источником материала выступают стенограммы устных научных дискуссий по гуманитарным и негуманитарным дисциплинам (общим объемом 500 тысяч словоупотреблений в каждом из двух языков).

Согласно результатам нашего исследования, стандартная и экспрессивная оценка в научном диалоге могут актуализироваться как а) автономно, то есть независимо друг от друга (ноль-взаимодействие), так и б) в комбинации друг с другом.

1. Ноль-взаимодействие (автономное использование стандартных и экспрессивных оценок).

В научном диалоге стандартная или экспрессивная оценка способны функционировать в составе реплики самостоятельно, например:

Может быть, позиционная геометрия для начала подойдет. Чтобы мы увидели, что должно быть сделано, и дифференцировали это пространство. Это предложение, я не настаиваю, но считаю, что это будет **полезно**.

Я не знаю содержание ли это знания в нашем смысле, но мне **важно** пока подчеркнуть одну вещь — что и здесь, в одной плоскости, когда мы берём мир объектов как таковой, мы можем говорить только о структуре плоскости: какие виды, типы объектов там существуют.

And this is **an important fact** that it can do both because many of the growth factors will drive proliferation but block differentiation, and so increasing their levels could actually interfere with repair, which has been shown in some cases, but here you have one that has a little built in clock.

Well, I mean, that's **interesting**. My hope is that other people are working on some of these problems so that we might one day have a number of pieces of the puzzle together.

Приведенные контексты содержат стандартную для научной коммуникации оценку — рациональную (интеллектуальную, телеологическую, утилитарную и нормативную [6]: ссылки на актуальность, целесообразность, пользу, релевантность аспектов исследования и его результатов, а также явлений/фактов/событий), выраженную с помощью стереотипных средств. Однако, вместе с тем, научный диалог располагает возможностями для автономной экспликации более экспрессивной оценки, например:

*И это, между прочим, ещё Кондосэ **великолепно** описал.*

*Я, наоборот, к верхней части схемы воспроизводства отношусь **невероятно серьезно** и дальше буду её косвенно касаться.*

*That's been **brilliantly** pointed out by a lot of people, including the economist David Cutler at Harvard.*

*Well, they're all **extremely interesting** issues.*

В приведенных контекстах уровень экспрессивности оценки повышается, во-первых, за счет слов-интенсификаторов (**невероятно серьезно**, **extremely interesting**), представляющих собой интенсификаторы избыточной или чрезмерной степени, которые прототипическим формам научной коммуникации в целом не свойственны, а во-вторых, за счет оценочных средств, в семантике которых содержится сема интенсивности (**великолепно**, **brilliantly** и под.). В данном случае экспрессивность выходит за пределы чисто интеллектуальной и трансформируется в собственно экспрессивность. При этом экспрессивная оценка репрезентируется самостоятельно, вне комбинации с другими оценками.

Кроме того, как типичные, так и экспрессивные оценки в научном диалоге способны актуализироваться в структуре реплики неоднократно, образуя, таким образом, однородные аксиологические скопления, ср.:

Дело в том, что чем дальше я продвигаюсь в этом вопросе, тем больше я убеждаюсь, во-первых, в том, что это **прекрасно, замечательно** работает, а во-вторых, что здесь все время обнаруживается связь с социальностью в этом смысле.

*I think you bring up **an important point**, and I think it's **a fundamental distinction**, in that the two processes are somehow connected at some point, between development and the process of becoming.*

Если в первом примере выше двукратной экспликации подвержены экспрессивные оценки, а именно оценки, передающие очень высокую степень признака (*прекрасно, замечательно*), то во второй — рациональные оценки (*important, fundamental*), традиционно используемые в научной речи.

2. Совместное использование стандартных и экспрессивных оценок.

В научном диалоге стандартные и экспрессивные оценки способны комбинироваться в структуре одной реплики, образуя, таким образом, неоднородные аксиологические комплексы. На начальном этапе своего исследования мы предположили, что комбинирование стандартных и экспрессивных оценок на ограниченном участке речевой цепи может осуществляться в двух направлениях: а) в направлении преобладания конвенциональных оценок в структуре реплики и б) в направлении доминирования экспрессивных оценок. Однако наши наблюдения за функционированием оценочных значений показали, что актуальным для научного диалога является вторая модель взаимодействия двух типов оценок. В качестве примеров контекстов, представляющих собой аксиологические комплексы с преобладающими экспрессивными оценками, приведем следующие, ср.:

*Для меня схема мыследательности как онтологическая схема — **ложная**. Она **ничего не представляет** как модель процессов мыследательности, как оно вводилось в наших рассуждениях. На мой взгляд, там **огромное количество графических ошибок**. Графемы там **неадекватны**. А как схема-принцип она **блестяща** (в данном случае к традиционным для научной коммуникации оценкам относятся ссылки на ложность схемы и неадекватность графем, в то время как к истинно экспрессивным — **ничего не представляют** (гиперболизирована за счет местоимения *ничего*), **огромное количество графических ошибок** (указание на ошибки, гиперболизированное посредством ссылки на их огромное количество) и **блестяща** (содержит сему избыточности/чрезмерности);*

К сожалению, ответ будет не радостный**. Лингвистов очень волнует этот вопрос очень давно, и очень много лингвистов им занимались. На настоящий момент в целом всё-таки лингвистика должна признать, что она целостного ответа на этот **замечательный и центральный** вопрос не знает. Больше того, существует до сих пор **великая

формулировка Блумфилда: «Причины фонетических изменений неизвестны». Но это не совсем верно в настоящий момент, кое-что известно, но в целом проблема всё ещё ожидает решения. Так что вы задали **вопрос очень больной**, но для лингвистики это вопрос будущего (приведенный аксиологический комплекс включает одну типичную для научного диалога оценку — *центральный вопрос*, в то время как остальные оценки отличаются повышенной экспрессивностью, поскольку относятся либо к числу эмоциональных (*к сожалению, не радостный, волнуем*), либо к классу интенсифицированных за счет специальных дополнительных слов-усилителей);

Well, Professor Herzlinger, first of all thank you for a wonderful presentation, which was both informative and enjoyable (данная реплика представляет собой комплекс из двух экспрессивных оценок (*wonderful* — указывает на чрезмерную степень признака, и *enjoyable* — эмоциональная оценка) и одной рациональной (*informative*))

But I think almost everything that you brought up was both interesting, potentially exciting and then we also have all the things. I thought that it was really an excellent presentation (сочетание одной рациональной оценки (*interesting*) и двух собственно экспрессивных (*exciting* — эмоциональная оценка, и *excellent* — чрезмерная/избыточная оценка)).

В отдельных случаях между стандартными и конвенциональными оценками соблюдается баланс, что обычно происходит в составе двухкомпонентных аксиологических комплексов, ср.:

Thanks to both of you for an interesting and very, very thoughtful discussion.

В приведенном примере экспрессивные (*very, very thoughtful*) и стандартные (*interesting*) оценки представлены в одинаковом количестве (1/1).

Преобладание аксиологических комплексов с доминирующей экспрессивной оценкой вовсе не означает, что экспрессивные оценки имеют больший удельный вес по сравнению со стандартными: превалирующими экспрессивные оценки оказываются только в составе неоднородных (включающих как экспрессивные, так и традиционные для научного дискурса оценки) аксиологических комплексов.

На основании всего вышеизложенного сформулируем следующие выводы.

1. В русско- и англоязычном научном диалоге стандартные и экспрессивные оценки способны функционировать как самостоятельно, так и в тесном взаимодействии друг с другом (в составе одной реплики).

2. Наиболее востребованной моделью взаимодействия стандартных и экспрессивных оценок является такой вариант их отношений, при котором преобладающими в структуре реплики являются экспрессивные оценки.

3. Русско- и англоязычный научный диалог демонстрируют идентичные тенденции в плане автономного и совместного использования стандартных и экспрессивных оценок.

Список литературы

1. Данилевская, Н. В. Интеллектуальная экспрессия как маркер новизны научного знания (на примере идиостиля профессора М. Н. Кожиной) / Н. В. Данилевская, В. А. Данилевская // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* — 2022. — Т. 14, Вып. 1. — С. 23-37.
2. Данилевская, Н. В. Интеллектуальная экспрессия научного изложения: психолингвистический аспект / Н. В. Данилевская // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* — 2018. — Т. 14, Вып. 6. — С. 83-89.
3. Данилевская, Н. В. Научный текст как динамика оценочных действий / Н. В. Данилевская // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* — 2009. — № 2. — С. 20-28.
4. Симонян, А. А. Оценочность как составляющая политического дискурса (на материале инаугурационных речей президентов США) / А. А. Симонян // *Вестник Московского государственного университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* — 2006. — № 3. — С. 173-179.
5. Тихонова, М. А. Аксиология в контексте лексикографии: модель «Словаря оценочной лексики русского языка»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тихонова Мария Александровна; Моск. гос. ун-т печати им. И. Федорова. — М., 2016. — 200 л.
6. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 338 с.

Научное издание

Научный диалог: теория и практика

Материалы международного научного форума
(г. Москва, Форум 26 февраля 2026 г.)

Научный редактор Д.Р. Хисматуллин
Корректор А.И. Николаева

Подписано в печать 26.02.2026 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ.л. 9,25. Тираж 500 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
издательства Инфинити

